

ВСТРЕЧА

Колонка редактора

Ежеквартальный
студенческий православный
журнал Московской
Духовной Академии
и Семинарии.
Издается по благословению
преосвященного Евгения,
епископа Верейского,
Ректора МДА и С.
1997 • 3(6)

Попечитель журнала

Фонд единства
православных народов

Главный редактор
Даниил Еремеев
Выпускающий редактор
Евгений Сиротенко
Отдел богословия и философии
Сергей Елисеев, Сергей Ефимов
Отдел истории и литературы
Дмитрий Моисеев
Отдел информации
Сергей Зрянин, Сергей Черногорцев
Отдел проектов
иеромонах Роман (Лукин),
Игорь Шаповалов, Михаил Первушин
Корректоры Д.Моисеев, И.Неродюк,
Н.Колотовкин, К.Дорофеева
Верстка Е.Сиротенко, А.Долгов,
П.Кондраков, А.Войтенко
Набор С.Вараксина
Художник С.Иванов
Фото С.Пантелеев, Д.Шалаев
Распространение М.Троєглазов

Адрес редакции:
141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра, МДАиС
факс: (095) 973-08-23
Адрес в сети Internet:
<http://www.or.ru>

ЛР № 040173 от 15.12.1996
Подписано в печать 12.10.97
Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2
Зак. 1649
Оригинал-макет изготовлен редакцией
журнала «Встреча»
Отпечатано в типографии
издательства «Дом печати»
432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В подготовке номера
принимала участие
редакция студенческой
православной газеты
МГУ им. М.В. Ломоносова

Татьянин День

Содержание

- Вера делает человека
интервью с А.А. Волковым 2
- Летопись 6
- “Мне хочется быть монахом...”
Жизнеописание патриарха Алексия I
(Симанского). Часть I-я
Евгений Сиротенко 15
- Мысли вслух
Студенты МГУ и МДА о Духовных
школах 27
- Как из школы изгоняли
священнослужителей
Размышления православного педагога
В. Н. Крутин 32
- Воспоминания об Академии
С.Н. Постников 40
- Творец академической славы
А. П. Лебедев — профессор Академии
и Университета
Георгий Колыванов 45
- Пять дней на Святой Земле
Из дневника семинариста-паломника
Александр Войтенко 52
- Синайский монастырь 58
- Православная миссия
в “черной” Африке
Владимир Голубцов 60

При перепечатке ссылка на “Встречу”
обязательна

Редакция благодарит сотрудников Учебного
комитета при Священном Синоде РПЦ, Канцелярии и ЦАКА МДА за неоценимую помощь в
подготовке настоящего номера журнала.

На 4-й стр. обложки: Утичья башня
Троице-Сергиевой Лавры

Сегодня вниманию читателя предлагается не совсем обычный номер нашего журнала. Его особенность в том, что он подготовлен совместно с редакцией студенческой православной газеты МГУ “Татьянин день”. Появление такого номера в наши дни симптоматично — это говорит как об обоюдном интересе студентов Университета и Духовных школ друг ко другу, так и о том, что началось реальное сближение некогда совершенно отторгнутых друг от друга слоев общества — “духовных” и “мирских”.

Сделаны первые шаги на пути этого сближения: это и открытие при Университете домового храма, и прошедшие в МГУ и МДА круглые столы, и, наконец, совместный номер журнала, который вы держите в руках.

Пока что с полной уверенностью можно констатировать тот факт, что интерес у думающей молодежи к Церкви весьма велик. И здесь огромная роль принадлежит студентам Духовных школ — семинаристам, академистам — то есть нам с вами — их сверстникам. Для студента светского вуза подчас тяжело сразу прийти в Церковь и включиться в церковную жизнь — поговорить же со своими сверстниками из Духовных школ ему гораздо проще и, может быть, интереснее. А поговорить есть о чем — хотя бы о том же образовании: как оно поставлено в духовных и светских вузах? Совсем ли оно “бездуховно” в университетах и институтах, и насколько в Духовных школах оно удовлетворяет запросам современной жизни?

Эти и ряд других вопросов мы решили вынести на обсуждение в нашем журнале. Мы надеемся, что это обсуждение общих студенческих проблем, а также встречи и контакты между студентами духовных и светских вузов будут полезны не только нашим собратьям из светских учебных заведений, но и, в особенности, самим студентам Семинарии и Академии, которым в будущем предстоит в своей пастырской деятельности встретиться с ними. А к этой встрече нужно быть готовым, тем более что, как известно, “встречают по одежке, а провожают...”

Даниил Еремеев

“Встреча” с “Татьяниным Днем”

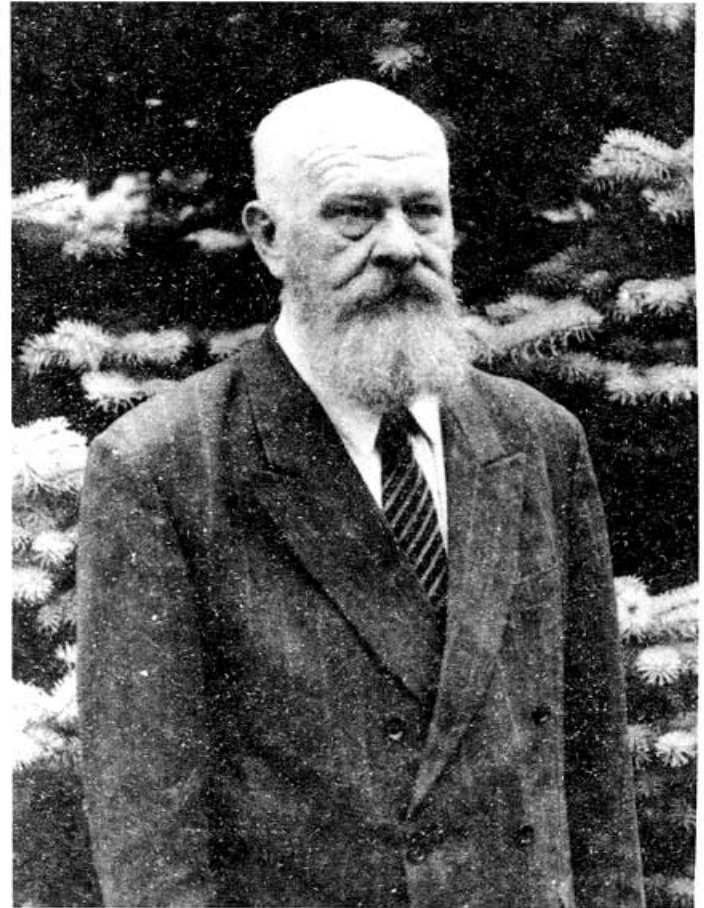
Духовное и светское образование. Что у них общего, чем они отличаются, возможно ли их сочетание, есть ли между ними четкая граница — эти и многие другие вопросы сразу встают перед нами. Московский Государственный Университет предоставил свои аудитории Свято-Тихоновскому богословскому институту, в Тверском Государственном университете открылась кафедра православной теологии, многие преподаватели преподают в духовных и светских учебных заведениях — эти и многие другие факты говорят об уже развивающемся сотрудничестве. Какие формы для него найти? В МГУ, к примеру, никогда не было богословского факультета, и вообще это западная традиция. Готовы ли студенты, если не к восприятию основ православного вероучения, то хотя бы к ознакомлению с ними? Многие — как показывают встречи в МГИМО, МДА и МГУ — в полном смысле слова жаждут этого. Многие — как мне кажется — будут решительно против. А готовы ли семинаристы к общению со светскими сверстниками? Некоторые — прошедшие эти школы — безусловно, другие — не знаю. Кто даст нам нить Ариадны, чтобы выбраться из этого лабиринта вопросов? Кто даст нам крылья, чтобы оказаться на высоте в наших поисках?

Думается, что студентам найти взаимопонимание все-таки проще. Именно поэтому две студенческих редакции решили объединить свои усилия и подготовить совместный номер “Встречи” с “Татьяниным Днем”. Затронуть хотя бы некоторые из проблем, здесь возникающих. Поговорить с людьми, знающими о духовном и светском образовании не понаслышке. Наконец, просто поделиться впечатлениями. Ведь Татьянин день — это общий студенческий праздник и Встречаться на нем можно всем.

МГУ и МДА встречаются. Прошел Татьянинский вечер “Московскому Университету — о Духовной Академии”, были и будут еще круглые столы, конференции, поездки. Но главное, наверное, просто посмотреть друг другу в глаза.

Владислав Томачинский,
аспирант филологического факультета МГУ,
главный редактор студенческой православной
газеты МГУ “Татьянин День”

“Вера

— Когда говорят о духе МГУ, то вспоминают демократическую закуску. А какая атмосфера царит в МДА?

— Во-первых, МДА более строго, чем МГУ, в смысле стиля — стиля жизни, отношений. Если касаться преподавания, то оно более школьное, чем в Университете. Насколько я знаю, в МДА учебные курсы преподаются иначе. Большая часть предметов читается всему курсу в целом. В то время как в МГУ основная часть курса читается в спецсеминарах, где научные интересы студента совпадают с научными интересами преподавателя, поэтому именно здесь происходит то университетское слияние научно-исследовательской работы и обучения студента, которое дает специфику Московского Университета, в особенности и которое делает МГУ самым сильным научным заведением нашей страны. Что касается Московской Духовной Академии, то образование там хорошо своей устойчивостью, догматичностью, значи-

делает человека...”

Своими размышлениями об особенностях образования в МДА и МГУ с нами поделился доцент МГУ, доктор филологических наук Александр Александрович Волков, преподающий как в Московском Университете, так и в Духовной Академии.

тельной углубленностью в предмет. Ведь предмет изучается долго: сначала в Семинарии, а потом — в Академии. Поэтому то, что знает выпускник Академии, он знает хорошо. Недостаток в том, что студенту трудно специализироваться, и его специализация не предполагает создания научной школы. Слишком мало спецкурсов.

— В этой связи выпускник МГУ больше подготовлен к жизни, чем выпускник МДА?

— К жизни выпускник Университета подготовлен меньше, больше он подготовлен к научной работе. Другое дело, что в нашей стране в последнее время научное образование вышло из моды, и студент стремится получить профессию, зарабатывать себе на жизнь, как-то продвигаться, а традиционное университетское преподавание на это не рассчитано. Естественно, что если говорить о подготовке к жизни, к работе преподавательской и к деятельности священника, то выпускник Духовной Академии подготовлен лучше, чем выпускник Московского Университета. Семинаристы просто знают, зачем идут учиться, и это более целенаправленно, чем в МГУ.

— Расскажите, пожалуйста, о сегодняшних связях МГУ и МДА.

— В МДА работает много выпускников МГУ, мне кажется, это очень хорошо, постоянно встречаю своих старых знакомых. Хотя преподавателей, одновременно работающих и в МГУ и в МДА, я знаю два-три человека.

— Как в дальнейшем могли бы развиваться эти связи?

— Чтобы отношения развивались, университетский коллектив должен подняться на уровень сознания Московской Духовной Академии. Университет — заведение сугубо светское, внерелигиозное учебное заведение. Если здесь читаются отдельные курсы преподавателями МДА, слава Богу, что они здесь читаются. Но эти курсы читаются как некое просвещение студентов о православной догматике. А так как лишь немногие профессора МГУ люди верующие, то и связи с МДА ограничены.

Другое дело — студенты, среди них действительно много верующих людей. И вот, на уровне студентов возможно какое-то более тесное общение — молодежное, а старшее поколение навряд ли готово.

— Каким Вы видите общение студентов МГУ и МДА?

— Можно предложить проведение каких-либо студенческих и аспирантских молодежных конференций, связанных с проблематикой классических языков, византистикой, можно разработать темы в области русской и западной медиевистики.

— Вы читаете курс риторики и в МГУ, и в МДА, а какие поправки на аудиторию приходится делать?

— Одно дело, когда я читаю нашим университетским барышням, а другое дело, когда я читаю курс риторики людям, которым этот курс нужен. Ибо что можно ожидать от наших милых девушек? Наверное, кто-нибудь из них будет когда-нибудь преподавать что-нибудь из риторики, но по большому счету в будущей своей жизни, карьере они никогда не будут связаны с практическим словом: они не юристы, они не будут заниматься государственным управлением, они не будут, наверное, ничего проповедовать. Когда же преподаешь риторику будущим священникам, даже будущему педагогу — это совсем другое дело. Для них практическое слово — часть профессионального труда, самая важная часть. И люди понимают, зачем им нужна риторика. Нашим же девочкам большая часть наук нужна для развлечения.

— Вы не могли бы нарисовать приблизительный портрет студента МГУ и семинариста?

— Я бы не стал сравнивать эти категории. Во-первых, потому что портрет студента МГУ — это, собственно, портрет студентки МГУ, а портрет семинариста — это портрет семинариста. Эти портреты с трудом совместимы. Я не понимаю, что вообще может быть общего у человека, который готовит себя к принятию духовного сана, и барышней, которая показывает свою красоту окружающему миру. Если серьезно, то семинаристы все

умеют делать сами, а студент Московского Университета только болтает о том, что делают другие.

— *Что мог бы перенять, на Ваш взгляд, студент МГУ у семинариста?*

— Одно дело, что мог бы перенять, а другое дело — что следовало. Следовало бы перенять очень многое, в первую очередь, веру. Вера делает человека. Потому что человек без веры нецелен, внутренне аморфен, рыхл в своем мировоззрении. Это очень видно по нашим студентам. Внутренний стержень — вера, есть в студентах семинарии. Вера ведь и создает образование. Образование не есть просто совокупность знаний, образование есть система целесообразно соподчиненных и внутренне связанных знаний, которые нужны человеку, чтобы помнить, что он делает и будет делать в жизни. Образование есть формирование личности, а личность имеет единый волевой центр и складывается только тогда, когда есть вера.

— *А университетское образование? Как Вы оцениваете его нынешнее состояние и перспективы?*

— Университетское образование в последние годы несколько размывается. Во-первых, у нас появилось множество учебных заведений, самозванно именующих себя университетами и не дающих действительно университетской подготовки. Во-вторых, возникла мода бездумно подражать западной высшей школе. В-третьих, рыночно-экономическая идеология размывает педагогическую и научную этику как культуру в целом. Но это все скоро пройдет. Университет же является научным учебным заведением, основа которого — традиционно сложившийся коллектив преподавателей-ученых, научные школы и библиотека. Опыт последних лет ясно показывает, что наша система университетского образования весьма эффективна: уровень подготовки студентов и аспирантов из стран Западной Европы, не говоря уже о студентах из США, значительно ниже, чем уровень наших выпускников. Поэтому нашему Госкомвузу следует подумать не о тарификации наших дипломов в иностранных государствах, а о развитии и совершенствовании отечественной университетской традиции и о статусе российского университета, который должен соответствовать высокому уровню науки и преподавания в учебном заведении, претендующем на такой статус. Хотелось бы быть уверенным, что мы готовим специалистов для России, а не для Америки. Будущее университетского образования во многом зависит от средней школы, и уже сегодня все возрастающий уровень подготовки абитуриентов требует существенного усложнения и усовершенствования университетских программ.

— *Считаете ли Вы, что образование в вузах должно оставаться исключительно светским?*

— Мне кажется, что у нас должна развиваться система православных высших учебных заведений, не только принадлежащих Русской Православной Церкви, но и государственных. Более того, образование не должно и не может сводиться к “предоставлению информационных услуг”. Задача университетского образования заключается в подготовке и воспитании обра-

зованного человека, способного к творческой деятельности. Условие творчества — цельность личности. Без веры и без религиозной культуры личность не может оставаться цельной. Спрашивается, как же быть с ответственностью университетского преподавателя и всякого педагога за будущее молодых людей, которые вверили себя его попечению?

— *Должно быть, существует и иная опасность — рационализация богословия, стремление понять веру умом, а не сердцем.*

— Правда ваша, такая опасность существует. Но без сердца и веры ничто невозможно. Если ученый не верует в существование Истины, то как он может заниматься наукой? Ведь всякий научный результат, по самому определению науки — заблуждение, ошибка, которая будет исправлена в ходе дальнейших исследований, по мере приближения к Истине. На этом положении стоит научная эпистемология. Если художник не верит в Красоту, то он не художник, а шарлатан. Если юрист не верует в Правду, то он прислужник “воли господствующего класса” или профессиональный манипулятор словами, зарабатывающий деньги на преступлениях и несчастьях других. Если педагог не верует в Творца и назначение человека — он мелочный торговец знаниями, развратитель юношества, софист. Вера всему основа, и вера идет от сердца.

— *С другой стороны, многие считают, что Православие — антиинтеллектуально.*

— Вот это — дикая чушь. И происходит она как раз от недостатка образования и от полуинтеллигентности, от плохой университетской выучки и лени мысли. По глубине разработки и по логической выстроенности картины мира и человека святоотеческая литература — высшее достижение человеческого разума. Философии Канта, Гегеля или Шопенгауэра в сравнении с Максимом Исповедником или Иоанном Дамаскиным выглядят облегченными умственными экзерсисами. Иное дело, что мы сами, привыкнув к определенной манере выражения, плохо понимаем и ленимся осваивать это великое наследие мысли. Это относится и к православному Богослужению при нашем собственном эстетическом и всяком другом одичании. Это относится и к православной практической этике при нашем скотском отношении к собственному человеческому достоинству. Что же касается “невежественных старушек”, то это еще вопрос, какой духовной культурой они еще владеют и какой культурой владеют их критики, но эти старушки явно не склонны бросать сокровище псам. Православие — истинная, единая, апостольская, вселенская вера, и культура Православия вполне соответствует его содержанию, являясь высшей формой религиозной культуры человечества. Именно эта культура лежит в основе науки, искусства, права, техники, государственного строительства, потому что вся история европейской мысли есть история более или менее успешной частной разработки того комплекса идей и догматических положений, который сложился с первого по

восьмой века. Об этом нам не следует забывать в сознании нашего невежества, недостойнства и того громадного пути духовного образования, который каждому из нас нужно пройти, чтобы освоить православную культуру.

— А как Вы пришли к вере?

— Я был крещен, когда мне было три месяца от роду, — так и пришел. Дядя-крестный, как мне рассказывали, носил меня вокруг купели, хромая на протезе, в пробитой осколками шинели, в которой был ранен на фронте, — другой одежды у него не было. Рядом были мои родители и их школьные друзья, вернувшиеся с войны и надевшие по этому случаю боевые ордена. Потом было все другое — пионерское детство, комсомольская юность, но от партийной зрелости Господь меня спас посредством моих старших товарищей и коллег, за что сегодня я им искренне признателен и благодарен. Я говорю это без всякой иронии, и вот почему. Нужно понимать высокое достоинство наших родителей и старших. Их так называемый атеизм и так называемое неверие были своего рода жертвой за други своя. Чтобы иметь возможность принимать решения, чтобы защитить наше духовное достоинство, чтобы даже не дать физически погибнуть Церкви и вере, все они — и духовные, и светские люди — шли на различного рода и различной степени заявления и компромиссы. И им удалось, несмотря ни на что, сохранить Русскую Православную Церковь, русскую культуру, русскую государственность, сохранить ценою собственных жизней и собственного духовного благополучия.

— Видимо, в этом был Промысл Божий...

— Да. Они были орудиями Промысла, и Бог им Судья. Надо быть натуральным эмигрантом из упорно бурбонствующих, которые ничего не поняли и ничему не научились, чтобы осуждать Патриарха Сергия, и надо быть натуральным власовцем, чтобы обвинять тех, кто защищал свою Родину вместе со Сталиным. Мне приходилось слышать рассказы солдат армии Власова, товарищей отца, которые вернулись из заключения, оплатив страшную цену предательства своего командира. Но иное дело — наши родители, иное дело — мы сами. В отличие от моего отца, я не делал истории, а безответственно жил в ней. Я ничем не жертвовал и ничем не рисковал для моей веры, моих убеждений и моих жизненных целей. Мои отец и мать не увлекались соблазнительными учениями в виде астрологии, дикой мистики или индийских философий, не ударялись в протестантскую этику, чуждаясь всего этого как нравственной грязи и духовного идиотизма. И в этом главным, может быть, смысле они были куда более православными людьми, чем я. Иное дело, что входить в

Церковь непросто, особенно для людей моего поколения.

— Почему непросто?

— Трудность в том, что мы по-интеллигентски дики и бескультурны — самые настоящие варвары с высшим образованием и учеными степенями. Мы боимся показаться невеждами и умствуем о вере, хотя не знаем обычных молитв, мы боимся подойти к священнику и обеспокоить его, как будто он партийное начальство, мы стесняемся перекреститься, потому что ничего не делаем просто, а все с вывертом, оглядываясь на окружающих и боясь показаться смешными. С другой стороны, большинство людей верует, что бытие определяет сознание, ну что хочешь, — то и делай, прямо по Марксу. И поскольку это вбито с детского сада, со школы, с института, то вот эти общие места, как говорит риторика, стереотипы, бывают безумно трудны. Этим часто объясняются психологические, культурно-психологические мотивы того, что люди идут в разного рода секты, вместо того чтобы идти в истинную религию. А православная жизнь, православный обряд требуют достаточно высокой культуры от человека, достаточно основательного понимания предмета. Ведь вообще быть православным достаточно трудно. Православие — христианство без облегчения жизни, тогда как все другие христианские конфессии облегчают жизнь человеку. Католику жить легче, потому что он грехи все может посчитать: сколько сделал хорошего, сколько сделал плохого, ну и жизнь как некоторый счет получается. Протестант вообще себя чувствует очень хорошим, деятельным человеком. Ему и исповедоваться не надо, ему достаточно того, что он признает веру во Христа. А православному жить трудно, потому что у православного нет, скажем, этики как таковой, нет этической системы, и человек сам должен думать о своих грехах и каяться в этих грехах. Православному мучительно трудно себя осознавать в жизни, потому что он все время осознает себя человеком весьма и весьма несовершенным, в числе кающихся, недобродетельных. Это требует такого духовного напряжения, к которому люди моего возраста, старшего возраста, просто не привыкли. Но это наши трудности, которые, надеюсь, мы успеем преодолеть за оставшийся нам отрезок жизни в этом мире. К великому счастью, вы, молодые, в состоянии думать и чувствовать иначе. Общество наше духовно кристаллизуется, становясь русским обществом, и я верю в его будущее, потому что верю в его исторический разум, ведь быть русским на деле значит быть православным.

С А. А. Волковым беседовала студентка МГУ Ксения Коренчук

Дипломаты в Академии

Малом актовом зале МДА 1 июня 1997 г. состоялся круглый стол на тему: "Церковь и международные отношения. Духовная школа и университет в меняющемся мире", в котором

приняли участие преподаватели и студенты Московского государственного института международных отношений.

С идеей проведения подобного круглого стола выступила редакция студенческого журнала МДАиС "Встреча", сотрудники которой 25 марта с. г. посетили МГИМО. В свою очередь преподаватели и студенты МГИМО нашли для себя необходи-

мым познакомиться с одним из старейших учебных заведений Московского Патриархата.

Со стороны гостей в работе круглого стола принимал участие проректор по учебной части Виктор Борисович Кириллов, заведующий кафедрой философии Алексей Викторович Шестопал, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры Юрий Павлович Симонов, а также преподаватели и большое число студентов МГИМО.

В начале встречи секретарь Ученого совета Московской Духовной Академии архимандрит Платон (Игумнов), обратившись к собравшимся, сказал: "Происходящее сегодня событие является подтверждением того, что преодолевается барьер отчужденности между Церковью и обществом, и

общество начинает признавать ценность Церкви, ее традицию, ее спасительное служение миру. В свое время Владимир Сергеевич Соловьев говорил о том, что произошел разрыв между ценностями культуры и ценностями христианской веры. Но Соловьев верил, что этот разрыв является временным, что он будет преодолен, что мир должен прийти к идее Церкви, а Церковь должна освятить все достижения культуры, всякую человеческую деятельность и каждую личность, ибо для того Церковь и включена в поток человеческой истории, чтобы быть соотносительной всему богоспасаемому человечеству, чтобы освящать и спасать весь окружающий мир, все аспекты бытия... Я надеюсь, что эта встреча позволит более ясно осознать миссию Церкви в мире,

потому что церковное присутствие за рубежом является частью нашего русского присутствия в зарубежных странах... Церковь — часть нашей действительности. Церковь, как говорил протоиерей Георгий Флоровский, — это не тихая пристань для усталых и разочарованных душ, а это сила, духовно освящающая и духовно преображающая мир”.

В своем ответном слове проректор МГИМО В.Б.Кириллов, поблагодарив за приглашение на круглый стол в стены Духовной школы, сказал, что “тот трагический раздел, который расколол в свое время русскую культуру, науку и особенно русское образование, отделив их от Церкви, на самом деле сейчас хотя еще и не преодолен, но нужно предпринимать решительные шаги, чтобы достигнуть того момента, когда оба эти потока: и поток образовательный, поток научный, и поток духовный, поток нравственный, объединятся к нашей общей радости, к нашему общему торжеству, к торжеству и России как православно-державы”.

После вступительных речей были заслушаны доклады студентов МДА, посвященные миссионерской деятельности РПЦ за пределами России. Священник Дионисий Поздняев в своем докладе “Русская Православная миссия в Китае” рассказал об истории возникновения русской миссии на территории сопредельного нам Китая и о труде ее миссионеров, а также упомянул о своем личном опыте общения и взаимодействия с Российским посольством в этой стране. Отец Дионисий в своем докладе рассказал о том, что в 1995 г. Президентом РФ было подписано положение “О посольстве Российской Федерации”, в котором говорится о том, что “формирование религиозных структур в пределах посольств не допускается, и поэтому сегодня приходится каким-то образом искать компромиссы”. В посольстве мне многократно приходилось убеждаться в том, что это — вопрос, требующий быстрого решения, — сказал о. Дионисий. — Я думаю, что многих ошибок советской дипломатии во взаимоотношениях с Китаем можно было избежать, если бы можно было учесть опыт русской духовной миссии, ее дипломатической деятельности, ее принципов, потому что миссия на протяжении 150 лет обеспечивала то,

что сейчас называют национальной безопасностью России”.

Истории сотрудничества РПЦ и МИДа России коснулся в своем докладе “Русские посольские церкви” студент Духовной Академии Игорь Выжанов, выпускник МГИМО 1993 г. По мысли докладчика, в участии Церкви в международных отношениях есть и чисто практический аспект: “Мы не можем ожидать какого-либо уважительного отношения со стороны наших зарубежных партнеров, если мы не уважаем самих себя, т.е. если мы не знаем своей истории, культуры,

своей веры”. Относительно трудностей, с которыми приходится сталкиваться ныне священнослужителям при организации посольских церквей на территориях дипломатических представительств России, докладчик высказал убеждение, что, если “будут верующие дипломаты, будут и посольские церкви несмотря на разные циркуляры сверху. Если будет это глубинное движение снизу, его не удастся никак остановить”.

Центральными, как и предполагалось, стали выступления преподавателей МДА и МГИМО, посвященные теме взаимоотношения Церкви и государства. Достаточно острым и, наверное, провоцирующим к открытому диалогу было выступление преподавателя МДА Н.К.Гаврюшина “Православная Церковь и Русское государство”. По мнению докладчика, само понятие Церкви, к которому сегодня апеллируют не только богословы, но и многие политики, достаточно широко трактуется в истории человеческой культуры. Наверное, не секрет, что для государственного мышления любого чиновника удобнее мыслить Церковь лишь как иерархию, как “прозрачно управляемый некоторый инструмент”, и иной взгляд на Церковь со стороны человека государственно ориентированного иногда встречает недостаточное понимание.

Касаясь истории возникновения и формирования русской государственности, Н.К.Гаврюшин сказал: “в отличие от целого ряда других государственных образований и наций, в исто-

Архимандрит Платон (Игумнов), секретарь Ученого совета МДА, и В.Б. Кириллов, проректор МГИМО по учебной части

Ю.П. Симонов, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО

рии Руси дело складывалось таким образом, что по существу русскую нацию созидал церковный язык (греч. этнос — народ)».

Таким образом, русское государство по своей идее должно служить тому самому народу, который его созидал, однако история свидетельствует о том, что отношения между Церковью и государством не всегда были безоблачными, и самый яркий пример тому — церковный раскол XVII века. Когда сегодня с ностальгией вспоминают эпоху почти полной симфонии государства и Церкви, когда церковные институты были просто включены в государственную систему, необходимо помнить и о том, что именно в это время у нас и было порождено на этой святой земле и среди народа Божия очень много людей неверующих как из среды духовных школ, так из среды университетов. «Это должно быть для нас уроком. Церковно-государственная симфония отнюдь не обязательно — в том ее понимании, в котором она осуществлялась — обеспечивает самую главную задачу Церкви».

Николай Константинович Гавришин указал на то, что среди самих православных людей существует достаточно пестрое многообразие религиозного сознания, и многие поразному понимают Православие, роль и место священника в жизни православного христианина. «Не

Ведущие круглого стола: Д. Еремеев, главный редактор журнала «Встреча», и В. Легойда соредатор журнала «Фома», МГИМО

секрет, что как в сфере светской есть и достаточно политически активны свои приватизаторы государственной собственности, так не секрет, что и в сфере церковной есть люди, которые, может быть, не откровенно, а так сказать, прикровенно, но живут идеей приватизации благодати, приватизации богообщения... Такое сознание соответствует явлению, которое называется клерикализм. Клерикализм — это явление не только Западной Церкви, клерикализм есть и у нас, и у нас он опасен особенно тем, что он всегда рядится в самые церковные одежды, всегда является самым что ни на есть блюстителем традиции, но по сути своей он является первейшим и страшнейшим врагом Церкви... Клерикализм создает в обществе, тянущемся к Церкви, своего рода синдром «запуганного Православия», которое живет в мире, окруженном со всех сторон врагами... «Запуганное Православие», которое совершенно, как мне кажется, не соответствует духу прежде всего тех же самых Московских Духовных школ, приобретает сегодня некоторую социальную активность, а эта активность косвенно ударяет, между прочим, и по нашим международным отношениям. Христианство, в основе сознания которого лежит вера во Христа, молившегося за своих врагов, апостольское христианство, которое все-таки посылало апостолов к язычникам, людям самых разных верований, оно этим состоя-

нием запуганности совершенно несовместимо...

Воздействие русской церковной традиции, Русской Церкви через самых различных ее чад на мировую культуру и частью на мировую политику осуществлялось иногда не очень явно. Через тех же философов, писателей и сегодня у нас есть очень большой потенциал нахождения созвучных нам традиций, имен в тех гражданских сообществах, которые определяют в какой-то мере политику и умонастроение в этих странах. Но именно в этом духовном плане до сих пор наша дипломатия в значительной степени была не вооружена, и эта ее невооруженность была связана и с тем, что вот эту восприимчивость к другим культурам, умение найти в них нечто созвучное Православию и в то же время очень четко показать различия, расхождения этих культур с подлинным Православием, это мы несколько потеряли...

Сегодня задача заключается в том, чтобы этот утраченный потенциал восстановить совместными усилиями».

Данное выступление вызвало большой интерес среди студентов и преподавателей МГИМО. Подобный взгляд на Православие, на взаимоотношения Церкви и государства, а также на внутрицерковные проблемы, достаточно знакомый и часто обсуждаемый в Духовной школе, оказался, наверное, вполне неожиданным для гостей. «Ваше выступление как-то неожиданно для меня прозвучало, — сказал проректор МГИМО В.Б. Ки-

Н.К. Гаврюшин, доцент МДА

риллов, — потому что я привык считать, что такие определения, как “запуганное Православие” или “приватизация благодати” в стенах Духовных школ просто невысказаны. Что же, это хорошо. Это говорит о том, что, видимо, не только мы не стоим на месте, но не стоим на месте и духовное образование”.

Профессор кафедры философии МГИМО Владимир Сергеевич Глаголев выступил с докладом на тему: “Единение народа: Церковь и Государство”. “Можно обсуждать проблемы сотрудничества государства и Церкви, — сказал В.С.Глаголев, — и периодически создавать новые мифологемы, т.е. новые построения, которые могут быть теоретически увлекательными, перспективными, но в конечном счете ничем не могут кончиться, потому что изначально они нежизненны”. В подтверждение своей мысли докладчик привел пример В.С. Соловьева с его неудавшейся идеей объединения светской и духовной власти в лице русского императора и римского папы. Однако Церковь и государство совместными усилиями должны объединять народ для решения насущных проблем современности. “Возникает вопрос, вокруг каких целей, вокруг каких задач можно сегодня мало-мальски объединить народ. Можно, конечно, сформулировать цели и ценности Русской Православной Церкви. Они действительно ориентированы на 80 % населения России, но остается еще 20 % населения, которые явно не ориентированы на

эти цели и эти интересы. Конфессиональная сплоченность этих 20 %, учитывая мусульманский фактор, в общем-то более высока, чем конфессиональная сплоченность населения, традиционно исповедующего Православие”. Сейчас перед населением нашей страны стоит проблема выживания. В.С.Глаголев привел печальную статистику, согласно которой уровень смертности населения России намного превышает соответствующие показатели рождаемости. Мы просто оказались перед угрозой полного вымирания. “Я полагаю, что сегодня первоочередная задача как внешнеполитических усилий нашей страны, так и внутривластной деятельности нашего государства, в решении которой по-настоящему должен принимать участие каждый честный человек, верит ли он в Иисуса Христа по православному, по католическому или по протестантскому обряду, верит ли он в Магомета и т.д., это уже, видимо, детали, есть задача выживания народа, задача сбережения народа”.

К сожалению, данное выступление осталось без внимания и должной оценки. Речь профессора А.И.Осипова, затронувшего в связи с этим докладом проблему смысла жизни, не получила должного развития, ибо обещанный перерыв прервал начинавшуюся было дискуссию.

Мы остановили свое внимание на докладе В. С. Глаголева неслучайно. При всем расположении к Православной Церкви выводы профессора

В.С. Глаголев, профессор кафедры философии МГИМО

МГИМО были достаточно показательными и весьма прозрачными.

Не нужно большого усилия ума, чтобы понять, что для Русской Православной Церкви сегодня в России отведено место далеко не такое, какое она, наверное, хотела и должна была бы занять. И беда здесь, видимо, не только в том, что какие-то политические силы мешают этому. “Кто-то однажды заметил полушутя, — писал протоиерей отец Александр Шмеман, — что наши греческие братья и доселе не ведают, что Константинополь взят турками и с тех пор зовется Стамбулом. Это замечание *mutatis mutandis* (лат. — с надлежащими изменениями) относится сегодня к подавляющему большинству православных, где бы они ни находились”. Слепота и беспомощность, с которой порой православный христианин воспринимает окружающую его действительность, имеют своей причиной не только “бурю” 1917 г. Наверное, именно духовная и интеллектуальная лень мешают задуматься о том, что такое Святое Православие и чем оно является для каждого из нас, замыкается ли оно лишь на личном благочестии или обязывает к чему-то большему. Пока наши коллеги из МГИМО предлагают для Русской Православной Церкви план реализации ее потенциала во благо родного Отечества, наверное, не лишним будет задуматься о том, возможно ли для одной шестой части света, так скажем, “парламентским путем” составить и реализовать про-

грамму по возрождению государства. Думается, нужно обратиться к тысячелетнему опыту русской государственности, к нашей истории и культуре, чтобы понять, что именно созидало единство и бытие русского народа и какова была роль Церкви в этом процессе. Пожалуй, следуя таким путем мы можем избежать создания новых мифологем. Если же наш кругозор будет ограничен только эпохой уже "восьмидесятилетнего кошмара", а о своей истории, культуре, религиозном сознании наших предков мы будем судить по политизированной литературе или заведомо ангажированным сообщениям средств массовой информации, тогда ничего хорошего ожидать не придется.

Легко понять, что от решения данных проблем не свободны ни Духовные школы, ни университет, ибо от них во многом зависит, в каком направлении и с каким содержанием будет происходить формирование сознания их студентов — будущего нашего государства, и прошедший круглый стол в стенах Московской Духовной Академии еще одно тому подтверждение. Эта встреча показала, что преподаватели и студенты МГИМО готовы обсуждать общие для нас вопросы, хотя ближе познакомиться с Православием, с его пониманием мира и бытия человека в этом мире. Очевидно, это — непреходящий интерес. Проректор по учебной части МГИМО В.Б.Кириллов заверил собравшихся, что будет содействовать введению в университете факультативного курса по истории Православия.

Нужно сказать, эта встреча была необходима и для нас, студентов Духовной школы, ибо в процессе общения человек познает самого себя, все, что было накоплено прежде, подтверждается жесткому критическому анализу. Теоретические навыки, полученные во время занятий, сталкиваясь с практическим их применением, выявляют естественные недостатки, и что-то прежде, казалось бы, важное оказывается недостаточным, требующим дополнительного усилия ума и сердца. Студенты светского вуза — это часть нашей будущей паствы, а знать, чем она живет, какие проблемы ее волнуют и что она ждет от Церкви, есть долг пастыря.

В заключение круглого стола собравшиеся выразили желание вновь собраться вместе, теперь уже осенью, в стенах Московского Государственного Университета и продолжить начатые собеседования.

Елисеев Сергей, II курс МДА

Архимандрит Макарий (Веретенников)

Пятое Макарьевские чтения

Можайская земля чтит преподобного Ферапонта († 1426; пам. 27 мая), основателя Лужецкой обители. Вскоре после дня его памяти ежегодно совершается чествование Митрополита Макария († 1563; пам. 30 дек.).

С 11 по 13 июня 1997 года в Можайске прошли Пятое Макарьевские чтения. Святитель Макарий — глава Русской Церкви в середине XVI века. Его важнейшее деяние — создание Четых Миней, получивших именование Великих по своему объему и значимости, а также Макарьевских по имени своего мудрого собирателя. Уже одно это начинание, явившееся большим вкладом в развитие тысячелетней древнерусской книжности и письменности, достаточно, чтобы святительское имя на века сохранилось в памяти благодарных потомков. Однако в действительности его заслуги еще больше и значительнее. Это был подвижник, молитвенник, богослов, духовный писатель, иконописец, почитатель русских святых, замечательный организатор, собравший вокруг себя множество писателей и книжников, государственный деятель, дипломат, патриот. И канонизован он был в год великого юбилея Русской Православной Церкви — 1000-летия Крещения Руси.

Празднование Тысячелетия Православия в 1988 году предварили Кирилло-Мефодиевские торжества в Новгороде. Там впервые на научно-практической конференции прозвучала мысль о необходимости учреждения Макарьевских чтений. Осенью 1989 года эта идея была высказана на конференции, проходившей в Издательском отделе Московского Патриархата и посвященной истории Церкви в России (Вопросы истории. 1990. № 3). В 1991 году, в конце января — начале февраля, Научный совет Академии Наук по изучению роли Церкви в истории провел в Москве конференцию, посвященную Митрополиту Макарию и приуроченную ко дню его памяти. Приходится только сожалеть, что ее материалы не были опубликованы, а она сама не стала традиционной в отечественной науке.

Но прошло два года, и в подмосковном Можайске состоялись первые Макарьевские чтения. Святитель был настоятелем Можайского Лужецкого монастыря в 1523-1526 годах. Всего три года! Но именно Можайск так

бережно хранит память о великом русском Просветителе. Важно отметить, что впервые на конференции наряду с учеными докладами было сказано много простых и теплых слов о Святителе.

По благословению Митрополита Макария была открыта новая страница в истории книги и культуры на Руси — началось книгопечатание. Ныне в Можайске, крупном полиграфическом центре, прозвучала мысль о необходимости поставить ему памятник, а также назвать его именем одну из городских улиц. Митрополит Макарий — многогранная личность, и доклады, читаемые на конференции, весьма разнообразны: личность самого Святителя, агиографические памятники из Макарьевских Четых Миней, а также история и культура Можайской земли: выявляются археологические памятники, фольклорные традиции и т. д. Во время конференций регулярно совершаются поездки в возрождающиеся Лужецкий и Спасо-Бородинский монастыри, устраиваются различные выставки в музее. Святитель незримым попечением и к радости докладчиков материалы ежегодных конференций регулярно публикуются. Макарьевские чтения нашли отражение в передачах телевидения, стали постоянной темой в можайской прессе.

В этом году исполнилось 450 лет со времени первого в истории Руси царского венчания, совершенного Митрополитом Макарием в кремлевском Успенском соборе. Одновременно Можайск отметил пятилетний юбилей научной и просветительской работы, связанной со славным именем Митрополита Макария. В следующем году исполняется десятилетие со дня прославления Митрополита Макария, что определило тему следующих Чтений — Канонизация святых на Руси.

Юбилей всегда побуждает нас задуматься, дать оценку прошлому и окружающей действительности. Обращение к идеалам прошлого, осознание величия наших предшественников, наполняет смыслом наше бытие, воспитывает любовь и уважение к своему краю и Отчизне, вселяет надежду на будущее. Макарьевские чтения и их материалы вносят весомый вклад в духовное возрождение общества, став достоянием интеллигенции, деятелей культуры, искусства, науки и просвещения.

Конференция в Дубне

2 октября в Дубне состоялась VIII Международная конференция "Наука, философия, религия", организованная Объединенным институтом ядерных исследований (ОИЯИ). По традиции на конференции присутствовал профессор Московской Духовной Академии А.И. Осипов с группой студентов МДА.

Открыли конференцию директор ОИЯИ В.Г. Кадышевский и проф. А.И. Осипов. После них выступил В.А. Никитин (ОИЯИ), доклад которого "Наука и мировоззрение: антропный принцип" имел целью представить точность и целесообразность мироустройства в качестве научного доказательства бытия Божия. Следующим докладчиком был В. Л. Аксенов (ОИЯИ). Его яркое, насыщенное свежей научной информацией выступление, посвященное материалу XX века — фулерену, затрагивало серьезный мировоззренческий вопрос: "Неожиданность открытий — что это? Переход количества в качество или указание Высшего Разума?" Последний доклад первой части конференции — "Эволюционная теория на рубеже третьего тысячелетия" — был зачитан профессором А.П. Акифьевым (МИФИ). В присущей ему экспрессивной манере проф. Акифьев возвестил крах дарвинизма и осудил митрополита Смоленского Кирилла (Гундяева) за то, что тот снял с ученых ответственность за создание теорий эволюции, пообещав, что "Господь на Страшном Суде за это не спросит". "Обязательно спросит, — заверил профессор, — пусть помнят об этом".

Вслед за докладчиками выступили несколько материалистически настроенных оппонентов, подвергших резкой критике религиозные воззрения на науку выступавших прежде ученых. Так, проф. Ермилов (ОИЯИ) заявил: "Попытка Никитина вытянуть из физики Бога — это невозможно. Научных сотрудников, ставящих Бога на место естественных причин, надо увольнять". "Религия и наука — вещи несовместимые", — утверждал проф. В. Г. Соловьев (ОИЯИ). После обеденного перерыва были прочитаны доклады В. Н. Первушина "Физика на рубеже третьего тысячелетия" и священника Кирилла Копейкина (СПБДА) — "Физика на рубеже метафизики". Религиозная ориентация этих докладов окончательно вывела из себя атеистическую оппозицию, представители которой стали демонстративно переговариваться между собой и прерывать докладчиков язвительными, ироничными репликами. Так, А. А. Тякин (ОИЯИ) подверг сомнению научную

компетентность В.Н. Первушина, обвинив его в неумении различить поле от волновой функции. К счастью, ожесточенное противоборство (была задета научная гордость!) не опустилось ниже вербального уровня.

С заключительным докладом выступил согласно традиции А. И. Осипов. Непокойная обстановка в зале, заносчивые придирки "старой гвардии" физиков-материалистов и воинственные отповеди на них А. П. Акифьева помешали проф. Осипову на этот раз развернуться во всю мощь его ораторского дарования. Тем не менее, его риторическое мастерство получило всеобщее признание. Особое воздействие на аудиторию оказали его слова: "Православная Церковь учит: крещен человек или не крещен — только жизнь не по совести может привести к тому, что он погибнет".

Высоко оценивая итоги конференции, предоставившей возможность диалога богословам и ученым-физикам, нельзя не отметить ее некоторую неконструктивность. Был произведен обмен определенной информацией, но главное — взаимопонимание — не было достигнуто. Об этом свидетельствовали и взаимные "дружеские" пожелания оппонентов: атеисты просили православных впредь быть менее агрессивными, а православные советовали атеистам стать более культурными.

Дмитрий Предеин, III курс МДА

Круглый стол в МГУ

1 октября в здании 2-го гуманитарного корпуса МГУ в рамках научно-дискуссионной программы "Россия: слово, философия, культура", инициаторами которой выступают студенческие православные издания "Встреча", "Фома" и "Татьянин День", состоялся круглый стол на тему: "Студент и Церковь". Главный редактор газеты "Татьянин День" Владислав Томачинский был непосредственным организатором этого мероприятия и выступал нем нем в качестве ведущего. Ему ассистировал Владимир Легойда — соредaktor журнала "Фома", который возглавлял группу студентов МГИМО, прибывших на встречу.

Несмотря на холод, царивший в аудитории по причине отсутствия отопления, встреча оказалась весьма теплой, а диалог вполне откровенным, так как большинство собравшихся составляли православные студенты, которым всегда приятно пообщаться друг с другом и есть о чем поговорить. Впрочем, были, конечно, и сомневающиеся, и неопределившиеся, и просто неверующие, и поэтому нельзя сказать,

что круглый стол проходил совершенно без споров.

В частности, довольно оживленную дискуссию вызвал вопрос о необходимости иметь при учебных заведениях домовые церкви. В Москве, как известно, пока что имеется единственный прецедент существования домового храма при вузе — это церковь святой мученицы Татианы в МГУ. Выяснилось, что значительная часть пришедших никогда не бывала в этом храме, а некоторые даже впервые услышали о нем. В целом, была признана и необходимость, и оправданность существования подобных церквей при вузах, ведь именно эти храмы должны быть местом молитвы и духовного общения верующих студентов.

Обсуждался вопрос о роли и значении церковной и, в частности, студенческой прессы в жизни современного общества. Было высказано мнение, что издания, подобные вышеупомянутым "Встрече", "Фоме" и "ТД", необходимы как альтернатива тому потоку грязной и лживой информации, который обрушился в наше время на неискушенных в духовной жизни людей.

И что особенно важно, ребята спокойно и доверительно делились своим — пусть небольшим — опытом духовной жизни. Студенты Академии и Семинарии, а большинство из прибывших на встречу являлись сами по преимуществу выпускниками московских вузов, рассказали о тех трудностях, которые они испытали при переходе от светского образования к духовному.

На встрече было объявлено о том, что журнал "Встреча" уже с октября начинает реализацию программы "Открытые дни Московской Духовной Академии", благодаря которой учащаяся молодежь сможет приехать в Академию, встретиться с ее профессорами и познакомиться с жизнью студентов.

В целом, присутствующие остались довольны встречей, но, подводя итоги, нельзя уйти от некоторой критики относительно организации круглого стола. Информация о его проведении не всегда находила своего адресата — на многих факультетах студенты ничего не знали об этом мероприятии, а те, кто все-таки пришел, как выяснилось, узнали о нем совершенно случайно. К сожалению, весьма ощутительно сказывалось и отсутствие четкой программы круглого стола. Но в то же время, встреча прошла столь интересно и насыщенно, что в заключение было высказано пожелание о более частом проведении подобных мероприятий не только в МГУ, МГИМО и МДА, но и в других вузах Москвы.

Дмитрий Моисеев, I курс МДА

“Государство дружит с Церковью...”

6 августа 1997 года в Москве в присутствии Президента России Б.Н. Ельцина, членов правительства, депутатов Федерального собрания и представителей общественности Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил освящение храма-часовни во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба, восстановленного на Арбатской площади по инициативе и на средства Фонда единства православных народов. Храм возвели всего за три месяца и к началу августа подготовили к освящению и открытию.

На торжественной церемонии президент Фонда единства православных народов В. А. Алексеев обратил особое внимание на важность этого события. “Знаменательно, — сказал он в своей речи, — что храм-часовня — этот зримый символ умиротворения и умягчения людских сердец — сооружен и освящается в год, который объявлен в России Годом примирения и согласия. Я верю, что сейчас радуются в Царствии Божии святые Борис и Глеб, а с ними и все святые, в земле Рос-

сийской просиявшие, ибо ныне сегодняшним освящением храма-часовни сделан большой шаг в сторону умиротворения и согласия в нашем обществе”. Затем к присутствующим обратился Его Святейшество, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он отметил: “Этот день, это событие еще раз показали, как возвращается к народу нашему его историческая память, издревле присущий ему духовный и культурный лик. Глубоко неслучайно, что второе крещение нашего народа идет рука об руку с возрождением России, с постепенным переходом ее от смутного времени к созиданию гражданского мира. Как и много веков назад, Русь создается и собирается на основе отеческой веры. Именно так и только так, Отечество сможет вернуть свои силы и красоту свою. Именно в верности нашему исконному духовному пути кроется надежда на лучшее будущее. Вражда и разделение, обман и порок, безнравственность и бездуховность, ослепление ложными идеалами, поругание отеческой веры и народных традиций несут в себе разрушение, страдание и гибель. Все это должно сознавать и власть. Ибо если дух народа будет

оставлен на произвол всех стихий века сего, то нам лишь останется смотреть в будущее с тревогой и страхом. Какой мы, старшее поколение, оставим Россию внукам? Это решается сегодня, решается властью, решается народом”.

В ответной речи Президент России Б. Н. Ельцин подчеркнул: “Храмы возрождаются по всей России, в православные праздники, как и в давние времена, по всей России плывет малиновый звон колоколов, который говорит о том, как власть, как государство дружит с Церковью. Уверен, что наше благотворное сотрудничество будет крепнуть на благо России, и никакие препоны, возникшие в последнее время, никогда не разлучат нас, поскольку мы знаем и роль, и значение в возрождении России православного христианства и нашей Православной Церкви”.

Хочется верить, что возрождение еще одной некогда разрушенной святыни послужит делу укрепления Православия на нашей многогранной земле.

Игорь Неродюк, 1 класс МДС

Фонд единства православных народов

Закрытое акционерное общество
Служба “Паломник”

Предлагает совершить паломнические поездки во Святую Землю: поклониться святыням, осмотреть археологические и религиозные достопримечательности и, конечно же, побывать в Иерусалиме.

В составе каждой группы с Вами будет православный священнослужитель. По вашей просьбе он совершит Таинства Крещения, Венчания, Причащения в местах, связанных с жертвенным служением Иисуса Христа. Мы поможем Вам не только увидеть святыни Православия, но и понять, почему вот уже почти 2000 лет миллионы людей со всего мира стремятся сюда для того, чтобы прикоснуться к этим святыням.

ПРОГРАММА ПРЕБЫВАНИЯ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ.

МАРШРУТ: ИЕРУСАЛИМ (3 НОЧЛЕГА) — ТИВЕРИЯ (1 НОЧЛЕГ), ТЕЛЬ-АВИВ (2 НОЧЛЕГА)

День 1 Прибытие в аэропорт им. Бен Гуриона. Встреча в аэропорту с представителем принимающей стороны, отъезд автобусом в Иерусалим. Размещение в гостинице. Паломничество по старому городу. Крестный путь. Сион. Посещение Храма гроба Господня. Ужин. Ночлег в Иерусалиме.

День 2 Завтрак. Иудейская пустыня. Монастырь Георгия Хозевита. Иерихон, Сорокодневная гора. Монастырь Герасима Иорданского. Мертвое море. Ужин. Ночлег в Иерусалиме.

День 3 Завтрак. Посещение Троицкого собора Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Ужин. Ночлег в Иерусалиме.

День 4 Завтрак. Вифлеем. Елеонская гора. Вифания*. Горненский монастырь. Река Иордан. Размещение в гостинице в Тиверии. Ужин.

День 5 Завтрак. Капернаум. Фавор. Назарет. Кана Галилейская. Хайфа. Прибытие в Тель-Авив. Размещение в гостинице. Ужин.

День 6 Завтрак. Лидда. Храм и гробница Святого Великомученика Георгия. Русский монастырь Святого Апостола Петра в Яффе. Старая Яффа. Ужин. Ночлег в Тель-Авиве.

День 7 Завтрак. Экскурсия по городу. Отъезд в аэропорт для вылета на Родину.

* Посещение Вифлеема и Иерихона зависит от политического положения.

Желающим совершить поездку за две недели до ее начала необходимо представить: паспорт (зарубежный и внутренний), две фотографии размером — 4х6 см, посольскую анкету. При выезде семейных пар представляются свидетельство о браке и свидетельство о рождении ребенка (если дети выезжают вместе с родителями) и нотариально заверенную доверенность (если ребенок выезжает с одним из родителей).

Вылет группы из Москвы в пятницу. Возврат в Москву в четверг.

Мы ждем Вас по адресу: 129336, г. Москва, улица Норильская, 36. (Проезд до станции метро “Бабушкинская”, далее автобусом № 605 до остановки “Напрудная”). Получить дополнительную информацию, сделать заявку на поездку Вы можете по телефонам: 475 - 82 - 74, 475 - 67 - 95 (тел./ факс).

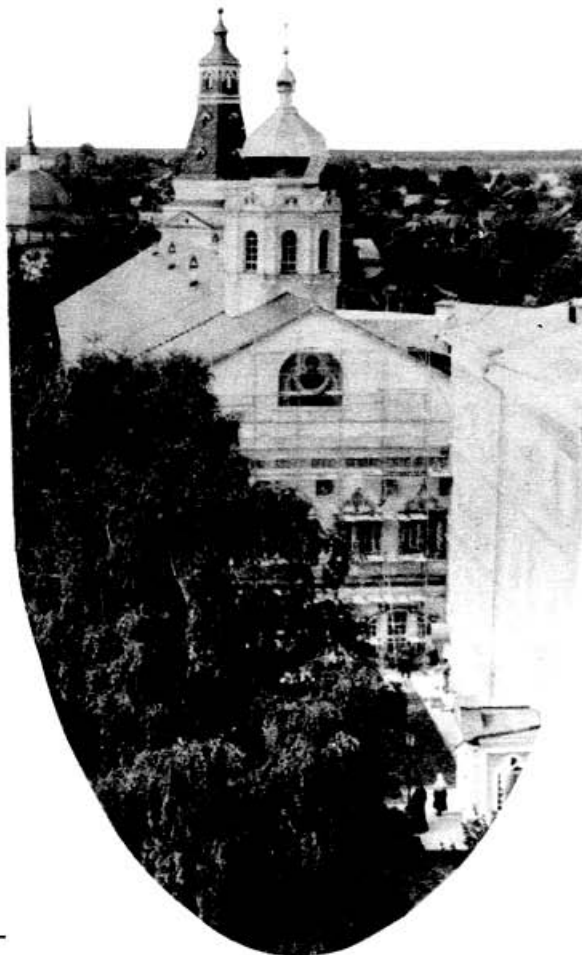
РЕФОРМА ДУХОВНЫХ ШКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

КОНКУРС

Студенческий православный журнал Московской Духовной Академии и Семинарии "Встреча" объявляет конкурс на лучшую работу по темам:

1. Концепция богословского образования в контексте исторического опыта Духовной школы России

2. Духовные школы сегодня. Задачи и приоритетные пути развития

Условия конкурса:

К участию в конкурсе приглашаются студенты духовных и светских учебных заведений Российской Федерации.

Материалы принимаются в редакции журнала "Встреча" в напечатанном виде, объемом 8-10 машинописных страниц (через 2 интервала, не более 25000 знаков), с указанием адреса и телефона автора. Срок подачи работ - до 1 февраля 1998 года.

Комиссия конкурса:

Профессор МДА, доктор богословия, **М. С. Иванов**
председатель Комиссии

Профессор МДА, доктор богословия, **А. И. Осипов**

Доцент МДА, магистр богословия, протоиерей
Владислав Цыпин

Доцент МДА, кандидат философских наук,
Н. К. Гаврюшин

Преподаватель МДА
В. Д. Юдин

Главный редактор журнала "Встреча"
Даниил Еремеев

Премии:

Авторы работ, признанных конкурсной комиссией лучшими из числа поданных на конкурс, будут премированы собранием томов из серии "Сокровищница русской религиозно-философской мысли". Работа получившая самую высокую оценку комиссии будет отмечена поездкой в Святую Землю (по линии паломнической службы Фонда единства православных народов).

Адрес редакции: Московская обл., г.Сергиев Посад, Лавра, Академия, редакция журнала "ВСТРЕЧА". Факс редакции: (095) 973 - 0823, с пометкой "на конкурс".

К 120-летию со дня рождения
Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского)

“Мне хочется быть монахом...”

Настоящая публикация представляет собой краткий очерк первого периода жизни Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) — от рождения до его епископской хиротонии. Есть много причин, по которым мы обращаемся сегодня к личности этого выдающегося Первосвятителя нашей Церкви. Это и памятная дата — 8 ноября исполняется 120 лет со дня его рождения, и то немаловажное обстоятельство, что Святейший Патриарх, будучи выпускником Московского Университета и нашей Духовной Академии, унаследовал лучшие традиции русского духовного и светского образования, и в этом смысле является как бы связующим звеном между ними. Есть и еще одно основание — почти три десятилетия отделяют нас от его блаженной кончины, но до сих пор не существует опубликованной работы, которая бы в полноте освещала историю его удивительной, почти вековой жизни.

Данная работа является попыткой описать начальный этап жизни Святейшего Патриарха Алексия на основании материалов и источников, имеющих в распоряжении Духовной Академии. Это и архив Патриарха, хранящийся в фондах Церковно-Археологического Кабинета МДА, и экспозиция его небольшого мемориального музея, а также биографии, составленные близко знавшими Патриарха людьми — А. Л. Казем-Бекон и о. Алексием Остаповым.

Мы надеемся, что с Божией помощью эта работа будет продолжена, и в последующих номерах нашего журнала читатель сможет прочитать дальнейшее жизнеописание Святейшего Патриарха Алексия.

*Дом на Мясницкой улице,
в котором родился Патриарх Алексий*

*Ольга Александровна Симанская с
сыном Сергеем*

*Владимир Андреевич Симанский —
отец Патриарха*

По своему происхождению Святейший Патриарх Алексий I принадлежал к древнему дворянскому роду Симанских. Известно, что дворянство Симанские получили еще до указов XVII века и были внесены в "шестую" часть родословной книги Псковской, Московской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний. Родовое гнездо Симанских — село Екатерининское — было расположено под Псковом, на берегу реки Великой, близ города Острова, и представляло собой к концу XIX века, как вспоминал сам Святейший, ряд небольших, но весьма уютных особняков, построенных прадедом Патриарха, Владимиром Александровичем, для своих детей. В середине парка возвышалась окруженная с четырех сторон колоннадами церковь Спаса, у паперти которой были погребены представители этой благородной фамилии.

Дед Патриарха, Андрей Владимирович, служил в Сенате, отец, Владимир Андреевич, прослужив на государственной службе в Москве 15 лет, получил, выйдя в отставку, высокое придворное звание камергера. В 1875 году он окончил юридический факультет Московского Университета и через несколько месяцев женился на Ольге Александровне Пороховщиковой, дочери капитана лейб-гвардии Семеновского полка. В этой семье 27 октября (8 ноября по новому стилю) 1877 года в Москве, в доме на Мясницкой улице, родился будущий Первосвященитель Русской Церкви. Ребенок при Крещении получил имя Сергия в честь преподобного Сергия Радонежского. Вслед за рождением старшего сына у Симанских родилась в 1878 году дочь Анна, в 1882 году сын Андрей, в 1885 — Филарет и в 1887 году — Александр.

В семье строго придерживались православных традиций. Был даже прецедент священнослужения — брат деда Патриарха, Павел Владимирович, некогда блестящий морской офицер, а затем предводитель Островского дворянства, принял на склоне лет священный сан для того, чтобы совершать Божественную Литургию и возносить свои молитвы у могил предков. Он служил в церкви "Екатерининского", родового псковского имени

Симанских. Павел Владимирович хотел, чтобы после его смерти в имении была основана монашеская обитель, и был готов отдать свою часть имения для этой цели. Эта идея нашла поддержку у отца Святейшего, Владимира Андреевича, который пожертвовал на создание монастыря немалый капитал — несколько десятков тысяч рублей. Таким образом, в 1897 году при Спасо-Казанской церкви в имении Симанских был открыт женский монастырь*. На торжественное открытие приехал в сопровождении многочисленного духовенства псковский епископ Антоний (Державин), прибыл в числе гостей и отец Иоанн Кронштадтский. Сергей Симанский, бывший в то время студентом II курса Московского Университета, присутствовал на торжественном открытии монашеской общины.

Помимо Павла Андреевича, двоюродная бабушка Святейшего с материнской стороны, игуменья Леонида, духовная дочь оптинского старца Амвросия, настоятельница в Московском Новодевичьем монастыре.

Родители Патриарха надеялись, как он сам говорил впоследствии с добродушной иронией, что со временем их старший сын "сделает хорошую карьеру". Для достижения этой цели они постарались дать ему возможно лучшее образование. Языки — английский и французский — он проходил с домашними гувернантками. Программу начальных классов дополнили приходящие учителя. Отец Патриарха, Владимир Андреевич, до своего поступления в Московский Университет учился также дома. В прошлом веке это было обычно для состоятельных аристократических семей. Интересно отметить, что среди учителей Владимира Андреевича были прекрасные педагоги: историк В. О. Ключевский, известный математик К. П. Буренин, автор популярного учебника русской грамматики С. И. Сосницкий. Отец

* Спасо-Казанский общежительный монастырь при селе Екатерининском, близ города Острова. Учрежден в 1907 г. из женской общины, существовавшей с 1897г. При монастыре была школа, богадельня и гомеопатическая лечебница.

Патриарха всегда учился превосходно, Университет окончил с отличием и был весьма начитанным и эрудированным человеком. Начиная образование детей по собственному примеру с домашнего обучения, для сына — в особенности старшего — он мечтал о большем.

В.А. Симанский предполагал дать сыну высшее юридическое образование, и не только потому, что сам получил его (в период реформ — крестьянской, земской, школьной и судебной), но и потому, что вполне усвоил правосознание, типичное для просвещенных русских дворян его поколения. Он считал, что конец XIX века ознаменует собою в мире окончательный переход общественных отношений в сферу законов и законности.

Он думал, что со временем его старший сын будет принят в Государственную канцелярию — учреждение, в котором согласовывалась под руководством Государственного секретаря деятельность департаментов Государственного Совета — высшего законосовещательного органа Российской империи. Поэтому выбор был остановлен на родном для него самого Юридическом факультете Московского Университета.

По мере того как Сергей Симанский подрастал, быстрое усвоение им преподаваемых предметов, а с другой стороны заметное улучшение дела школьного образования побудили родителей отдать мальчика в школу. Для этой цели был избран Лазаревский институт, приобретший к середине века международную репутацию благодаря образцовому интернату, ценному книгохранилищу и серьезному преподаванию. Институт был основан после Отечественной войны 1812 года влиятельным армянским семейством Лазаревых, известных благотворителей и меценатов. В старших классах, приравненных к высшим учебным заведениям, преподавались восточные языки. Когда Сергей Симанский осенью 1888 года поступил в первый класс гимназического отделения Лазаревского института, там обучались юноши из многих влиятельных русских, армянских, грузинских семей, а также дети нескольких ученых их стран Ближнего Востока.

Подобные привилегированные учебные заведения быстро и интенсивно сообщали своим воспитанникам знание нескольких иностранных языков. В системе интерната чередовались “дежурные” дни с обязательным употреблением того или иного языка за едой, прогулками и досугом, при участии преподавателей: немцев, англичан и французов. Особое внимание уделялось общей культуре учеников, их начитанности и эрудированности. Вспоминая свою юность, Святейший Патриарх говорил, что он почти наравне с родителями, старшими родственниками и их друзьями с ранних лет был более или менее “в курсе” всего происходившего. Узнавал, по мере того как они возникали, новости придворной, светской, научной, театральной и даже судебной жизни, притом не только отечественной, но и зарубежной. Этому в значительной мере способствовала и сама атмосфера семейного быта Симанских. Беседы за столом, домашние игры, выписка из-за границы европейских классиков и периодики, подбор знакомств — все, вплоть до привозимых из частых путешествий ве-

щей, приводило к тому, что в свои 12-13 лет Сергей Симанский по развитию опережал многих своих сверстников.

Наряду с юношеской жизнерадостностью и непосредственностью у Сергея Симанского рано наступила умственная зрелость, вызвав умозрительные настроения и склонность к созерцательной жизни, редко встречающиеся в таком возрасте. Помимо врожденных свойств в этом сказались воспитание в семье и влияние родителей, благодаря которым он вырос нравственным и дисциплинированным юношей, способным отвечать за свои поступки и решения, как до конца жизни повторял сам Святейший Патриарх.

В 1891 году он был переведен родителями в императорский лицей цесаревича Николая Александровича. Этот Московский Лицей, основанный в 1868 году на частные пожертвования, был местом, где жили и учились аристократы. Так как первое значительное пожертвование было сделано известным публицистом М.Н. Катковым, лицей стали называть Катковским. Плата за обучение доходила до 1000 рублей в год. По окончании курса восьми классов гимназии, где обучение велось по усиленной программе, выдавался аттестат зрелости, а затем следовали три года “университетских” или же, собственно, “лицейских”, во время которых воспитанники лицея посещали университетские лекции и готовили дипломные работы. Все годы обучения — и гимназические, и университетские учащиеся проводили в стенах лицейского интерната.

Когда в нем учился Сергей Симанский, Московский лицей помещался в обширном каменном здании, сооруженном архитектором Вебером на Крымском проезде (у самого Крымского моста), которое сохранилось и по сей день — ныне там размещается Дипломатическая Академия. Помимо программы гимназических классов (самой объемной из программ русских средних учебных заведений, в частности, классического профиля), другой его особенностью (в России уникальной) было введение системы поощрения успеваемости и надзора за ней при помощи “тьюторов”. “Тьютор” в английской университетской практике и при подготовке к поступлению в университет совмещает роль руководителя учебных занятий, репетитора и гувернера.

В Московском лицее группа от 10 до 15 человекверялась тьюторам со специальным педагогическим опытом, которые сперва знакомились с познаниями, способностями и наклонностями своих подопечных, составляли их учебные биографии и в продолжение всего лицейского курса эти биографии пополняли и исправляли, внимательно наблюдая за успехами и промахами учащихся и за их общим развитием.

В определенное время воспитанники гуляли в саду лицея парами, или же в сопровождении воспитателей по Остоженке и Пречистенке. Посещали они и различные выставки, музеи и театры.

С момента своего поступления в 4 класс лицея Сергей Симанский жил в лицейском интернате большую часть времени до своих заключительных государственных экзаменов в Московском Университете. Это было, главным образом, вызвано тем, что с того же 1891 года, по со-

Здание Московского Лицея

*Сергей Симанский с сестрой и братьями у бабушки
Анны Петровны Симанской*

стоянию здоровья матери, О.А. Симанской, родители его стали проводить зимние месяцы в Ницце, в условиях мягкого средиземноморского климата. Они уезжали на юг Франции каждую зиму и в последующие годы. Таким образом, с 1891 года, когда Сергею Симанскому исполнилось 14 лет, он ежегодно на долгие зимние месяцы оказывался уже вне домашнего семейного круга. От этого личный и прямой контакт с родителями стал, естественно, слабее и реже в годы, когда в юном Сергее созревали решения, которые должны были определить всю его дальнейшую жизнь.

Молодого Симанского вверили руководству А.А. Гилярова, принадлежавшего к известной семье ученых-педагогов. Сам Гиляров был специалистом по древним языкам, которые и преподавал в лицее. У него была репутация самого строгого преподавателя.

Сергей Симанский был в лицее одним из лучших учеников — он окончил гимназические классы с серебряной медалью, а в выпускном классе получил звание «старшего воспитанника» (*inspector morum*).

Большое влияние на Серёжу в Лицее оказывало богослужение в прекрасном Лицейском храме, совершаемое законоучителем и духовником протоиереем Иоанном Соловьевым. Все годы учения в лицее Серёжа Симанский неизменно участвовал в богослужениях в Лицейском храме как чтец и пономарь.

С особой торжественностью совершались богослужения в Николин день — престольный праздник храма, и в день годовичного акта — 13 января. В те дни прекрасную лицейскую домовую церковь, украшенную беломраморным иконостасом наполняла московская знать в придворных и военных мундирах. Но особенно памятным для Серёжи было время Великого поста, когда отец Иоанн служил особенно проникновенно. Между прочим, на экзамен Закона Божия в лицей по традиции приезжали московские митрополиты: при переходе из 4 в 5 класс Сергея Симанского аттестовал митрополит Леонтий

(Лебединский), а на выпускном экзамене был митрополит Сергей (Ляпидевский).

Из лицейских университетских классов в выпуске Сергея Симанского около десяти человек записалось на Юридический факультет. Некоторые избрали философский факультет, лично молодого Симанского привлекавший более юридического, но он был связан данным отцу обещанием получить высшее юридическое образование.

С сентября 1896 года для него начались постоянные занятия в Университете. Его научным руководителем стал граф Камаровский, занимавший в то время кафедру международного права. Камаровский — энтузиаст своей специальности — был учеником и почитателем швейцарца Блюнчли, которого можно считать отцом современного международного права. Блюнчли возглавлял движение, которое накануне мировых войн старалось найти мирные пути для разрешения разногласий и вооруженных конфликтов между различными народами.

Профессор Камаровский предложил студенту-лицейцу, которого он считал весьма одаренным юношей, тему для диссертации: «Комбатанты и некомбатанты во время войны».

Впоследствии, посмеиваясь, патриарх Алексей говорил, что он изрядно помучился над этой диссертацией, которая в конце прошлого века казалась лишенной актуального значения и самого его мало интересовала. Однако вскоре правовое положение сражающихся и несражающихся граждан большинства европейских стран стало актуальнейшей проблемой.

«Увенчание моего собственного образования, — сказал Патриарх однажды, когда речь зашла о его миротворческой деятельности, — уже давно подготовило меня к тому, чтобы одним из первых взяться за дело отстаивания мира».

Получив 4 августа 1899 года университетский диплом, Сергей Симанский был поставлен перед необходимостью военной службы, так как его положение старшего из

В Годы обучения в Лицее

В Университете

Служба в Самогитском полку

четырёх сыновей в семье по закону обязывало его к отбыванию воинской повинности. Но вместе с тем образовательный ценз предоставлял ему возможность получения известных льгот при ее прохождении — прежде всего в отношении срока. Вскоре вольноопределяющийся Симанский был произведен в младшего, а затем и в старшего унтер-офицера. Ему было разрешено отбывать службу и строевые занятия приходящим, не ночуя в казармах, и жил он в этот период у своей бабушки Анны Петровны Симанской. В полку Сергей Симанский прослужил год. Военная служба его не тяготила, но и не привлекала, — мысли его были уже заняты совсем иным.

В 1900 году Сергей Симанский, закончив свою службу, был уволен в запас в чине прапорщика. Осенью того же года он был принят студентом в Московскую Духовную Академию.

Обладая глубокой личной скромностью, Патриарх о себе, тем более о своем внутреннем душевном становлении, говорил чрезвычайно редко и скупно. Публично о начале своего церковного пути он говорил лишь однажды — на собрании, которое было устроено в стенах Московской Духовной Академии в честь его 85-летия. Дни, для него важные и знаменательные, Святейший Владыка проводил обыкновенно в Лавре... В тот год его просили выделить особый день для празднования юбилея — и для этого был избран день памяти преподобного Никона Радонежского. «Разрешите мне, — говорил на этом собрании Святейший, — в ответ на приветствие сказать и свое небольшое слово. Сегодня Лавра преподобного Сергия празднует в честь его ученика — преподобного Никона... И вот, пользуясь этим праздником церковным, мои ближайшие сотрудники по Священному Синоду, по Лавре преподобного Сергия и Московской Духовной Академии обратились ко мне с просьбой устроить в этот день собрание для того, чтобы выразить

свои добрые чувства по отношению ко мне, по случаю моего 85-летия, а также и свои сердечные пожелания для дальнейшего моего служения святой Церкви.

Вы понимаете, что довольно тяжело выслушивать похвалы и приветствия, в которых много говорится о личных достоинствах человека. Но я не считал возможным поставить преграду этому желанию, и вот, результатом его явилось наше дружественное собрание в пределах Лавры, в стенах нашей Духовной Академии... Я рад и счастлив, — продолжал он, — что наше собрание, такое сердечное, происходит в стенах великой Лавры преподобного Сергия, которая является колыбелью моей жизни как до монашества, так и в последующее время монашества. Уже самое имя, которое было дано мне при рождении и крещении, — имя преподобного Сергия, свидетельствует о том, что мои родители отдавали меня под покров молитв и благословения Преподобного.

Я вспоминаю с особым чувством наши семейные поездки в Лавру к мощам преподобного Сергия в дни моего детства и юношества. А когда я уже подрос, то я и сам предпринимал такие поездки в знаменательные дни моей жизни и всегда находил утешение у мощей Преподобного.

Здесь шестьдесят лет тому назад Господь судил мне принять постриг монашеский в Лаврском скиту. Через год, в 1903 году, я получил здесь, в соборе Святой Троицы, сан иеромонаха...

Будучи молодым юношей во время моего обучения в лицее, я находился под влиянием известного и уважаемого в Москве законоучителя протоиерея Иоанна Ильича Соловьева. Я от него много слышал о Московской Духовной Академии, о ее знаменитых профессорах. Мне было очень приятно знакомиться через него с духовными предметами, которые здесь проходили и которые для меня, ученика светской школы, являлись совершенно новыми.

Между прочим, у отца Иоанна был особый метод преподавания Закона Божия. Он знакомил нас с проповедями многих знаменитых проповедников и с богословскими вопросами. Среди этих творений мне особенно запомнились проповеди митрополита Московского Филарета.

Все это способствовало тому, что во мне зародилось желание по окончании Лицея погупить в Духовную Академию, где я мог бы получить духовное образование.

И вот, по окончании высшего светского образования, Бог помог мне поступить в эту Академию. Это была новая для меня среда. Здесь все преподаватели и ученики были проникнуты одним религиозным духом. Поэтому для меня особенно приятно, что настоящее наше торжество происходит в стенах этой Академии, которая в свое время была для меня приютом и дала мне так много в смысле духовного образования.

На склоне дней моих Господь судил мне из усердных послушников преподобного Сергия стать настоятелем этой Лавры, из ученика Духовной Академии превратиться в ее насельника. Я счастлив, что Господь приводит меня к тому, чтобы все мои силы отдать на служение родной Церкви, на служение родной Лавре и на служение родной Московской Академии."

Итак мы можем сказать, что в жизни Святейшего особое значение имели два великих угодника Божия — преподобный Сергий Радонежский и святитель Филарет Московский. Патриарх не просто сугубо почитал их, скорее можно говорить о неизменной и совершенно особой духовной близости Святейшего к этим святым. Одно из первых воспоминаний Патриарха связано с его поездкой вместе с отцом в Троице-Сергиеву Лавру — он помнил, как они стояли обеядно в алтаре Троицкого собора. Знаменитая речь Ключевского о преподобном Сергии также впервые была прочитана им еще в годы отрочества, в семейном кругу, и запомнилась 15-летнему Сергею Симанскому на всю жизнь. И неслучайно один близкий Патриарху человек — А. Казем-Бек — говорил, что историческое значение всего его патриаршества заключено в отношении Святейшего к преподобному Сергию.

О дальнейшем жизненном пути Сергея Симанского, зачисленного в 1900 году на I курс Духовной Академии, лучше всего нам могут рассказать неопубликованные записи, продиктованные им самим. "Уже поступая в Академию в августе 1900 года, — говорил Патриарх, — я имел намерение, о чем говорил и ректору, Преосвященному Арсению, принять монашество. На это Преосвященный мне сказал, что надо войти в церковную жизнь Академии, освоиться с условиями тамошней студенческой жизни и тогда уже осуществить свое намерение. Я мог, как окончивший высшее учебное заведение — Университет, сразу поступить на III курс Академии, но владыка именно для того, чтобы я полнее освоил новые для меня условия жизни, рекомендовал не спешить и поступить на I курс".

Из сказанного Патриархом видно, что епископ Арсений (Стадницкий), вступавший тогда в третий год своего ректорства в Московскую Духовную Академию, считал, что молодому Сергею Симанскому надо было укрепиться в своем стремлении принять монашеский постриг, и

находил для себя нужным присмотреться к молодому человеку, происходившему не из так называемого "духовного сословия" и подготовленному полученным уже светским образованием к светской же карьере.

Епископ-ректор выяснил у его родителей, что они, хотя и не противились намерению сына, но не скрывают, что раньше имели для него иные надежды и планы. Эти обстоятельства побудили ректора проверить серьезность намерений нового студента Академии, а также расположить его к тщательному испытанию самого себя.

В первый год пребывания в Московской Академии Сергей Симанский жил на квартире, снятой его семьей в Сергиевом Посаде (на Московской улице), посещая лекции и все занятия в качестве приходящего студента. Духовная обстановка в Лавре и Академии и преподаваемые на I курсе предметы укрепляли в нем стремление к иночеству, как он говорил, вспоминая это дорогое для себя время, "не говоря уже о прекрасных богослужениях, совершаемых в академическом храме, где бывали постоянные архиерейские службы, а также, конечно, и в Лавре, куда я ежедневно ходил приложиться к мощам преподобного Сергия. Так прошел первый год моего пребывания в Академии. Перейдя на II курс, я по совету Преосвященного ректора перешел на жительство в самую Академию. Со мною там жил очень благочестивый юноша, студент III курса Беневоленский, но чаще я находился там один, потому что он, как москвич, на все праздничные дни, а иногда и по болезни отлучался к родным в Москву...

В декабре месяце я подал Преосвященному прошение о пострижении в монашество. Преосвященный прошение принял, но рекомендовал мне не разглашать об этом, так как ему нужно было получить на это пострижение разрешение от митрополита, и, кроме того, многочисленные мои знакомые могли до времени злоупотребить деликатностью и всячески на все лады комментировать это обстоятельство... Довольно скоро пришло разрешение на постриг, и Преосвященнейший наметил самый срок пострижения — именно в субботу 9 февраля в Гефсиманском скиту, в придельной пещерной церкви. Относительно имени был у меня разговор с владыкой. Я сказал, что предаю себя и в этом, как и во всем прочем, его воле, но что у нас в семье особо чтится святитель Алексий, митрополит Московский, имевший такое близкое духовное отношение к преподобному Сергию, имя которого мне было дано при крещении".

Слово самого Патриарха Алексия показывает, что ко времени принятия им монашества, он считал себя послушником епископа Арсения, а его — своим духовным руководителем, "аввой", воле которого он предавал себя во всем. И после пострига все степени священства он получал от того же святителя Арсения, в епархиях которого — в Псковской и, главным образом, в Новгородской — он 18 лет исполнял свое церковное служение в сане иеромонаха, архимандрита и, наконец, vicарного епископа.

Владыка Арсений, назначенный в 1897 году ректором Московской Духовной Академии, был одним из самых выдающихся иерархов своего времени. Молдаванин по национальности, он родился в 1862 году в семье бедного

Мемориальная комната в Чертогах —
бывшая келья монаха Алексия

бессарабского священника. Едва достигнув 16-летнего возраста, будущий епископ устремился в Одессу, в Новороссийский университет, но несмотря на прекрасно сданные вступительные экзамены был возвращен родителями в Кишиневскую семинарию. По ее окончании он несколько лет преподавал в местном духовном училище, однако неукротимая энергия и блестящие способности молодого преподавателя побудили правление училища направить его в Киевскую Духовную Академию, которую он и окончил в 1885 году. Затем — магистерская работа, принятие монашества и стремительное продвижение по службе в духовно-училищном ведомстве. Святитель Арсений был одареннейшим человеком — он известен как выдающийся историк, знаток древних и новых языков, и, в особенности, ревнитель благолепного и уставного совершения богослужений. Во время ректорства ему удалось поднять жизнь академического храма на необыкновенную высоту — было введено прекрасное пение (использовались и древние напевы), установлено неторопливое отправление служб (без сокращений), а истовость служения самого владыки приводила к тому, что в дни двенадцатых праздников не только сам храм, но и прилегающие к нему академические коридоры заполнялись народом. Среди нововведений Преосвященного можно упомянуть и внебогослужebные беседы с прихожанами,

о кормление заключенных, учреждение при Академии церковно-приходской школы, широкую благотворительность и многое, многое другое. Неудивительно, что со временем епископ Арсений, как выдающийся педагог и администратор, приобрел исключительный авторитет в среде русского епископата. На соборе 1917 года его имя было названо в числе трех кандидатов на патриарший престол. Под руководством такого архипастыря проходила жизнь Сергея Симанского в годы его обучения в Академии.

Накануне дня своего пострижения Святейший Патриарх с тюком монашеских одежд отправился в скит, где «духовник академической монашеской братии иеромонах Иасон, у которого я и раньше бывал и исповедовался, принял меня с большой любовью. Мне дали келию, я вечером исповедовался у отца Иасона и, как полагалось, стоял заутреню в скитском храме. На утро по сугробам снега я прошел в сопровождении отца Иасона в пещерный храм и стал ожидать приезда Преосвященного и инспектора архимандрита Евдокима, которые имели служить литургию с монашествующими скита и Академии. В положенное время после малого входа Преосвященный Арсений совершил надо мною чин пострижения и дал для меня имя — Алексей. Должен сказать, что у меня в это время было самое спокойное и радостное настроение, и я как-то без страха, но с большим утешением и благодатным настроением переживал этот переход от мирской жизни в жизнь духовную... По окончании службы, за которой я был приобщен Святых Таин, — продолжал Святейший, — Преосвященный по чину передал меня в духовное руководство старцу Иасону и приветствовал меня речью, по окончании которой благословил меня иконой Спасителя. По тому же чину после службы меня проводили в братскую трапезу и затем водворили для почти безвыходного пребывания в скитский храм. Около пяти суток я пребывал в этом храме днем и ночью и только на малое время удалялся в свою келию, все время облаченный в монашеское одеяние с мантией и клобуком. Ежедневно приобщался Святых Таин. Это пребывание в храме не было для меня тягостным, так как почти круглые сутки там совершались богослужения: длинная монастырская утренняя, литургия, затем вечерня. Кроме того, надо было вычитать правило ко Святому Причащению.

В день Святителя Алексия, первый день моего ангела, меня навестил Преосвященный Арсений с инспектором архимандритом Евдокимом. Затем мой отец с бабушкой — игуменьей Леонидой и братом. Отец привез мне недавно вышедший оттиск Евангелия, писанного рукою святителя Алексия, с трогательной надписью».

Евангелие это находится сейчас в мемориальной комнате Патриарха в бывших Царских Чертогах. Можно прочесть и надпись:

«Сия святая книга Нового Завета, подаренная митрополитом Московским Леонтием родителю моему в 1892 году и по кончине его переданная мне матушкой моей, передается в дар сыну моему, новопостриженному иноку Алексею, в первый день его Ангела на молитвенную память обо мне, искренно любящем его отце и друге.

Владимир Симанский. 12 февраля 1902 года. Гефсиманский скит».

“На пятые сутки, — продолжал рассказывать Святейший, — тем же порядком, в сопровождении не помню теперь кого из монашеской братии Академии, я вернулся в Академию, где незадолго до моего пострижения Преосвященный Арсений предоставил мне комнату в ректорской квартире¹. Наступил Великий пост, в храме нашем совершались прекрасные службы; я, как и некоторое время еще до пострижения, продолжал за архиерейской службой быть книгодержателем у Преосвященного. На третьей седмице поста Преосвященный объявил мне, что в Неделю Крестопоклонную, 17 марта, он будет посвящать меня в сан иеродиакона. Я ездил в скит накануне на исповедь к отцу Иасону, а 17 числа совершилось самое рукоположение”.

Сохранилось письмо отца Иоанна Соловьева, бывшего лицейского законоучителя и духовника Патриарха, о котором он говорил. В этом письме, которым весной 1913 года он приносил свои поздравления и благопожелания епископу Алексию по случаю архиерейской хиротонии, бывший его наставник писал: “Живо, как сейчас, помню маленького Сережу, который чудным голосом беседует с Богом в шестопсалмии (“Я его выучил, батюшка, хотите прочту”, — слышится мне) и особенно какими-то проникновенными глазами вглядывается в то, что совершается на святом Престоле в минуты святого Таинства, стоя около с служебником и как бы очищая и горе воздымая дух мой... Многое и еще чудится мне — и коврик, и служба Святителю Алексию, и исповедь — та исповедь, когда тот же маленький, сравнительно просто, со слезами на глазах сказал мне: “Мне хочется быть монахом...”

Неполные два года отец Алексей пробыл иеродиаконном. Перейдя на IV курс Академии, он начал работу над дипломным сочинением на тему: “Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета”. Ежедневно отец Алексей посещал Троицкий собор и Духовскую церковь. В маленькой комнате в Чертогах создавался первый труд молодого богослова, который впоследствии был высоко оценен его руководителем профессором Алексеем Ивановичем Введенским, который поставил высший балл 5 и написал преосвященному Арсению письмо, где с большой похвалой отзывался об этом сочинении. А отец Иоанн Соловьев, лицейский законоучитель, прочитав черновик, просил переработать сочинение для статьи в издаваемый им журнал «Вера и Церковь».

Осенью 1903 года Преосвященный ректор Академии уведомил иеродиакона Алексея о своем намерении возвести его в сан иеромонаха. Епископ Волоколамский Арсений был к тому времени назначен вторым викарием Московской епархии и ему приходилось совершать в Москве больше архиерейских служб, нежели в первые годы ректорства в Академии. Так, в декабре этого же года он служил литургию в храме Христа Спасителя. В числе сослужащего ему духовенства был и иеродиакон Алексей. Перед богослужением Преосвященный Арсе-

ний сообщил ему, что неожиданно для себя он получил из Синода определение о своем назначении епископом Псковским и Порховским. 21 декабря 1903 года, в день памяти митрополита Петра, всея России чудотворца, епископ Арсений совершал в последний раз литургию в Троицком соборе Лавры, во время которой иеродиакон Алексей был рукоположен во иеромонаха. Первое иерейское служение отца Алексея состоялось в Чудовом монастыре, у мощей другого великого святителя Русской Церкви, имя которого он носил, — митрополита Алексея. Вслед за этим иеромонах Алексей сопровождал епископа Арсения в Петербург. Здесь владыка Арсений встретился со своим предшественником по Псковской кафедре — архиепископом Сергием (Ланиным), переведенным в Ярославль. Отец Алексей был представлен архиепископу Сергию, и тот пригласил его сразу после выпуска из Академии посетить Ярославль. Из Петербурга отец Алексей выехал во Псков, для того чтобы принять участие во встрече нового правящего архиерея. Эта весьма торжественная встреча на всю жизнь осталась одним из самых ярких впечатлений Святейшего. Духовенство и городские власти встречали владыку Арсения на вокзале, откуда под радостный перезвон городских колоколов многотысячный крестный ход направился к кремлевской возвышенности, где, приветствуемый хором пением, новый архипастырь взшел под своды исторического Троицкого собора. Сорок три года спустя, в 1946 году, Патриарху Алексию было суждено при громадном стечении народа вступить под те же своды, для

¹ Ныне мемориальная комната Патриарха Алексея I в Церковно-Археологическом Кабинете МДА.

того чтобы заново освятить сильно пострадавший от военных действий собор.

Как представитель псковского дворянства, отец Алексей знакомил в течение нескольких дней нового архиерея с достопримечательностями города, а затем вернулся в Академию. Здесь он нашел значительные перемены — новым ректором был назначен епископ Евдоким (Мещеряков), прежний инспектор, а на его место — с возведением в сан архимандрита — иеромонах Иосиф (Петровых). Примечательно, что оба они впоследствии возглавили два противоположных раскола — архиепископ Евдоким был одно время председателем обновленческого Синода (в 30-е годы снял с себя сан, ушел из Церкви и женился), а митрополит Иосиф, управлявший в конце 20-х годов Ленинградской кафедрой, возглавил так называемых “непоминающих иосифлян”. Но в те годы никому, конечно, и не могло прийти в голову, что дальнейшая судьба питомцев одной и той же школы приведет их к такому трагическому концу.

Академия же переживала последний период своего расцвета. Среди преподавателей у Сергея Симанского, а затем монаха Алексея, были профессора, снискавшие широкую известность не только в русской, но и в международной науке. Некоторых из них с уважением и благодарностью Патриарх Алексей вспоминал до конца своей жизни. Это и А.И. Введенский, преподававший философию и гомилетику, и С.С. Глаголев — автор целого ряда оригинальных трудов о происхождении жизни, космогонии, антропологии, и А. П. Голубцов — известный литургист и специалист в области церковной археологии и иконографии, и Н. Г. Городещкий — прекрасный филолог и знаток иностранной литературы, и многие, многие другие, не говоря уже о знаменитых В.О. Ключевском, М.Д. Муретове, А.А. Спасском и М.М. Тарееве. По окончании курса иеромонах Алексей подал прошение о своем желании работать по духовно-учебному ведомству. Митрополит Московский Владимир предполагал определить его на должность надзирателя в Заиконоспасское духовное училище, но отец Алексей просил послать его на педагогическую работу в провинциальном городе.

Мы уже упоминали, что кандидатская работа отца Алексея о митрополите Филарете была оценена как отличная. 21 июня 1904 года иеромонах Алексей был выпущен из Московской Духовной Академии с дипломом кандидата богословия. Через несколько дней он выехал в Ярославль, к архиепископу Сергию, начинавшему в тот момент объезд своей епархии. Во время этого путешествия, в Рыбинске, стало известно, что в ближайшем селе служит литургию отец Иоанн Сергиев. Отец Алексей на лодке с духовенством поспешил в село. Отец Иоанн приветствовал его словами: “А, отец инспектор”, что смутило отца Алексея и он возразил батюшке, на что тот, как бы не расслышав, повторил: “Отец инспектор”. Затем все трапезовали, и отец Иоанн беседовал с отцом Алексием. На память был сделан групповой снимок, которым Святейший очень дорожил.

Из Рыбинска иеромонах Алексей прибыл во Псков. Здесь владыка Арсений сообщил отцу Алексею, что представил его на вакантную должность инспектора Псковской семинарии. Вскоре пришло и утверждение

Святейшего Синода. В должность инспектора отец Алексей вступил в августе 1904 года. Здесь можно привести запись слов Святейшего, сделанную во время его морского путешествия на Кавказ в 1955 году. Патриарх вспоминал, что, начав работу в Псковской семинарии, он поселился в прекрасной, только что отделанной квартире инспектора. С начала учебного года ему пришлось исполнять и должность ректора семинарии, так как назначенный ректором инспектор Курской духовной семинарии архимандрит Борис (Шипулин) еще не успел приехать.

“Должность инспектора семинарии довольно сложная и беспокойная, — говорил Патриарх, — в сущности говоря, на нем лежит вся хозяйственная и воспитательная сторона. Ему приходится ежедневно, с самого раннего утра — утренняя молитва воспитанников, совершаемая в церкви, бывает около 8 часов утра — и до позднего вечера, когда семинаристы отправляются на ночлег, — быть на ногах. Кроме того, он является преподавателем Священного Писания Нового Завета в V классе, так что приходилось по вечерам, когда семинаристы уже отходили ко сну, заниматься подготовкой к урокам.

Несмотря на то, что семинария только что пережила волнения, из-за которых прежние ректор и инспектор были переведены на другие места, и то, что наступил 1905 год, время моего инспекторства в Псковской духовной семинарии было более или менее спокойно, так что я об этом времени вспоминаю с добрым чувством.

Семинария была небольшая, всего около 300 человек; семинаристы вообще были народ благовоспитанный, корпорация семинарии состояла из опытных преподавателей. С ними у меня сложились лучшие отношения, хотя среди них при моем 26–27-летнем возрасте я был самым младшим, причем в V и VI классах было два-три воспитанника, оказавшихся каким-то образом старше меня.

Ректор архимандрит Борис был мне хорошо знаком по Академии, — продолжал Патриарх, — он в мое время был там помощником инспектора и постриг принимал почти в то же время, как и я. Таким образом, у нас с ним было много общего, много общих воспоминаний; мы оба были постриженниками Преосвященного Арсения и пользовались его вниманием к нам и покровительством. Однако отец Борис пробыв ректором Псковской семинарии недолго. Через полтора года он был назначен в Московскую синодальную ризничим, а затем настоятелем Новоспасского монастыря, потом ректором Московской духовной семинарии и, наконец, епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии.

Кроме ректора и меня, монашествующим в семинарии был только преподаватель церковного устава иеромонах Ювеналий, переведенный с должности члена Урмийской миссии молодой кандидат богословия, окончивший курс Казанской Духовной Академии в 1903 году. Через полтора года он был назначен настоятелем Елеазаровой пустыни Псковской епархии, которую он, любитель и знаток монашеской жизни, поднял на большую духовную высоту. С этой должности он был переведен настоятелем Юрьева монастыря в Новгород, а оттуда в 1914 году назначен епископом Каширским, викарием Тульской епархии. Он поселился в моей квартире, и мы с ним жили весьма дружно”.

Таковы были внешние обстоятельства педагогической деятельности Святейшего Патриарха в самом ее начале. Между тем, хорошо известно, что молодой инспектор сразу завоевал доверие и симпатии как сослуживцев-педагогов, так и учащихся. Два года, проведенных им во Пскове, оставили в его памяти “доброе чувство” — такое же чувство сохранили о нем все те, с кем ему в этот короткий период времени приходилось соприкасаться.

В то время (1904-1906 годы), когда в России происходили неслыханные доселе беспорядки, служение молодого отца инспектора протекало “сравнительно спокойно”. Это обстоятельство заслуживает внимания, ведь в революционные годы именно семинарии часто становились очагами брожения среди молодежи — дело доходило до террористических актов, вплоть до убийства ректоров. Мы видим, что на первом же месте своего служения Святейший проявил присущие ему такт и терпение — те удивительные качества, которые помогали ему всегда завоевывать неограниченное доверие и любовь тех людей, которыми ему приходилось руководить.

В сентябре 1906 года определением Святейшего Синода архимандрит Алексей был назначен на должность ректора Тульской Духовной семинарии. При своем расставании со Псковом в прощальном слове будущий Патриарх всея Руси публично исповедал свою готовность нести “собственный жизненный крест”. “Я хорошо знаю, — сказал тогда отец Алексей, — что путь, на котором я стою, есть путь нарочито крестный...” Вскоре 28-летний ректор приступил к своим непосредственным обязанностям. А сорок лет спустя, открывая в июне 1944 в Москве богословско-пастырские курсы, митрополит Алексей, тогда Местоблюститель патриаршего престола, так говорил о прежней семинарской действительности: “Прежняя духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава! Из нее вышел целый сонм святителей, пастырей, ученых богословов... Ее прошел святитель Тихон Задонский, Филарет, митрополит Московский, Преосвященные Иннокентий и Никанор Херсонские, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский; такие светила богословского знания, как ректор МДА протоиерей А.В. Горский, профессор протоиерей Голубинский, профессор Болотов, профессор Глубоковский и многие, очень многие труженики богословской науки...”

Но как и все в этом земном мире, и Духовная школа при всех своих огромных достоинствах имела и слабые стороны. Слабой стороной прежней Духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная. Она имела задачей дать возможность духовенству — сословно в общем бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям. Другой ее задачей было создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника или диакона, или псаломщика имел склонность к пастырскому служению, к тому чтобы следовать по стопам своих отцов и предков, и от этого получалось, что такие подневольные питомцы духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон их церковного настроения”.

И вот, в такой “сословной” школе прошли в неустанных трудах пять лет ректорства архимандрита Алексия... Сохранилось одно любопытное, живое свидетельство того времени. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в книге “Путь моей жизни” описывает свою встречу с молодым ректором Тульской семинарии, которая имела место в 1907 году в покоях Тульского епископа Лаврентия (Некрасова). “Помню, — пишет митрополит Евлогий, — когда я сидел у пресвященного Лаврентия, к нему зашел ректор местной семинарии о. архимандрит Алексей Симанский. Он окончил Катковский лицей, был в свое время лицеистом-белоподкладочником и в монашестве не утерял светской элегантности. Епископ Лаврентий слегка над ним подшучивал. “А... отец инспектор, — приветствовал он его, — ну, как у вас в семинарии — все ли благополучно?” — “Так точно, все хорошо, функционируем...” — “Вот, видите, владыка, раньше у нас учились, а теперь “функционируют”, — тонко подчеркнув неуместность иностранного слова обратился ко мне преосвященный Лаврентий”. Это краткое и довольно ироничное воспоминание, заставляет нас вспомнить о той сословной разнице, которая ощущалась даже в среде духовенства между выходцами из различных слоев общества. За весь XIX век мы не насчитаем и пяти архиереев Русской Церкви, происшедших из дворянского сословия. Эта разница, конечно, могла вызывать различные чувства. Мы должны понимать, что с принятием монашества, о. Алексей перешел в сословие, которое в общественной лестнице занимало более низкую ступень, — и в этом тоже можно видеть своеобразный подвиг. Но мы имеем и другое, не менее живое воспоминание о времени ректорства о. Алексия в Туле. В 1911 году определением Святейшего Синода ректор Тульской семинарии архимандрит Алексей был переведен на “таковую же должность в Новгородскую духовную семинарию”. По этому поводу были устроены торжественные проводы, и “Тульские епархиальные ведомости” не преминули опубликовать их подробное описание. В те годы на страницах провинциальных церковных газет можно было прочитать множество речей, которые произносились в подобных случаях. Речи же, которыми провожали о. Алексия хорошо знавшие его люди, представляют для нас немалый интерес. В них внешняя, полуофициальная форма не может скрыть подлинных и искренних человеческих чувств. “Прежде всего, — говорил на прощальном вечере один из старших воспитанников семинарии, — позвольте от всей души и сердца поблагодарить Вас за пятилетнее служение делу воспитания юного поколения нашей семинарии... поблагодарить за те чувства и особую настроенность, которые Вы неизменно сохраняли в своем обращении с нами... Отличительной чертой Вашего характера была простота обращения с каждым из воспитанников, и это-то Ваше качество запечатлется в нашей памяти на всю жизнь...” Или из другого выступления: “Ваше отношение к нам было всегда только хорошим, добрым, сердечным. В своих отношениях к нам Вы были прежде всего человеком, а не начальником и учителем... За это человеческое отношение к нам мы и благодарим Вас здесь теперь, в прощальный час. Кланяемся

Архимандрит Алексей (Симанский) — ректор Тульской семинарии

уму, кланяемся сердцу, кланяемся человеку прежде всего и более всего — человеку...”

Один из преподавателей сказал тогда, что корень и основа воспоминаний, которые оставит архимандрит Алексей, заключаются в “личных, индивидуальных свойствах его духа”. “Вы не подходили под категорию тех начальников, которые слишком ярко подчеркивают свой начальнический авторитет, — говорил он, — Ваши отношения к подчиненным отличались поразительной простотой. Прибыв в Тулу в качестве начальника семинарии, Вы вытолкнули из-под своего подножия начальнический пьедестал и явились в нашу корпорацию как старший ее сотоварищ-сослуживец...” А представитель тульского духовенства отец М. Зверев выразил восхищение неизменной учтивостью и деликатностью архимандрита Алексея, по рождению и воспитанию принадлежащего к той светской среде, “где слова и поступки человека должны соотносываться с требованиями эстетики... где привычка к этому прививается с самого раннего детства, с первых проблесков самосознания... Наши дети в Вас, Ваше Высокопреподобие, — говорил он, — видели живой образец строго выраженной корректности, располагающей обходительности и чарующего изящества, которые естественно обнаруживались у Вас всегда и во всем...”

За время, проведенное отцом Алексием в Туле, его прежний руководитель, епископ Арсений, был возведен в сан архиепископа, а затем переведен в Новгород и привлечен к работе Святейшего Синода. Ему было поручено возглавить Учебный комитет, а также совместно с архиепископом Сергием (Страгородским) владыка Арсений участвовал в подготовке материалов по преобразованию высшего церковного управления Русской Церкви. Эта работа поглощала большую часть его времени, и поэтому архиепископ Арсений поспешил привлечь к участию в жизни Новгородской епархии молодого архимандрита Алексея. Как мы уже говорили, определением

Синода от 6 октября 1911 года ректор Тульской семинарии архимандрит Алексей был переведен на “таковую же должность в Новгородскую духовную семинарию и вместе с сим назначался настоятелем монастыря преподобного Антония Римлянина”.

В Новгороде Святейший провел (с некоторым перерывом) около двадцати лет своей жизни. Здесь же, через полтора года после его назначения на должность ректора семинарии, архимандрит Алексей был хиротонисан во епископа. До революции в состав Новгородской епархии входила большая часть так называемой “Северной Фиваиды”, края русского отшельничества и древних монастырей. По числу приходов Новгородская епар-

хия занимала третье место в России (после Волынской и Московской), а по числу храмов и часовен, в которых могли совершаться богослужения, — первое. Разумеется, что управление такой епархией требовало от правящего архиерея полной отдачи сил. Ходатайствуя перед Синодом о переводе архимандрита Алексея, владыка Арсений надеялся, что его ученик, которого он готовил к себе в викарии, со временем станет его достойным заместителем. Как настоятель монастыря св. Антония Римлянина, отец Алексей имел право на совершение богослужения особым чином, приближенным к архиерейскому. Вскоре, в начале 1913 года, после того как первый викарий Новгородской епархии епископ Андроник (Никольский) получил назначение на самостоятельную кафедру, указом Синода от 28 марта было определено “бытие ректора Новгородской Духовной семинарии архимандрита Алексея епископом Тихвинским, вторым викарием Новгородской епархии”. Указ определял также, что наречение и архиерейская хиротония архимандрита Алексея должны были быть совершены в Новгороде. Хиротония была назначена на 28 апреля в неделю жен-мироносиц.

Архиепископ Арсений превратил хиротонию своего любимого ученика в “великое торжество Великого Новгорода”. Он пригласил в эти дни в Новгород приехавшего в тот год в Россию Блаженнейшего патриарха Антиохийского Григория IV, с которым владыка Арсений познакомился во время своего паломничества в Святую Землю. Встреча и чествование в Новгороде главы одного из древних Патриархатов была обставлена с особой торжественностью. “Новый пир веры” — писали об этом газеты. Центральным событием визита, который продолжался три дня — с 25 по 28 апреля 1913 года, стала архиерейская хиротония архимандрита Алексея, которую должен был возглавить Блаженнейший Патриарх. Наречение состоялось 26 апреля во Входе-Иерусалимском соборе Новгорода. Присутствовали Патриарх Григорий, архиепископ Арсений, член

Епископ Алексей (Симанский) с отцом

Святейшего Синода епископ Никон (Рождественский), епископы Псковский Евсей, Кирилловский Иоанникий и Гдовский Вениамин, а также специально приехавший из Петербурга обер-прокурор Синода В.К. Саблер.

Когда владыки воссели в мантиях на кафедре, два архимандрита извели нарекаемого из алтаря. После положенных молитвословий архиепископ Арсений сказал сугубую ектенью. Возгласы по-славянски произносил Патриарх Григорий.

После отпуска архимандрит Алексей сказал по обычаю речь, тронувшую многих до слез.

“Со смятенным сердцем, — говорил о. Алексей, — предстою я вашему Освященному Собору в настоящий священнейший, знаменательный час моей жизни, когда Промышлением Божиим вручается мне жребий высочайшего в мире служения — служения апостольского. Глас Владыки и Господа моего слышится мне в этом призыве Святой Церкви Христовой стать на чреду епископского служения. И я повинуюсь сему владычественному гласу и с благоговением, со смирением, со страхом Божиим и

верою в чудодейственную, благодатную силу таинства приступаю к принятию в скудельный сосуд души моей святости архиерейства... Служение епископа есть путь страданий и креста, потому что оно есть последование за Пастыреначальником Христом, потому что оно есть продолжение того дела спасения людей, на которое послал Спаситель наш святых Своих учеников и апостолов, кровию своею запечатлевших свое посланничество. Тяжесть епископского омофора — этого видимого знамения овцы, подъятой на рамо ради спасения, — носителями его всегда исповедовалась. И ныне, как прежде, она велика, ибо “двор овчий” — Церковь Христова, и теперь обуреается тяжкими бедствиями и напастьями. “Вопль злобы” — то есть умножение пороков, неправды, беззаконий, по выражению пророка — “взыде ко Господу, и над миром, тлеющим в похотях, тяготее близость грозного суда Божия, который видим уже для неослепивших еще духовных очей своих”. Заметим, что слова эти были сказаны накануне Первой мировой войны и последующих трагических для России событий. Затем о. Алексей испрашивал небесного предстательства святых земли новгородской и преподобного Сергия, благодарил и своего “авву” — архиепископа Арсения...

На следующий день состоялась сама хиротония. Когда в алтаре новый епископ Церкви поднялся с колен, лицо его было залито слезами. После запричастного стиха на литургии было прочитано послание Святейшего Синода о канонизации Патриарха Гермогена. Молящимся за боголужением не приходило в голову, что они, узнавая о церковном прославлении святителя-мученика, присутствуют на архиерейской хиротонии будущего, тринадцатого по общему счету Патриарха Всероссийской Церкви. В то время епископу Алексею шел тридцать шестой год.

Евгений Сиротенко, 3 класс МДС

Участники архиерейской хиротонии епископа Алексея

Поскольку этот номер нашего журнала посвящен, главным образом, вопросам соотношения духовного и светского образования, мы решили узнать, что думают об МДА и образовательной системе Духовных школ нынешние студенты МГУ, а также те воспитанники и студенты МДА, кто в свое время вышел из стен Московского Университета и сменил одну *Alma mater* — МГУ, на другую — МДА.

Студенты Университета — о Духовной Академии:

*Ксения Коренчук,
студентка факультета журналистики МГУ:*

Стыдно признаться, но, доучась до пятого курса, об МДА практически ничего не знаю. Помню, читала где-то в пособиях по истории, что раньше преподаватели МГУ читали одновременно лекции и в Московской Духовной Академии. А, соответственно, преподаватели МДА — в Университете. Сегодня почему-то все заговорили о протестантской этике, студентам просто за образец ставятся нравы американских бизнесменов. А рассказать о собственных православных традициях никто не пытается. Было бы неплохо вспомнить прежние времена и снова начать “обмениваться” преподавателями, польза была бы для студентов большая.

*Олег Петруня,
аспирант философского факультета МГУ:*

Троице-Сергиева Лавра, просиявшая за века своего существования подвигами многочисленной братии, Христа ради подвизавшейся восходить по лестнице духовного совершенствования, когда-то была широко известна и своей Академией. Страшный период гонений за веру сделал свое черное дело: о деятельности Академии даже людям церковным мало что известно. Немногие слышали о выдающихся преподавателях Академии, об уникальных научных исследованиях, проводящихся в ее стенах, о высоком уровне образования, который, несмотря ни на какие внешние события, всегда поддерживался в ней. Почему так? Еще Киреевский в прошлом веке писал, что упадок самобытной русской образованности хотя и произошел при неблагоприятных внешних условиях, но не без внутренней вины человека. Так кого винить? Мы слишком часто сегодня жалуемся на безбожный мир, на враждебное окружение, как будто апостолы проповедовали среди пастухов и пастушек, а дореволюционная Россия блистала благочестием. Давайте проснемся, “церковные романтики”!

Быть может, и Академии следует почаще являть себя, например, в Университете. Нам не только можно, но и должно показывать все то лучшее, что есть в Церкви. “Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме”.

*Дарья Хоменко,
студентка исторического факультета МГУ:*

Первая в моей жизни встреча с Церковью произошла достаточно давно — в далекие уже теперь 80-е. Это была случайная, как мне показалось, экскурсия в МДА.

В стенах Академии я увидела вещи до того времени казавшиеся совершенно несовместимыми вещи: вера и наука, студент и он же православный. И встреча эта, хоть и короткая, помогла сквозь мифологизированно-стереотипный облик Церкви — мрачных черноризцев и вредных старушек-богомолок — разглядеть некоторые черты ее истинного облика.

Прошли годы... Господь сподобил меня войти в церковную ограду, и многие вещи, удивлявшие тогда, кажутся теперь естественными и привычными. Но к этому зданию с широким палисадником, покойными лестницами и просторными коридорами, унаследовавшему вековую традицию византийско-русского богословия, я по-прежнему отношусь как к некой загадке... Последующие встречи с Академией, а вернее, с ее выпускниками, проходили на страницах книг и периодики. И мне, как студентке МГУ, хотелось бы, чтобы встречи МГУ и МДА проходили не только на “высоком” ректорском уровне. Мне кажется, что и научное сотрудничество было бы и желаемым, и взаимно обогащающим. И, возможно, оно разрушило бы многие и многие стереотипы, до сих пор бытующие в сознании.

*Анна Сахарова,
студентка филологического факультета МГУ:*

Ну, конечно, знаю я об МДА очень и очень мало. Наверное, это именно то место, где прививают не мирскую мудрость, которая есть безумие перед Богом, а противоположную ей. Вот, некогда оно было единственным высшим, если так можно сказать о XVIII — XIX веках, учебным заведением России — тогда ценили именно эту мудрость, а не мирскую. Еще я читала, что в идеале Духовная Академия — это место, где учат во-первых, правильной молитве, смирению, разумению Библии и святых отцов, а уже, во-вторых — истории Церкви, сравнительному богословию и т.п. Ну а насколько МДА близка к этому идеалу? Должно быть, достаточно.

Петр Лаговский,
выпускник экономического
факультета МГУ 1995 года,
воспитанник 3 класса МДС

Дмитрий Моисеев,
выпускник филологического
факультета МГУ 1994 года,
студент I курса МДА

Михаил Соколов,
выпускник филологического
факультета МГУ 1989 года,
студент IV курса МДА

1. Когда Вы окончили Университет и готовились к приемным испытаниям в Семинарию, какой Вы ожидали увидеть Духовную школу? Насколько ожидания соответствовали впечатлениям в первые месяцы после поступления?

Лаговский Петр: Ожидания перед поступлением в Семинарию были у меня двоякого рода. С одной стороны, я знал, что Московская Духовная Семинария — уникальное учебное заведение с богатыми традициями, хорошими преподавателями, находящееся в святом месте с великолепными возможностями для духовной жизни. С другой стороны, люди, которые здесь учились, говорили о трудностях, которые могут меня ожидать. Особенно предостерегали насчет баков, которые придется мыть во время дежурства в столовой. Во всяком случае, я не представлял себе все в розовых красках. Слава Богу, Господь по Своей милости дал мне некую внутреннюю уверенность, во многом погашавшую сомнения и беспокойства.

В первые месяцы после поступления все было даже лучше, чем я предполагал. Господь нас, новичков, одарил особой радостью, сопровождавшей жизнь и учебу в Семинарии. Для первокурсников проводился ряд интересных мероприятий. Сам Владыка Ректор ходил по классам и спрашивал о наших проблемах. Во всем чувствовалась любовь и забота. Трудности, когда они были, переносились как-то легко, по крайней мере, по моим ощущениям. У меня сразу нашлись заме-

чательные друзья, с которыми я мог делить радости и огорчения и которым я очень благодарен. У нас были очень хорошие преподаватели, память о них я надеюсь сохранить до конца жизни. Они питали не только ум, но и сердце, воспитывали не только словом, но и самым своим образом, своей жизнью во Христе, что, как мне представляется, далеко не повсеместно распространено в светских учебных заведениях. Одним словом, Семинария превзошла мои добрые ожидания.

Моисеев Дмитрий: Заканчивая филологический факультет Университета, конечно же, я задумывался о своем будущем, и несмотря на то, что учеба мне в целом очень нравилась, я не мог себя представить ни кабинетным ученым, ни преподавателем в школе или вузе. Я чувствовал, что у меня иная стезя в этой жизни, поэтому, когда я еще учился на первых курсах Университета, у меня появилось желание поступать в Семинарию, а после того как я получил благословение духовника, у меня и вовсе исчезли всякие сомнения.

В моем представлении Духовная школа всегда оставалась тем местом, где готовят будущих священников, то есть в первую очередь я и ожидал, что

меня здесь научат, что надо делать, чтобы действительно стать настоящим пастырем.

Многие особенности нашей системы обучения не стали для меня полной неожиданностью, так как еще до поступления я уже довольно хорошо был наслышан о семинарской жизни, главным образом, от самих же семинаристов, среди которых у меня были друзья.

Если говорить о своем непосредственном опыте, то самым сильным впечатлением оказалось то, что я почувствовал, что моя жизнь как бы откатилась лет на 5 — 7 назад. Снова проявились какие-то рефлекс-ы школьной жизни, которые я считал давно ушедшими в небытие (боязнь получить плохую оценку, радость по поводу отмены урока и т. д.). Это было довольно забавно, но меня это не сильно испугало.

2. Изменились ли впоследствии Ваши представления?

Лаговский Петр: Духовная жизнь в Лавре протекает таким образом, что после определенного времени ты начинаешь лучше узнавать самого себя, свои недостатки. Это заставляет заниматься нелегкой духовной работой, самоисправлением. Кроме того, мы, очевидно, не смогли понести свободы первого периода обучения, что привело к некоторому усилению внешней дисциплины.

На втором этапе стали созревать и пожелания по поводу системы обучения в Семинарии. Но в настоящий момент эти вопросы, на мой взгляд, следует рассматривать лишь в аспекте грядущего глобального изменения всей системы духовного образования Русской Православной Церкви. А это совершенно особый

Соколов Михаил: При поступлении в Семинарию у меня не было никакого понятия о жизни в Духовных школах, не было и стремления представить себе что-либо об этой жизни, потому что твердо знал, что поступаю туда не для новых впечатлений и не для развлечения ума. Так как получение знаний о Боге, Церкви, мире и человеке считал жизненно важным, я готов был к любым условиям жизни.

После поступления увидел порядок в организации учебы и быта, которого нельзя достичь никакими мерами принуждения. Кроме того, стали ясны преимущества Московских Духовных Школ: во-первых, они находятся в Троице-Сергиевой Лавре, что позволяет обратить внимание на собственную духовную жизнь, и, во-вторых, отличная организация быта позволяет учиться в полную силу.

вопрос. Для примера, хотелось бы иметь больше часов общеразвивающих дисциплин, типа философии.

Моисеев Дмитрий: Мои представления о Духовной школе, об учебном процессе и т. д. изменялись в зависимости от степени моего привыкания к нашей системе. Ведь изнутри-то все видно лучше, чем снаружи — это естественно. Но эти мои представления изменялись как в отрицательную, так и в положительную сторону — конечно, по разным вопросам — так что какие-то положительные наблюдения компенсировали и тот, скажем так, “отрицательный” опыт, который наверняка имеется у каждого.

Соколов Михаил: Впоследствии мои суждения только укрепились.

3. Нашлось ли сейчас практическое применение знаниям и навыкам, полученным Вами в Университете?

Лаговский Петр: Образование — тоже талант, данный Богом, и счастье, что уже сейчас находится ему какое-то применение. Во-первых, полученные знания и навыки помогают в освоении текущего материала, при чтении дополнительной литературы, при работе с богатым библиотечным фондом. Имеется возможность вести самостоятельное исследование интересующих тем. Во-вторых, послушание экскурсовода Паломнического центра Лавры позволяет реализовывать знание иностранного языка и определенный кругозор. В-третьих, некоторые семинаристы проявляют интерес к вопросам и литературе по моей специальности. В-четвертых, журналы “Духовный

мир” и “Встреча”, издающиеся при Академии, дают возможность, для меня пока потенциальную, публицистического творчества.

Моисеев Дмитрий: Более чем. Это связано, я думаю, с тем, что духовное образование базируется на гуманитарных предметах — языки, история, литература и т. д. Филология — это также гуманитарная дисциплина, которая вкупе с философией должна составлять фундамент для богословского знания. Так что, безусловно, мне пригодились и знания языков — в первую очередь русского, так как по своей специализации я — филолог-русист. Эти знания пригодились, главным образом, для участия в

издании студенческих журналов “Духовный мир” и “Встреча”. И даже знания в области немецкого языка, в котором я, в общем-то, никогда не специализировался, пригодились и для работы в ЦАКе, и даже для преподавания этого языка в Академии.

Соколов Михаил: Знаниям, полученным в Университете, конечно, нашлось применение: часто при-

ходится выполнять корректорские работы, даже пришлось обучать русскому языку иностранца. Кроме того, университетские знания помогают в написании курсового сочинения “Путь духовных исканий Пушкина”.

4. Многие считают, что выпускникам вузов ни к чему проходить полный курс обучения в Семинарии, их следует принимать сразу в Академию. Как бы Вы, выпускник Университета, а теперь студент Духовной школы, прокомментировали это мнение?

Лаговский Петр: У этой проблемы есть два аспекта: особенности духовного образования вообще и особенности духовного образования сейчас. Семинария не просто дает сумму знаний, как большинство вузов, но всесторонне образовывает и воспитывает будущих священнослужителей, к которым предъявляются особо высокие требования. Духовное образование должно формировать будущих пастырей Церкви по образу, заповеданному Пастыреначальником Христом и святыми апостолами. Более того, апостол Павел повелевает, как известно, испытывать кандидатов в священный сан. Поэтому Семинария — это место неперемного самоиспытания человека и место испытания его со стороны уполномоченных на то представителей Церкви. Далее степень доверия возрастает.

В настоящее время Семинария уникальна еще и потому, что она, в отличие от большинства вузов, сохранила многое из драгоценной традиции разгромленных дореволюционных высших школ. Семинария располагает великолепным штатом преподавателей, нередко среди них выпускники Университета. Соотношение образования Академии и Семинарии сейчас осложнено дублированием предметов, при чем не всегда, как сказал Владыка Ректор в докладе на последнем Архиерейском Соборе, преподавание в Академии намного глубже, чем в Семинарии. (ЖМП. 1997. № 6).

Таким образом, во всех отношениях поступление из вуза сразу в Академию по многим параметрам нежелательно и нерационально.

Другое дело, до большевистского переворота, когда Православие было государственной религией, духовное образование люди получали с раннего детства, базовые богословские и церковно-учительские дисциплины преподавались в школах, гимназиях, институтах, университетах, а Семинария была подобием наших средних школ, но для детей священнического сословия. Тогда уместно было поступление выпускников университетов непосредственно в Академию.

Именно так развивался, к примеру, жизненный путь Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского).

Моисеев Дмитрий: По логике вещей, конечно, так и должно быть, да так оно и было в России до революции. Вспомним пример Святейшего Патриарха Алексия I, который, окончив Университет, поступил на 1-й курс Академии, хотя мог бы поступить сразу и на 3-й!

Сейчас мы живем в других условиях. В программах вузов — особенно технических — напрочь отсутствуют духовные предметы, а самостоятельно подготовиться к экзаменам в Академию очень нелегко. Это первая причина, почему все-таки необходимо сначала поучиться в Семинарии. Вторая причина чисто духовного порядка. За годы учебы в Семинарии человек должен привыкнуть к определенному образу жизни, должен многое изменить, пересмотреть, от многого, может быть, отказаться. Его гоняют по различным послушаниям, он должен уметь подчиняться требованиям распорядка и т. д. Словом, чтобы ко всему этому привыкнуть, нужно время. Один из моих знакомых, который, закончив Семинарию экстернатом, поступил в Академию сразу после светского вуза, долгое время не мог привыкнуть к особенностям здешней жизни, а это отражалось и на учебе. Так что я несколько не жалею о годах, проведенных в Семинарии.

Соколов Михаил: В Семинарии изучаются практические и начальные предметы: литургика, церковное пение, практическое руководство для пастырей, катехизис, библейская история и другие. Воспитанник Семинарии научается духовной дисциплине, проходит практику послушания и самоотвержения... Таким образом, именно в Семинарии происходит настоящая подготовка к предстоящему церковному служению. Учитывая все это, можно сказать, что успешно и с пользой для Церкви в Академии могут учиться только те, кто усвоил все вышеперечисленные семинарские истины.

5. А если перед молодым человеком стоит выбор или поступить в вуз и уже после его окончания — в Духовное учебное заведение, или сразу пойти в Семинарию, что Вы ему посоветуете?

Лаговский Петр: Все зависит от индивидуальных особенностей конкретной личности, от складывающихся внутренних и внешних жизненных обстоятельств. Для одного лучше поступить в Семинарию после вуза, для другого — после школы. Кроме традиционного совета молитвы с отсечением собственных пристрастий и беседы с духовником, чтобы постараться узнать волю Божию, я не могу ничего придумать.

Моисеев Дмитрий: Исходя из своего опыта, конечно, я бы посоветовал сначала пойти поучиться премудрости светской, а потом — духовной. Гораздо хуже, когда выпускники Семинарий начинают помышлять об учебе в светском вузе. Учеба сама по

себе — дело прекрасное, и мы всю жизнь учимся, но здесь, как и во всем, должен соблюдаться принцип: от простого — к сложному, то есть сначала — мирское, потом — духовное. Исключения, конечно, могут быть здесь для тех, кто с самого детства мечтает о том, чтобы стать священником и ни о чем другом не помышляет. Но таких, по-моему, не очень много.

Соколов Михаил: В светском образовании нет ничего плохого. Оно обязательно пригодится в жизни, но если перед кем-либо стоит выбор — поступать в Семинарию или в вуз, то, конечно, верующему человеку нужно сделать выбор в пользу Божьего дела и пойти на церковное служение. Этот путь всегда предпочтительнее.

6. Студенческая жизнь непременно сопровождается курьезами и несерьезными происшествиями... Относится ли это в полной степени и к жизни студентов Семинарии и Академии?

Лаговский Петр: Относится, хотя курьезы и несерьезные происшествия носят в среднем, наверное, более благочестивый характер. Запомнился, например, такой случай из 1-го класса. После отбоя один студент со слабым зрением вышел без очков из спальни в умывальник. Пока он ходил, в спальню тихонько вошел дежурный помощник инспектора с фонариком, проверяющий, чтобы все были на месте, никто не потерялся в ночном городе. Студент вернулся и без очков в темноте принял свет фонарика за нечто другое, может быть, за некую таинственную абстракцию. Он громко и удивленно воскликнул: “О! Огонек в ночи!”, чем шокировал дежурного, подумавшего, что над ним смеются. После стихшего смеха жителей спальни между дежурным и нашим героем состоялся напряженный диалог, впрочем, не имевший ни для кого неприятных последствий.

Моисеев Дмитрий: Думаю, что, конечно, относится. И мне кажется, на то есть свои причины. Дело в том, что когда человек живет в постоянном напряжении, под постоянным наблюдением, ему надо как-то разряжаться, иначе у него может произойти стресс, ему легко впасть в уныние. И юмор здесь очень помогает. Вспомним, хотя бы того же старца Амвросия Оптинского, который шуткой, веселым словом мог ободрить, а часто и наставить человека. Так вот, я могу засвидетельствовать, что таких прекрасных шуток и такого великолепного юмора, как в Семинарии, я не слышал в Университете. Там, конечно, тоже шутят, но, в основном, или пошло, или цинично. Здесь

этого гораздо меньше, хотя, конечно, не всем и не всегда удастся удержать свои шутки в должных рамках, и как и во всем, тут нужно уметь соблюдать чувство меры.

Если брать конкретные случаи, то вспомню один из них, который произошел на уроке в Семинарии.

В 4-м классе Семинарии у нас появился новый предмет — “История религий”, который назначили преподавать о. Игоря Угуджекова. Как-то раз о. Игорь объяснял, кажется, сущность верховного божества в буддизме.

— Братия, запомните, — говорил батюшка, — в этой религии божество отождествляется с личностью человека, то есть бог — это “я”.

Чтобы семинаристы лучше уяснили сущность этого догматического положения, батюшка немного привстал со своего места, подался с кафедры немного вперед и, указывая на себя большим пальцем правой руки, несколько раз убежденно повторил: “Братья, бог — это “я”, — поймите — “я” — бог”. Чтобы убедиться в доходчивости своих объяснений, батюшка поднимает какого-то семинариста и спрашивает его:

— Иванов, Вы поняли, кто верховное божество в буддизме?

— Понял, батюшка, верховное божество в буддизме это — Вы.

Соколов Михаил: Во-первых, шутка шутке рознь. В деле спасения все очень серьезно, потому что очень велика награда, которую можно потерять по несерьезности. Во-вторых, семинаристы и академики любят пошутить и никогда не унывают.

В.Н.Крупин, преподаватель МДА

Как из школы изгоняли священнослужителей

Размышления православного педагога

По наивности своей я, как и многие, думал, что Православие из школы изгнали комиссары. Сборник *"Школа и жизнь"*, только что вышедший, говорит своими документами, что этим — борьбой с Православием в школах России — занимались основательно в начале века. Даст Бог, к этой книге еще вернемся, а сейчас расскажем о еще более раннем времени.

Как и всякая подлость, напасти на школу приходили всегда под благовидными предложениями. Никто никогда явно не отрицал необходимости участия священнослужителей в делах школы, однако почти весь XIX век шло их вытеснение из школьных стен. Раз и навсегда надо сказать, что русскую школу создало духовенство. Именно оно добилось в 1836 г. Высочайшего (то есть царского) повеления "О заведении при церквях и монастырях школ". К 1864 году, то есть меньше чем за тридцать лет, число школ выросло до 22 тысяч. А к 1881 упало до четырех тысяч. Что произошло? Произошло то, что вскоре после отмены крепостного права духовенство было отстранено от надзора за школами. К концу века число школ возросло до сорока тысяч, но это уже были школы, в основном, земские.

Здравомыслящий министр просвещения Путятин в год отмены крепостного права выступал за то, чтобы передать все народные училища в ведение Синода. Духовное ведомство представлял в вопросах просвещения князь Урусов. Что же вышло из инициативы министра? Митрополит Филарет пишет наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию: "... мнение Урусова было доведено до сведения Государя и одобрено. Но пришел новый министр Головин, и, говорят, уже решено, чтобы сельские училища были светскими". А почти все училища в России были сельскими... Митрополит опасался небезосновательно. Высочайшим повелением 1862 года

было определено, что "народные училища должны находиться в ведении министерства. Министерству следует пользоваться содействием духовенства во всех случаях, когда духовенство найдет возможным оказывать содействие". Образец иезуитской казуистики — "следует пользоваться содействием".

К чести Московской Духовной Академии, она не промолчала. В документе, доведенном до сведения и Синода и министерства было резко и точно сказано: "Если хотите создать среди народа новый класс людей, презирающих народ и ненавидимых народом, если хотите внести новый разврат в селениях, если хотите иметь новый элемент государственного беспорядка, создайте особый класс сельских учителей".

Класс этот был создан. По свидетельству того времени: "Кто новые учителя в школах? Исключительно изгнанные из семинарий недоучившиеся семинаристы, писари, юнкера, дьячки... Их называют "новым молодым поколением".

Крепнущее земство спелось с министерскими чиновниками, и они истолковали повеление царя в свою пользу. Они решили так, что царь повелевает исправить неудачи духовенства, и стали оттирать его от образования полностью. Доходило до того, что на местах объявляли о царской воле завести новые школы и изгнать священников. В Киевской губернии "детей насильно и против воли родителей забирали из церковных школ и гоняли в министерские школы через сотских и десятских"¹.

И что? И никто не сопротивлялся? Сопротивлялись. Митрополит Киевский Арсений требовал сохранения церковных школ, писал о том, что повсеместно крестьяне добровольно берут на себя содержание таких школ. Ни земство, ни дворянство,

¹ Цит. по книге И.В. Преображенского "Духовенство и образование". Спб., 1899. С.28.

ни государство церковно-приходские школы не под держивало.

В 1866 году министром просвещения стал обер-прокурор Синода граф Д.А.Толстой. “Забота об учителях, — доказывал он, —должна быть представлена ведомству нашего православного духовенства, располагающему в этом отношении такими силами, которым могла бы позавидовать любая из просвещенных стран Европы”. Надо полагать, антирусские силы отлично понимали влияние духовенства на школу и продолжали любыми средствами вести разложение учительства.

Уже вовсю гуляла подпольная литература. Священство всячески подвергалось критике как темная, несовременная (читай — недемократическая) масса. Писаки старались. Священники отбирали у учеников революционные брошюры, им запрещали отбирать: ну, как же — посягают на свободу. По Положению 1874 года священникам дается “возможность” сообщать ученикам религиозно-нравственные навыки. Преподавание таких навыков уже не право, не обязанность. В школе оставлены только два урока Закона Божия в неделю. Как уместить в них и нравственное богословие, и историю Церкви, и изучение молитв? Да и то либералы заводили моду на законоучителей, говоря, что священники не учены были на учителей.

Знал ли все это Государь? Вряд ли. В это же время выходит рескрипт Царя о важности “положить в основу общественного блага начала веры, нравственности и гражданского воспитания и долга”. Но на деле где это было?

Как кость, которую долго грызли и тогдашние патриоты и тогдашние либералы, были созданы Училищные советы. Формально они не были подчинены ни Министерству просвещения, ни Синоду — они имели в них по представителю. Министерство добавочно, имея в отличие от Синода средства, завело еще и по инспектору на каждую губернию. В ведение инспекторов попадали все предметы, в том числе и Закон Божий. Жалобы на действия Училищных советов рассматривал не Синод, а Сенат, а в Сенате дела “устряпывали” стряпчие нового времени — юристы. А за кого юристы — это ясно, как день. Дошло до того, что в Положении 1864 года черным по белому было написано, что “слабая сторона Училищных советов в том, что ближайшее руководство над школами предоставлялось сельским священникам”.

Как это комментировать? В упрек священству тогдашней России можно многое поставить. Раз находят к чему прицепиться, значит, нащупали слабое место. Инспекционные поездки священноначалия по епархиям, семинариям говорят о многих недостатках духовного образования, но это никоим образом не отменяет ответственности духовенства за воспитание народа, а

Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев

должно усиливать труды по воцерковлению людей через посредство школ.

Снова новая метла в министерстве — барон Николай; этот метет почище Головина. Пишет представление в Комитет министров, требует совсем отстранить духовенство от преподавания в народных школах “не только предметов светских, но и Закона Божия”. Приходским священникам остается роль “визитатора” по лютеранскому образцу. Уже дошло и до такого позора, что православным ставят в пример протестантов. Конечно, против такого “баронского” нашествия возражают сторонники обер-прокурора Победоносцева, в частности, прекрасный православный педагог С.А. Рачинский. Он всюду заявляет о том, что русские семинарии готовят самых грамотных, всесторонне подготовленных учителей. Увы, слаб его голос.

Кстати, о Победоносцеве. Его всегда травил русский демократы, но особенно сильная травля началась именно в связи с его трудами по содействию церковно-приходским школам. Здесь очень коротко скажем, что граф Л. Толстой искал дружбы С.А. Рачинского, но разошлись они именно из-за отношения

к роли Церкви в русской школе. Толстой, навсегда искалеченный в своем мировоззрении поклонением Руссо, духовенство в школу не допускал. Из толстовской школы изгонялась дисциплина, в ней учителя шли на поводу у учеников, а не наоборот.

И никто не догадается, кто же в Комитете министров дал отпор барону Николаи? Отпор дал министр финансов Абаза. Вот что он сказал по вопросу о народной школе: "Преследуемая правительством цель — доставить народной школе нравственно-религиозное основание — столь неоспоримо верна и составляет вопрос такой первостепенной важности, что Министерство финансов, даже при самом неблагоприятном состоянии государственного казначейства, сочло бы себя обязанным изыскать потребные на то денежные средства".

Даже деньги не могли убедить врагов Христа — а как еще назвать тех, кто изгоняет из школ священников? — они шли на все, чтобы расшатать и обессилить Россию, ослабить ее нравственное состояние. Вот, пожалуйста, доказательство. Курский губернатор на земском губернском собрании просто умоляет земство помочь церковно-приходским школам, говоря, что они в ч е т ы р е раза дешевле земских школ. И что? И ничего.

А что наши дворяне, самые передовые, как они смотрят на просвещение, на роль духовенства? Познаем Московского губернского предводителя дворянства: "...священники посредством вдалбливания преподают своим питомцам не веру, а что-то другое"².

Но что же сами священнослужители? Нет, они не молчат, но они неправы. Благодичный Коломенского уезда, протоиерей Николай Никольский докладывает в Кирилло-Мефодиевском братстве (1898г.): "Мы не имеем права спросить учительницу, которая проживает в приходе два года о том, была ли она на исповеди, причащалась ли Святых Таин... Где же пример детям, если они в течение двух лет не видели учителей, исполняющих христианский долг?... Учителя земских школ не посещают храмы Божии в праздничные дни, ученики не стоят в церкви смиренно, учителя позволяют себе в собрании прихожан свободную речь о вере и нравственности". Свободную, то есть, проще говоря, кощунственную, переводя с языка благочинного.

А печать российская как только не изгалялась над духовенством. И все совали в пример хваленую Европу, все она им застила глаза. "К чему дитяти все эти титулы, азы, буки — не в дьячки мы их готовим" (газета "Основа"). И тому подобное.

Отлично, отлично понимали демократы, что грамотность — сила, способная в зависимости от направления разрушать или созидать — и придавали ей направление гибельное.

Обратимся теперь к сборнику документов "Церковь и школа" (сост. Владыкина В.А., зав. лабораторией истории национальной школы Министерства образования Российской Федерации).

1907 год. Созван Учредительный съезд федерации национальных и территориальных союзов учителей и других деятелей по народному образованию. Идет обсуждение вопроса о преподавании религии в школе.

По этому вопросу обсуждаются два предложения. Оба они против религии, выбирать не из чего. Первая редакция: "признание преподавания религии частным делом; исключение этого преподавания из курса общественных школ". Редакция вторая: "признание преподавания религии частным делом; исключение этого преподавания... как обязательного предмета". Идет обсуждение обеих редакций.

Представитель Бурятского учительского союза "считает возможным вести преподавание религии в школе с определенной целью — пропаганды определенных общественных (?) идей". Представитель Еврейского учительского союза: "Сам я лично стою за то, чтобы религия была исключена из школы".

Представитель Латышского учительского союза "считает необходимым исключить Закон Божий из числа предметов школьного преподавания".

Представитель Грузинского учительского союза: "...религиозному воспитанию в школе не место ... нейтрализовать преподавание религии... скоро можно будет думать и об изгнании из школы этого предмета". Снова бурятский представитель: "Я стою или за исключение преподавания религии, или за оставление ее в курсе школы как научного предмета".

Снова латыш: "... не надо вводить в школе особого курса для изучения культов: ему место в общей истории культуры" (Это он отвечает буряту). "Такое же мнение высказывает и представитель Калмыцкого учредительного союза". Далее в стенограмме: представитель Еврейского союза "находит, что исключение этого предмета из курса школ не закрывает возможности желающим получить религиозное воспитание от священника, которому школа может даже предоставить для занятий помещение и учебные пособия (Голос представителя грузинского союза: "Ни в коем случае!" Смех).

Цитируя по стенограмме в порядке выступающих, невольно думаешь, а что же молчат русские? А вот представитель Всероссийского учительского союза. Он "полагает необходимым исключить преподавание религии вовсе". Почему? — потрясено думаем мы. Потому, что "предмет слишком сложный, чтобы мог быть усвоен детьми 7–12 лет". Представитель, между прочим, рассказывает и о том, что "полтора года назад бока некоторых наших учителей-союзников пострадали от крестьянских кулаков за требование изгнания из курса школы Закона Божия".

"Союзников" — это, как мы понимаем, учителей из этого именно союза.

² "Странник". 1890. С. 83.

Остальные выступающие от союзов Армянского, Белорусского высказываются за то, чтобы преподавание религии было частным делом. Отвечая по поводу возмущения крестьян, латыш решительно заявляет: "Странно аргументировать против той или иной идеи числом поломанных ребер. За идеи можно не только ребра отдать, но и жизнь".

Короче: баллотировка. Принимается пункт девятый во второй редакции, то есть "преподавание религии признается частным делом".

Кто были создатели и вдохновители работы учительского союза — не знаем, но то, что он был отлажен, сретирован и направлен на изгнание Закона Божия из школы, — это несомненно. Но союз не имел законодательной силы, а Госдума имела. Легко себе представить ту кипучую и могучую подрывную деятельность расшатывания основ российской школы, если всего через два с небольшим года в Государственной думе обсуждается законопроект Министерства народного просвещения о начальных училищах, а главное в нем, конечно же, вопрос о религии в школе. Кто горячий сторонник "союзников"? Конечно же, краснойбай Милюков, конечно же, от революционного Санкт-Петербурга. Говорит он долго, совсем в духе наших демократов, говорит убежденно и такую отсечку, которая выдает не знания, не заботу о России, а единственно преследует цель отработать от кого-то полученный или кем-то обещанный кусок. Например, как он может утверждать, что "Церковь не могла создать школы, достаточной даже для самой себя". Он набрасывается на церковно-приходскую школу, видя в ней главную опасность, она, по его мнению, "только как конкурент школы земской". Видимо, уже в Думе дошло и до прямого призыва к оппозиции правительству, в церковно-приходской школе Милюков видит "помощь правительству", а для него это криминал. Совершенно демагогическое вслед за этим заявление: "Светская школа хочет освободить личность, а церковно-приходская хочет обуздать ее". Несомненно, начитался Руссо и Толстого. Святителей Иоанна Златоустого, Игнатия Брянчанинова, Тихона Задонского не читал, отца Иоанна Кронштадтского ненавидит, в Церковь не ходит. Но и светских педагогов не знает, ни Ушинского, ни Пирогова, ни Ра-

чинского. Это все для него мракобесы. Он демократ, он в западную цивилизацию хочет. Он воспекает, ссылаясь на желания передовой (читай — развращенной идеями революции) молодежи школу, в которой "радость жизни", а в церковно-приходской, издевается он, "говение три раза в год, обязательное посещение службы и пение на клиросе. Да, господа, это, действительно, два разных типа. И выбор между ними не труден ни для кого, кто считает, что школа должна вооружить страну наилучшими и наиболее современными средствами для того, чтобы победить в соревновании наций..." В общем, трескотня или набор демагогических фраз. В стенограмме крики слева (революционеры) перемежаются с криками справа. Депутат Крупенский, не выдержав, кричит с места: "Рекламист!" Есть и еще крики: "Не читайте, вы все время читаете", то есть готовился заранее. Еще крики: "Передержка! Извращено Милюковым!" Но Милюков молотит и молотит. Ему еще долго трудиться, отработывая масонский ошейник, еще потом и в Париже.

Выступает епископ Могилевский Митрофан. Упкой, Господи, его душу в селениях праведных! Он настолько точен, убедителен в своем докладе, что диву даешься, да слышали ли его депутаты или в буфет пошли Милюкова обсуждать? Епископ спокойно анализирует деление истории просвещения в России на три периода: допетровская Русь, время от Петра до Николая I-го, с Николая до начала двадцатого века. Почему же в Думе не обращается внимание на первый ты с я ч е л е т н и й период?.. "Отсечение целого периода русской истории, прежде всего, наводит на сомнение: да в самом ли деле подлинно в духе народном отыскиваются основы для

начального народного образования? То правда, что допетровская Русь жила в общем без писанных актов, но ведь она жила, чем-то вдохновлялась и руководилась, когда из разрозненных племен создала обширное русское государство (в скобках заметим — государство больше СССР), нашла силы сломить татарское иго и раздвинуть свои границы до тех пределов, в которых мы ее застаем в настоящее время. Поискали бы другой народ, способный на такие великие деяния... К несчастью, пренебрежительное отношение к прошлому нашей истории делается в последнее время почти общим явлением даже в области просвещения, где увлекаются творениями иностранных педагогов и писателей, подчас знаменитых и даже гениальных, но при этом забывают, что если они и бывали гениальны, то этим обязаны тому, что никогда не разрывали связи с народной почвой. Все их творения только тогда приобщатся и получат жизненность у нас, когда будут сообразованы с историей нашего народа, с его потребностями, поскольку они выразились в его истории, просвещении и культуре. Все это, скажите, азбучные истины, но беда-то в том, что как раз эти азбучные истины всегда и забывают у нас, когда мы приступаем к какой-нибудь важной реформе государственной жизни... Русский народ в вере Христовой искал основ для направления и для своей жизни и для школьного образования. Школа для него поистине являлась училищем благочестия, и всякое обучение, которое не говорило или мало говорило ему о Боге, о спасении, оно для него, верующего, являлось пустым, ничтожным делом”.

Эту речь переиздать бы сейчас целиком да раздать нашим ревнителям компьютеризации школы. Епископ Митрофан, говоря о реформах просвещения при Петре, замечает, что начальной школы они не коснулись и не коснулись сознательно. “Великий преобразователь не посягнул на то, что составляло и составляет основу школы, что питало народный дух, что создало из русского народа народ-богосец...”

Епископ Митрофан находит хорошие слова и о Екатерине Второй: “Не у известных энциклопедистов Дидро и д’Аламбера Екатерина нашла основы для начального образования. Она отыскала их в истории и духе того народа, которым была призвана править. К сожалению, екатерининский устав... судьбу школьного дела отдал в руки учителя, от которого, по выражению Екатерины, требовалось не более, как некоторая гарантия нравственности. Но и таковых учителей не находилось или было слишком мало... народ в эти школы детей не посылал и по-прежнему продолжал их учить у дьячка, который, правда, многому не мог научить, но, по крайней мере, он не развращал детской души вольным, а лучше, бессмысленным отрицанием Бога и других священноверований, что уже тогда допускали невежественные учителя, ибо, что легче для невежды, как отрицать то, чего он не понимает, не знает и не чувствует в своей душе”.

Епископ Митрофан прослеживает путь церковно-приходской школы, напоминая, что она “имеет целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания”. Конечно, и он тогда, и мы сейчас понимаем, что именно христианская нравственность была ненавистна тогдашним демократам, именно на Христа они ополчались. Так и вижу, как они, сыто развалясь, выслушивали преосвященного. Что им до цитат из Гоголя, Жуковского, Ушинского, Пушкина, тем более — Менделеева, Гилярова-Платонова, этих патриотов России. “Дух школы, ее направление, ее цель должны быть обдуманы и созданы нами сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характера, его религии”. Это Ушинский. И еще, он же: “По коренному смыслу христианской религии духовный пастырь должен быть не только служителем алтаря, не только проповедником слова Божия, но наставником и учителем; духовные пастыри наши должны подготовить нас быть не только членами церкви, но и деятельными гражданами христианского государства”. “По мне,— пишет Гоголь Жуковскому,— безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в России, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословения, нелепа даже мысль наша прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым”.

Но преосвященный мог цитировать кого угодно, он надеялся, что имеет дело с понимающими людьми. О, они очень его понимали. Бесы разгулялись, видя свое множество, видя податливость человеческой природы в сторону жизни по законам мира сего. Мысль о том, что рай может быть и на земле, мысль дикая, входила в умы и затмевала все остальное.

Епископ, предвидя возражения о том, что в России есть и еще вероисповедания, кроме Православия, говорит, что в области “религии всего менее имеют место и значение компромиссы... Будьте уверены, что у себя, в своих школах инородцы не допустят умаления религиозно-нравственного элемента... Как человек верующий, я вполне понимаю такой образ действий: сам глубоко благоговей перед своей истиной, я понимаю и ценю религиозное чувство и другого человека... нет другой более веротерпимой веры, как наша православная... в настоящее время многие говорят о масонстве... и если где, то в выработке положений для начальной школы я готов видеть прикосновение таинственной руки этих искусных мастеров”.

Но уже и это сообщение ничего не могло остановить. Епископ разбирает методы и приемы, которыми изгоняется Закон Божий из школы. Время подтверждает его правоту, но что из того следует? Из того следует, что все упование наше только на Господа, мы сами по себе почти ничего не можем. Вот сейчас — принимаются мракобесные законы о школе, о нравственности, мы же протестуем, и что?

Преосвященного поддерживает в большом выступлении обер-прокурор Святейшего Синода Лукьянов. Он приводит сравнение воспитания ребенка родным отцом с воспитанием приглашенным, чужим человеком. Священник — отец, а учителя-либералы — кто?

Их не поддерживает депутат от Кубанской и Терской области, явно не казак Покровский, который набрасывается на отца Иоанна Восторгова, будущего новомученика. Восторгов вскоре выпускает брошюру “Государственная дума и церковные школы”, в которой всецело выступает за церковно-приходские школы: “...школа церковная, несомненно, любима русским народом как близкая, понятная, истинно народная школа”. Протоиерей Иоанн Восторгов расстрелян в 1918 году. Именно в том, в каком большевики довершили давно начатое уничтожение духовности школы, а иначе говоря, гибели ее. Но об этом в следующей части.

В благодарность за разрушение русской школы демократы после Февральской революции разрешили Всероссийскому учительскому союзу продолжать заседать. Он заседал. После Октябрьского переворота они, разрушители, даже они обомлели при виде размаха крушения России. Этого они, как вообще всегда в таких случаях российские интеллигенты, не ожидали и попробовали вякнуть что-то против большевистских нововведений. С ними не считались, их распустили декретом ВЦИК как “антисоветскую” организацию. Любопытные могут проследить дальнейшие их, членов учительского союза, судьбы.

“Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается”³. Подпись В. Ульянова (Ленина) и народных комиссаров Подвойского, Алгасова, Трутовского, Шлихтера, Прошьяна, Менжинского, Шляпникова, Петровского. Управляющий делами Бонч-Бруевич.

Мгновенно создана Госкомиссия по просвещению, моментально, на основании декрета за подписью Луначарского она уточняет, что ни преподавания, ни “исполнения каких-либо религиозных обрядов в стенах школы не допускается”.

Во всех епархиальных управлениях России были комиссии по преподаванию Закона Божия. Повсеместно проходили их заседания. Обсуждалось одно: как жить дальше. Священнослужители пытались говорить очевидное, то, что нравственность есть основа здоровой жизни общества и что нравственность без Право-

славия вырождается. Но кому они говорили, кого убеждали? Самих себя?

Из резолюции Рязанского епархиального собрания: “Признавая упразднение преподавания Закона Божия в школе тяжелым и совершенно незаслуженным ударом для религиозного сознания верующих, собрание полагает необходимым добиваться пересмотра Декрета об отделении Церкви от государства как наносящего ущерб делу духовно-нравственного воспитания подрастающих поколений и вредного для налаживающейся у нас государственности...по мнению собрания, без Закона Божия школа является невысказанной”.

Мы видим, что священнослужители, верующие надеются еще на сотрудничество с государством, на понимание абсурда и вреда, начинающегося от падения нравов. Но к кому они взывают, на что надеются?

Вот письмо членов православных приходов Казани. Его смысл тот же, что и у рязанцев. “Православная Церковь лишилась и тени той самостоятельности, какую она пользовалась при старом режиме...” Казанцы надеются, что если “Совет Народных комиссаров стоит на платформе народных интересов, среди которых первое место занимают вопросы религиозные, то...преподавание Закона Божия как предмета, имеющего весьма важное воспитательное значение, равно как и совершение общей молитвы, должно остаться на будущее время во всех школах неприкосновенным...”

Учительский союз расходует свой последний пар на свистки, прося власти обучать “религии только тех учащихся, которые делают заявление о своем желании обучаться. Это заявление делается самими учащимися, если они достигли 16-летнего возраста...”

Это лето 1918-го года. К зиме их разгонят. Они больше бесам не нужны. Бесы действуют непрерывно и решительно. Август 18-го, госкомиссия по просвещению. Чисто иезуитски Луначарский сообщает, что вопрос, который хотели обсуждать, еще не готов, так что “предлагаю поставить на обсуждение другой вопрос — о конфессиональных учебных заведениях, тем более, что имеем уже в законченной (!) форме проект, разработанный комиссией по отделению Церкви от государства.” (Готовились!)

По этому вопросу докладывает некто Покровский. Смысл его выступления ясен: преподавания Закона Божия “ни в коем случае в учебных заведениях допущено быть не может... все кредиты на преподавание религии в школах должны быть закрыты...здания и инвентарь как народное достояние переходят в распоряжение местных совдепов или Комиссариата народного просвещения”.

Сообщается, что в комиссариат поступило заявление от членов Всероссийского Священного Собора, подписанное Любимовым, Самариным, Агеевым, Кузнецовым и Громогласовым (вспомним фамилии подпи-

³ Из декрета “О свободе совести, церковных и религиозных обществах” от 20 янв.(2 фев.) 1918 г.

сантов декрета) о предоставлении "Церкви автономного права" открывать свои учебные заведения.

Но Луначарский, надев пенсне, сообщает, что это заявление противоречит пункту 33 инструкции "по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства". Луначарский изображает широчайшую гуманность: "Нет ничего пагубнее создать гонение на Церковь, с ней надо бороться орудием создания новой культуры, и она отомрет сама собой". Он знает, что в Церкви "всегда найдутся сторонники, готовые на фанатическую борьбу и мученические подвиги, которые могут помутить народное сознание".

Но если вы знали, спросим мы запоздало большевиков, то, значит, сознательно наступали на Церковь, чтобы именно выявить тех, кто готов умереть за веру Христову, чтобы покончить с ними, так ведь?

О зданиях Луначарский заявляет, что нужно оставить "одно на епархию". Образец полного бандитизма — насильно взять чужое и им распорядиться. До сих пор власти любят изображать внимание к Церкви, говоря, что "мы передаем в ведение Церкви", передаем что? Церковное достояние. Так его надо не передавать, а возвращать. И возвращать не испохабленное, оскверненное, разрушенное, а перво-созданное. Где то обилие, то величие, то благолепие, которое украшало во славу Божию наши храмы?

При обсуждении члены коллегии Лепешинский, Макинцян и Ган говорят в тон Луначарскому. Голосует резолюция в целом, а не по частям. Как она звучит, понятно: "Закрыть, отобрать, не допускать..."

Школы национальные находят своих защитников. Педагог Н.В. Чехов в статье "Закон Божий в школе" рассказывает об "улучшенных" школах типа хедера и мектебе, спрашивает: "Что же делать с высшими еврейскими и мусульманскими школами-талмуд-торами и медресе?" "Теперь новое правительство "свободной" России заносит руку на все остальные мусульманские школы России, среди которых есть такие, которые на сто пятьдесят лет старше самой старой русской школы (медресе Менгли-гирея в Бахчисарае) и существуют непрерывно с конца XV-го века, когда в России еще не было никаких школ". Остановим цитату. И никто не возразил, что школы в России появились с начала письменности, были в обилии создаваемы после принятия христианства в конце еще десятого века? Защищает он и старообрядцев. И справедливо: по переписи 1897 года оказалось, что старообрядцы грамотнее в процентном отношении других. Официально они стали открывать свои школы с 1907 года. "Что же им теперь делать? Уйти опять в подполье? Учить тайно, как учили они со времен Николая до 1907 года?"

15 апреля 1919 года, уже но новому стилю, коллегия Наркомпроса констатирует: "Отделение Церкви от школы — наиболее удавшаяся часть

общей школьной реформы". Ясно, что для них "наиболее", если и вся реформа фактически была затеяна только для этого отделения. Тут же коллегия отмечает, что еще не вся "учительская масса окончательно завоевана новыми идеями социалистического просвещения" и что на эту массу еще надо давить и давить, а то, чего доброго, религия вернется в школу. А это "произведет крайне тягостное впечатление на наших товарищей в Западной Европе, которые всегда особенно ценили культурную программу большевиков..." Здесь черным по белому объяснено, кого бояться большевики — Западной Европы.

В Наркомат юстиции, в редакции газет было разослано письмо от крестьян деревни Поддубной Звенигородского уезда с запросом, почему "не велят учить Закону Божию, ибо от Закона Божия больше кротости и боязни греха и уж не жиды ли хотят всех русских под свою веру?" Наркомат юстиции терпеливо разъясняет темным крестьянам политику большевиков и велит "путем созыва общественных митингов" разъяснять, что "советская школа общественная, которая преподает только научные истины и бесспорные знания, добытые трудящимся человечеством". Что "преподавание религии... не входит в задачи рабоче-крестьянской власти". Дальше будут абзацы обычного политпросвета, демагогия о необразованном духовенстве, которое "открыто становится во главе темных сил, стремящихся поработить крестьян, отнять у них землю и т.д." Большевики, конечно, землю не отнимали, они просто ввели новое крепостное право.

Что касается вопроса "о жидях", то наркомюст, тоже терпеливо "просит разъяснить следующее: количество евреев в Коммунистической партии и в высших органах управления чрезвычайно ничтожно, 1-2 %. Что касается высших учреждений, то и того менее. Но даже если бы это было бы и не так..." далее новое словоизвержение общих фраз.

И вновь и вновь документы: с одной, народной стороны ясное, простое доказательство, что без Закона Божия не жить никакому царству-государству, что без Бога ни до порога, с другой — темная, тупая, надменная, хитрая и злобная сила — долой, долой! Долой все: Бога, Святую Русь, общинный уклад, народную школу, долой!

Ученики советской уже школы в 1922 году пишут Луначарскому, наркому просвещения, что хоть они и одобряют отмену преподавания Закона Божия, но "должны сказать, что, несмотря на это, Закон Божий давал некоторые моральные и нравственные задатки молодому поколению... ни для кого не секрет, что в настоящее время наблюдается громадное падение нравственности и увеличение числа преступлений среди молодежи... мы бы предложили ввести в школах республики преподавание морали и нравственности..."

Кто их слушает? Надежда Константиновна Крупская (Ульянова-Ленина) пишет об “обезвреживании влияния” Церкви на школу...

Устаешь от чтения документов. Трудно вычленишь что-то нехарактерное из общего потока, все они, откуда бы ни были, на одно лицо. Скажем еще вот только что: тогдашние демократы, подобно нынешним, всем тычут в нос пример Америки. Как, из какой диаспоры, из каких беглых преступников, авантюристов она создана, говорить не будем. Скажем, что вместе со всей этой массой, кинувшейся убивать и грабить коренное население Америки, ехали и проповедники. Много расстриг, были и искренне желавшие спасти заблудших. Православия там, может быть, исключая Аляску, еще не было. Пестрота конфессий, сект, верований, религий была безмерна. Цитирую по статье протоиерея Василия Зеньковского “Церковь и школа”. Это уже 1927 год, это уже эмиграция, это уже горестные крики лишенных Родины русских людей. “Отделение школы от Церкви было вызвано в Северной Америке не торжеством безбожия, а чрезвычайной конфессиональной пестротой”. Никто никому не хотел уступать в деле захвата школы. Не захватив свою, они, протестанты и католики, кинулись захватывать школу русскую. Что и делается ими с помощью космополитических программ и учебников, искажающих историю России, наш язык, наши обычаи и верования. Священнослужители по-прежнему не допускаются в школы, в школах запрещаются мо-

литвы. Сколько угодно случаев, когда в школах прямо-таки пасутся заокеанские пасторы, круглосуточно вещают по радио, покупают пространство времени и на всех программах телевидения... Это демократия в ее самом элементарном виде. Хочешь, батюшка, вещать пастве? Гони монету и вещай.

И какой же вывод из всех этих трех частей, от изложения краткого и конспективного, но документального истории насильственного разлучения Церкви и школы? А такой, что ни поднять нам России, ни возродить школы без Закона Божия невозможно. Это только время терять. Конечно, для бесов поглощение нашего времени — главная задача, они его глотают месяцами и годами и не подавятся, но сами-то мы что?

Архиерейский собор 1994 года в своих документах высказал самую большую озабоченность делами воцерковления светской школы. Первые, маленькие шаги в этом направлении делаются. Дай Бог шагать пошире.

Литература:

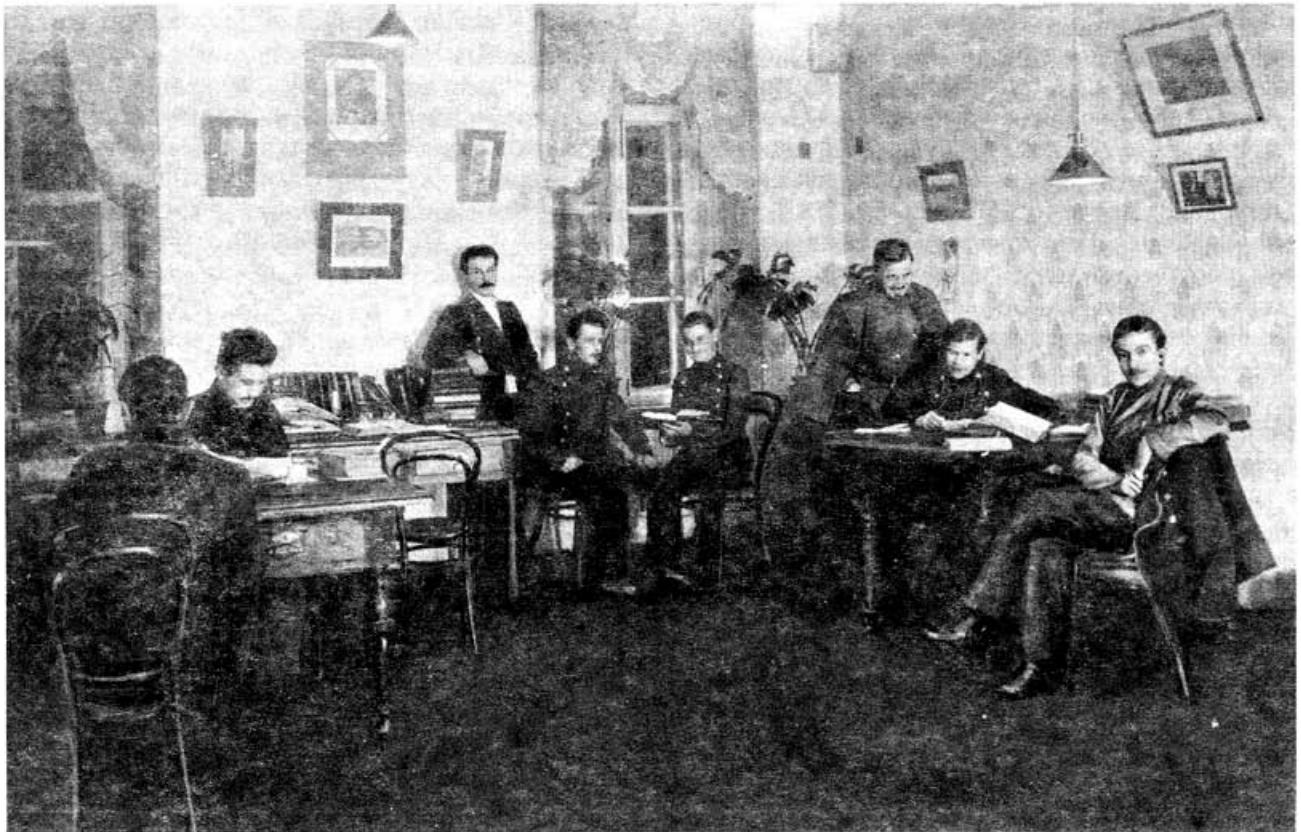
1. И. В. Преображенский. Духовенство и образование. Спб., 1899. С. 28.
2. Странник, 1890. январь, С. 83.
3. Декрет “О свободе совести, церковных и религиозных обществах” от 20 янв. (2 фев.) 1918 г.

Воспоминания об Академии

(1910—1915)

Продолжение. Начало в № 2 (5) за 1997 г.

Студенческая семья была дружной семьей. Недоверчивость и опасения прошли, как только выяснился вопрос со стипендиями. Стипендиями Академия богата, их получала большая часть студентов. Одни были приняты на казенный кошт, другие получили лаврские, частные стипендии в 300, 220, 160 руб. и т.д. Словом, все устроилось, и жизнь потекла сама собой. Утро — вечер, вечер — утро, лекция, библиотека, обед-ужин, и так каждый день: ни забот, ни хлопот — учись и работай. Счастливейшие дни юности! Постепенно все перезнакомились, завязывалась дружба. Более сильные не отказывали советом слабым. В разговорах и в обсуждении учебных вопросов можно было всегда найти совет и добрые пожелания. Радушный прием мы, новички, встречали и у старших студентов. Они помогали нам в работе над книгой в библиотеке. Говорили о требованиях профессоров и особенностях их дисциплин. Естественно, что их рассказы были раз-

личны — и это зависело от того, с какого рода студентом ведешь речь. Более радикально настроенные сообщали свою точку зрения, примыкающие к монашеской братии высказывали свои мысли, и каждая из группировок, особенно последняя, старалась новичка привлечь на свою сторону. От монашеских, то есть юношей с аскетическим уклоном, особенно доставалось профессору М.М. Тарееву, недолюбливали они и Н. Л. Туницкого за его свободомыслие.

Все же студенты, вообще, делились на четыре группы: а) монахи и монашеские, б) светские, в) ученые или, вернее, занятые наукой и г) бездельники. Первые жили обособленно. В 1910 году в Академии их было семь человек. Около них группировалась часть студентов, мистически настроенные или приехавшие в Академию с целью воспринять монашеский чин. Последних было уж не так много, но были, как

были и “свободомыслящие” монахи, не отказывающие себе и в светских развлечениях, конечно, в студенческой среде (ходили вместе со студентами гулять на Вифанку, на каток — зимой). Правда, гулять-то они с нами гуляли, то есть дышали с нами одним воздухом, но на коньках они не катались и гимназисток с катка не провожали.

Расскажу об одном случае, который произвел на меня исключительно сильное впечатление и который, несомненно, правдиво говорил о переживаниях юноши-монаха, под влиянием момента оставившего мир и надевшего клобук.

Однажды, в воскресенье, возвращаясь из столовой после обеда, на лестнице, ведущей из коридора в столовую, я встретил студента четвертого курса, монаха, только что посвященного за воскресной литургией в иеромонаха. Я — из столовой, он — в столовую. Улыбаясь, подхожу к нему, поздравляю его, складываю руки для благословения и с привычным балагурством говорю: “Благослови-ка меня, отче!” Новопоставленный не растерялся, благословил, но вместо “Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа” вдруг слышу: “Если ты пойдешь в монахи, с того же дня от меня осужден будешь!” И прошел мимо меня в столовую, а я так и остался стоять на лестнице дурачком. Вот так “благослови”! Когда новопоставленный иеромонах ушел, я некоторое время стоял не двигаясь, потом повернулся, посмотрел ему вслед и недоумевая побрел в свой номер. Но что же это такое? Почему “осужден будешь”? Он — монах, и в монахи, надо полагать, пошел по влечению сердца. Что за метаморфоза? Вот что однажды мне рассказали. Верно это или нет — не знаю, но к истине, по-моему, близко.

У многих студентов, приехавших в Академию, на родине оставались или возлюбленные, или невесты. Проходит в разлуке год, другой. Невеста в отсутствие любимого изменила или сумела выйти замуж за другого. И... начинается драма. Это самое и случилось с N. Потеряв невесту, N не удержался... и запил. Пивная и трактир заменили ему аудиторию и товарищей. Причины поведения N не остались тайной ни от товарищей, ни от инспекции, но N продолжал пить. А.П. Шостын жил со своей семьей в городе. Из Академии он уходил около одиннадцати часов вечера (в одиннадцать часов закрывались монастырские ворота, и

из монастыря не было выхода до трех часов ночи). И вот однажды, в осенний дождливый вечер, Александр Павлович под зонтиком возвращался к себе домой и на пути от Академии к монастырским воротам встретил N. Он возвращался в Академию пьяный. Александр Павлович остановил N, хлопнул себя свободной рукой по бедру, как он всегда делал в прескорбных случаях, глубоко вздохнул и начал свои инспекторские увещания. N стоял и молчал, но потом ему или надоели профессорские проповеди, или осенний дождь и слякоть оказали влияние на его нервную систему, но реакция была совершенно неожиданной. N снял с инспекторской лысой головы шляпу и несколько раз, пока инспектор не опомнился, шлепнул его мокрой рукой по лысине. Затем неторопливо покрыл инспекторскую голову шляпой и, не проронив ни одного слова, зашагал к Академии, а инспектор остался стоять на том же месте под зонтиком и со шляпой набекрень. Придя в себя, инспектор достал из кармана носовой платок, обтер лысую голову, вздохнул — и пошел домой. Свидетелей не было, но происшествие не могло остаться достоянием только двоих. Слухом земля полнится. Шостын молчал, но когда молчать было уже нельзя, он поделился о происшедшем с ректором. Ректором тогда был, как будто, епископ Евдоким. N вызывали к ректору не один раз, а результатом всех официальных и частных бесед было то, что N “принял” клобук и мантию и теперь расплачивался за ошибки молодости.

Был и другой тип монаха-студента. Это были убежденные религиозные люди, как бы родившиеся в черной монашеской рясе. Этого типа юноши мир воспринимали только в Боге, и вне Его они не видели смысла в земной юдоли. Для них аскетический идеал — цель и смысл их земного существования, а мир, как таковой, они не отрицали, но считали его испытанием, а потому и неизбежным приемлемым злом. Таким был Беляев Николай (впоследствии известный духовный писатель епископ Варнава —

прим. ред.), вскоре принявший постриг. Беляев окончил Егорьевскую гимназию с золотой медалью, первое место занял на проверочных приемных испытаниях в Академии. Он никогда не расставался с Евангелием. Все свободное время, какое у него было, он отдавал изучению боговдохновенных книг. Он засыпал, читая,

Студенты Академии на Келарском пруду

и спал, крепко стиснув Евангелие в руках. Всегда сосредоточенный, он почти не знал, что значит улыбаться. Он весь был в себе и, в то же время, он хотел быть во всем. В наши мирские дела он не входил и старался не замечать нашего веселого смеха и разговоров. Но вместе с тем, он был очень отзывчивый и добрый товарищ.

Как противоположность монахам и монашествующим были студенты светского типа. Всегда аккуратные и чистенькие, они заводили знакомства с посадскими именитыми домами, щеголяли белизной воротничков и аккуратно сшитой формой. Таких, правда, было немного, но они были.

Третий тип студента Академии — студенты-ученые, сосредоточившие свое внимание на книге. Они изучали богословские и философские дисциплины, изучали и не богословские науки, учились одновременно и в Академии, и — тайно — в Московском Университете, Археологическом институте. Условия, в которых мы жили и учились, позволяли заниматься в Академии любой наукой. Роскошная и богатейшая библиотека, покровительство профессоров, через которых студенты могли достать любую книгу, вполне удовлетворяли все и всякие запросы студентов. К этим-то нашим ученым товарищам мы в минуты грусти обращались со своими недоуменными вопросами и у них находили ответы на наши вопрошающие взгляды...

Четвертый тип — бездельники. Были и такие. Если наши "светские" и учились, и бездельничали, то бездельники больше бездельничали, а учеба — постольку-поскольку. Вифанка, каток, "тихое семейство" с самоваром и бубликами, вечеринки в уютных сергиевопосадских гостиных отнимали у них добрую половину отведенного для учебы времени. Были и поклонники Бахуса. Но это были единицы. Бездельники были просто развеселые ребята. Весело проведенный вечер, танцы, небольшая интрижка — вот весь несложный мир бездельника. Однако надо оговориться, что и бездельники обязаны были выполнять работы, какие требовались Академией от студента, и они выполнялись... И бездельники, когда приходило время "родить" (что такое "родить", об этом будет сказано ниже), так же, как и все, брались за книгу, сидели ночами и добросовестно штурмовали богословские научные твердыни.

Академические будни делились между учебными занятиями, официальными обязанностями и досугом.

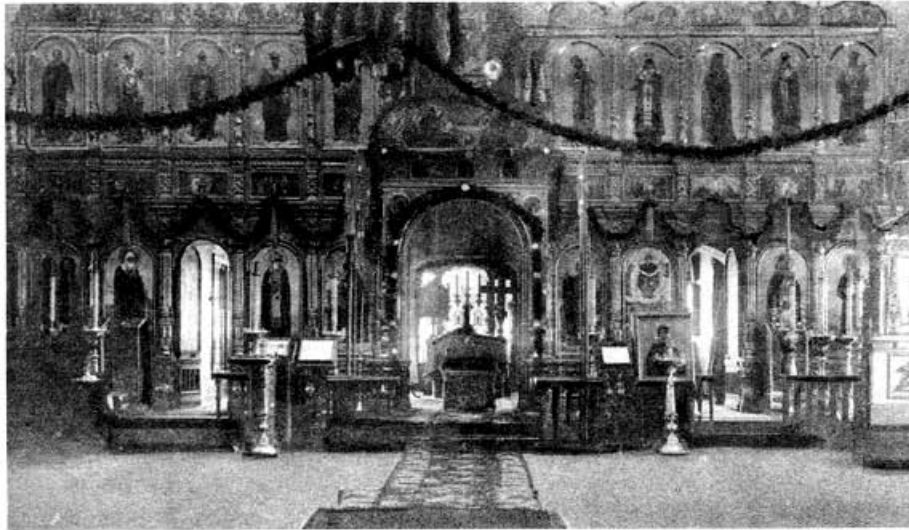
Лекции начинались в девять часов утра и заканчивались в два часа дня. По установившимся традициям, лекции, официально обязательные для студентов, слабо ими посещались. Студенты ходили или на дисциплины, которыми интересовались, или к профессорам, которые читали хорошо и увлекательно. Прилежно посещались лишь лекции по групповым предметам, так сказать, по специальности. Больше времени проводили в библиотеке, дома за своим столом. Здесь мы набирались мудрости.

РАСПИСАНИЕ ЛЕКЦИЙ в 1910/11 учебном году

Понедельник	9 — 11 ч. Основное богословие 11 — 12 ч. Практические занятия 12 — 14 ч; Групповые предметы
Вторник	9 — 11 ч. Групповой предмет 11 — 12 ч. Практические занятия 12 — 14 ч. Основное богословие
Среда	9 — 12 ч; Новые языки 12 — 14 ч; Древние языки
Четверг	9 — 11 ч; Новые языки 11 — 13 ч; Систематическая философия и логика. 13 — 14 ч. Систематическая философия и логика — Практические занятия.
Пятница	9 — 12 ч. Систематическая философия и логика. 12 — 14 ч. История Древней Церкви
Суббота	9 — 11 ч. Еврейский язык. 11 — 13 ч. История Древней Церкви 13 — 14 ч. История Древней Церкви. Практические занятия.

Основной упор занятий в Академии — работа над книгой, знакомство с источниками и далее, как следствие этих работ, семестровые сочинения. Работа над семестровыми сочинениями была нашей основной работой. На каждом курсе студенты обязаны были подать три семестровых сочинения. Темы и предмет утверждались академическим Советом. К каждой теме прилагался список книг, с какими мы должны были познакомиться, среди которых всегда почти значились книги на немецком или французском языках. В академической библиотеке книг было достаточно, и столы студентов до отказа заваливались книгами и журналами. Начинались "посидки". И днем, и вечером, и ночью можно было видеть уткнувшиеся в книги фигуры, жадно глотавшие богословскую мудрость. Выписки, заметки, наброски — а, затем, появлялся план работы. План написан — половина работы сделана. Оставалось теперь только одеть этот скелет в платье, отутюжить и сдать заказчику. И все. Просто и хорошо. Но не всегда выходило хорошо, так как я, например, по семестровому сочинению у Туницкого получил отметку в два балла и остался из-за этой двойки на повторительный курс на первом году своего обучения в Академии. И не всегда материал можно было изложить "просто". Дело в том, что усвоенный материал преломлялся в свежей юношеской голове по-своему. Каждый по-своему воспринимал богословско-

философские мысли, брал из них то, что больше подходило ко вкусам автора. Словом, мы к материалу подходили критически, а критика, как мы знаем, бывает дозволенной и недозволенной. Начинались поиски компромисса, разговоры с товарищами, визиты к профессорам. Выйдешь, бывало, из номера, смотришь —

Академический Покровский храм

кто-нибудь из студентов меряет шагами коридор, рассматривая шашки паркета, или сосредоточенно вышагивает с папиросою в зубах. Подходишь к товарищу и спрашиваешь:

— Что, родишь ?

— Рожу.

Роженицу или оставляешь в потугах творчества, или идешь с ней дальше по коридору и завязываешь “ученый” разговор. Иные студенты прибегали к другим приемам. Когда не удавалось совместить несомместимое или просто не удавалось поймать мысль за хвост, студент вставал и уходил в читальню. Полистает журналы, посмотрит газеты и вновь идет к своим фолиантам, и смотришь — “эврика” и родил. Я лично иногда прибегал к такому приему. Сидишь-сидишь над своим рукописанием, пишешь, черкаешь, переписываешь — и видишь, что ничего не получается. Тогда я поднимался со своего стула, вставал на руки, на руках шел по паркету, вернее, делал три-четыре шага. Некоторое взбалтывание или переливание крови — и смотришь... тоже родил.

Кроме семестровых сочинений мы были обязаны сдать практические работы по каждому предмету курса. Это были небольшие рефераты по отдельным вопросам. В рефератах мы чувствовали себя более свободными от доктринерской палочки. Реферат превращался в маленький диспут, в котором и студенты, и профессора чувствовали себя более свободными, а последние более снисходительными к юношескому дерзанию. Рефераты также отнимали у нас время и требовали подготовки.

Другая “обязательная обязанность” студентов Академии заключалась в хождении в церковь. Каждый воскресный день и во все большие церковные праздники мы обязаны были ходить и ко всенощной, и к литургии. Церковь в Академии — светлая и просторная. На стенах живо писаны святые православной Русской Церкви в стиле Васнецова. Рисунки крупные, светло-ясные. Потолок — в один свод, изо-

бражал небо, расписанное также в васнецовском стиле, с разбросанными по небосводу золотыми звездами. Звезды зажигались на всенощной, во время чтения первого часа, когда гасились свечи, и в церкви водворялся полумрак. Мы любили этот “сумрак ночи”, любили потому, что он как бы подчеркивал

праздник и закреплял полученное впечатление.

В церкви пел хор студентов. Церковь делилась по полам ковром, протянутым от алтаря к епископской кафедре. Правая сторона была предназначена для студентов, левая — для всех прочих богомольцев. Студенты становились рядами, по курсам: впереди — первокурсники, сзади — четвертый курс. За рядами студентов была “нашесть”. Нашесть или возвышение, примыкающее к западной стене храма, была предназначена для профессуры и академических гостей. Здесь всегда стоял и субинспектор, на которого мало кто из студентов обращал внимание, но все же иногда на него поглядывали. Академический субинспектор, как и всякий “суб”, обязан был делить свою молитву с наблюдениями за студентами, что лучше всего было делать с “нашестью”.

Служба в церкви совершалась торжественно... Хор студентов пел великолепно. А так как архиерейское богослужение всегда отличается особой торжественностью, то и наша церковь всегда была заполнена молящимися. Особой торжественностью отличались службы в праздничные дни. В эти дни священнослужители надевали красивые облачения — ризница Академии была богата и разнообразна. Студенты приходили в церковь в мундирах. Молящиеся — в новых или в лучших своих костюмах и платьях. Церковь наполнялась до отказа. Торжественность, как электрический ток, передавалась от одного к другому, и создавалось настроение. Все — и народ, и студенты — доставали богослужение до конца.

С особым благолепием совершалось богослужение и в дни приезда знатных гостей. Приезды московского митрополита — почетного начальника Академии, какого-нибудь архиепископа — бывшего питомца Академии и т.д., всегда отмечались торжественностью в богослужении. Мы, студенты, больше, чем обедни, любили всенощные. Яркость службы, обилие света (всенощные совершались вечером) — все это стимулировало общий подъем настроения. За литургией, утром, молящиеся

были более сосредоточены и сухи, и блеск богослужения при дневном свете не так ярк.

Но особой торжественностью обставлялся наш годовой праздник в честь Покрова Божией Матери. На академический праздник съезжались и почетные гости Академии, и родные и знакомые студентов. К празднику велась большая подготовка. Церковь, академические помещения убирались, чистились, полы до блеска натирались воском. Все блистало и выглядело веселой свежестью. На студентах — чистенькие новые мундиры, белоснежные воротнички. Служители тоже облачались в мундиры с “золотым” позументом на воротничках и рукавах. Все очень приветливо и предупредительно. Даже наши религиозные скептики и то на этот раз, подчиняясь общему настроению, смягчались и разделяли общую торжественность и праздничное настроение. Храм переполнен. Торжественность богослужения и праздничная обстановка приковывали общее внимание, и мы не замечали, как шло время, а всеобщая длилась часа три-четыре. За ужин мы садились в десятом часу вечера. Самая примечательная часть всеобщей — момент, когда молящиеся шли прикладываться к праздничной иконе или — под воскресные дни — к Евангелию, устанавливаемым посередине храма, на аналое, перед епископской кафедрой. Порядок прикладывания и помазания елеем был таков: сначала шло духовенство, за ним сходили с своих мест профессора и их семьи, последним сходил с своего места субинспектор. Некий порядок, годами установившийся, был и среди профессоров. Первыми шли заслуженные, вторыми — ординарные, за ними — экстраординарные, затем уже — доценты. Студенты шли прикладываться тоже по курсам. За студентами шли богомольцы. Переход со своего места к аналою, который стоял посередине церкви, вносил в толпу заметное оживление. Молящиеся после помазания проходили к своему месту мимо студенческих рядов. У многих были знакомые студенты, с которыми они обменивались приветствиями. Обыватели, в свою очередь, также, проходя к своему месту, встречали своих знакомых горожан. Поздравления с праздником, поцелуи. Начинилось общее оживление.

Но вот богослужение закончено. Молящиеся застегивают свои шубки и расходятся по домам, а студенты — в столовую, ужинать. Кое-кто из студентов, рискуя остаться без ужина, идет провожать своих знакомых. Ужин не уйдет. Оставят. А за ужином и весело, и чинно. Все почтительно и корректно: и студенты, и служители.

Такая необычная торжественность преобладала в большие и двенадцатые праздники. Но особой торжественностью отличались академический праздник — Покров Божией Матери — 1 октября, а

также 25 сентября — день памяти Преподобного Сергия, в монастыре которого помещалась Академия.

В день Покрова обедня оканчивалась в первом часу. После обедни студенты шли в столовую и там дожидались ректора, который в этот день всегда приходил в столовую и благословлял нашу праздничную трапезу. С ректором приходили посмотреть, чем и как кормят студентов, и почетные гости. В этот день в кормление также вносился элемент торжественности и своеобразной красоты.

После обеда шли на торжественный акт, где мы выслушивали доклад кого-нибудь из профессоров Академии, а затем годовой отчет секретаря академического Совета. На актовом собрании бывало многолюдно: профессора и академические гости, студенты приходили со своими гостями. После акта начиналась часть неофициальная. Ко мне в этом году в гости приехали сестра Мария Николаевна и Гроздов Николай Владимирович, студент Московского Университета.

Вечером 1 октября в городском клубе был устроен студенческий вечер-спектакль, после спектакля — танцы. Билеты на спектакль распределялись, и только часть билетов поступала в продажу. В нынешнем, 1910 году, билеты распределены следующим образом: гимназии женской в Сергиеве — 15 билетов, гимназии женской в г. Александрове — 65 билетов, гимназии мужской в Сергиеве — 10 билетов. Вифанских семинаристов на вечер пропускали без билетов. Почему обидели сергиевских учащихся? Их не обижали, а предполагалось, что это дело выправят студенты Академии, вручив своим знакомым пригласительные билеты самолично. Билеты с почетными приглашениями профессорам, начальствующим лицам учебных заведений Посада, именитым гражданам города разносили студенты. На мою долю выпала честь отнести пригласительный билет инспектору Академии, профессору А. П. Шостыну. Мне сказали, что надо отнести билет Палкину, сказали его адрес, и моя горячая голова полетела к Палкину... Подошел к крыльцу, позвонил — вышла горничная, спрашиваю: “Палкин Александр Павлович дома?” “Дома, — говорит, а сама улыбается, — войдите”. Вошел по лестнице на второй этаж и собственноручно вручил инспектору приглашение на праздничный семейный студенческий вечер. Только тогда, когда я уже прощался с Александром Павловичем, он мне сказал: “Не Палкин, не Палкин, а Шостын”.

Таково было мое первое знакомство с инспектором Академии. Александр Павлович знал, что его студенты величают Палкиным, и не первая это была проделка старших студентов, а потому и не имела для меня никаких последствий.

(Продолжение следует)

Творец академической славы

*Жизнь и труды А. П. Лебедева — профессора
Московской Духовной Академии и Университета*

Имя Алексея Петровича Лебедева тесно связано с историей Московской Духовной Академии. В ней он учился, затем в течение двадцати пяти лет преподавал. Здесь он сложился как крупный ученый, здесь написал большинство своих трудов. Он был, по словам профессора И.Д. Андреева, “одним из главных творцов славы” Московской Духовной Академии¹. Поэтому, полагаем, не лишним будет вновь вспомнить о его жизненном пути и трудах.

Если деятельность А.П. Лебедева как церковного историка довольно хорошо известна, то о его жизненном пути знают гораздо меньше. Сам он собирался написать автобиографию и планировал издать ее в качестве двенадцатого, завершающего тома полного собрания своих сочинений, но не успел. Появилась лишь статья “К моей учено-литературной автобиографии”, которую Лебедев незадолго до смерти поместил в “Богословском вестнике” с пометкой “продолжение следует”. Продолжение, увы, не появилось. Ученики Алексея Петровича — профессора Н.Н. Глубоковский, И.Д. Андреев и А.А. Спасский откликнулись на кончину своего учителя, опубликовав воспоминания о нем. Эти воспоминания позволяют нам создать довольно цельное впечатление об Алексее Петровиче, о его научных и церковно-общественных взглядах. Много материалов для характеристики этой личности дают его труды и особенно публицистика, в которой наиболее ярко проявились некоторые стороны характера ученого.

Основные вехи биографии А.П. Лебедева таковы. Он родился в селе Очаково Рузского уезда Московской губернии 2 марта 1845 года. По окончании Перервинско-

го Духовного училища поступил в Московскую Духовную Семинарию, которую окончил в 1866 году. В 1870 году окончил Московскую Духовную Академию со степенью магистра богословия, присужденной ему за сочинение “Превосходство Откровенного учения о творении мира пред всеми другими объяснениями его происхождения”. В этом же году Лебедев был избран Советом Московской Духовной Академии доцентом по кафедре Церковной истории. В 1874 году, в двадцатидевятилетнем возрасте, он был избран экстраординарным профессором Академии, опередив при баллотировке В.О. Ключевского. В 1879 году А.П. Лебедев защитил докторскую диссертацию “Вселенские соборы IV и V века. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской” и был избран ординарным профессором Московской Духовной Академии. В 1895 году он перешел на кафедру Церковной истории в Московский Университет, где через три года был удостоен звания заслуженного ординарного профессора. Там Алексей Петрович трудился до самой кончины, последовавшей 14-го июля 1908 года.

А.П. Лебедев оставил после себя большое количество сочинений. Им был составлен и издан полный курс церковной истории с I-го по XIX век. Его перу принадлежит также большое количество статей, опубликованных в церковной печати. Лебедев — первый и единственный из русских церковных историков, кто решился на издание полного собрания своих сочинений, которое составило 11 томов и пользовалось большим интересом.

А.П. Лебедев оставил после себя большое количество сочинений. Им был составлен и издан полный курс церковной истории с I-го по XIX век. Его перу принадлежит также большое количество статей, опубликованных в церковной печати. Лебедев — первый и единственный из русских церковных историков, кто решился на издание полного собрания своих сочинений, которое составило 11 томов и пользовалось большим интересом.

За свои учено-литературные и педагогические заслуги он был избран почетным членом всех Российских Духовных Академий, нескольких университетов и многих ученых обществ, а также пожалован чином действительного статского советника. Его ученики — И.Д. Андреев, Н.Н. Глубоковский, А.А. Спасский, протоиерей А.В. Мартынов, своими трудами внесли большой вклад в развитие отечественной богословской и церковно-исторической науки.

Уже из этих немногочисленных биографических данных можно увидеть, что Алексей Петрович Лебедев прожил хотя и не долгую, но очень плодотворную жизнь. Поэтому, как нам кажется, интересно будет более подробно остановиться на некоторых ее эпизодах.

Алексею Петровичу пришлось уже в детстве понести жизненные невзгоды. Его отец, священник Петр Мефодьевич Лебедев, к несчастью, страдал пристрастием к вину. За это он был лишен митрополитом Московским Филаретом сана. Петр Мефодьевич был низведен в мещане и сделался школьным учителем. В довольно молодом возрасте он был убит в драке. Алексей Петрович долгое время питал предубеждение против святителя Филарета, которое ему внушил отец, и лишь в конце жизни сумел от него освободиться. Мать Лебедева, Александра Прокофьевна, скончалась на руках сына в Сергиевом Посаде в 1886-м году, дожив до преклонного возраста.

Именно благодаря ее заботам Алексей Лебедев был определен в Духовное училище, располагавшееся в Перервинском монастыре под Москвой. В этом училище, как правило, учились дети самых бедных родителей и сироты. Оно считалось одним из худших в Московской епархии и поступить туда было проще. Лебедев изображал годы своей учебы в Перервинском училище в самых мрачных красках и называл это заведение “несчастной Перервой”. Обучение давалось Алексею с большим трудом. Неоднократно он находился под угрозой отчисления за слабые успехи. Учеба в Московской Семинарии, в которую Лебедев поступает после окончания училища, первоначально давалась ему также нелегко, но потом благодаря своему незаурядному трудолюбию и природным способностям он выправился и закончил Семинарию первым. Впоследствии он так вспоминал время своего обучения в Семинарии в лекции, посвященной памяти выдающегося литургиста Ивана Даниловича Мансветова, который окончил ту же Духовную школу годом раньше Лебедева: “Московская Семинария в половине шестидесятых годов... не могла похвалиться благоустроенностью. Я сам лично, — вспоминал Лебедев, — был свидетелем этого нерадостного явления. Семинария доживала последние годы пред временем преобразования по новому Уставу. Все и вся в ней опустилось. Жили будущим, забывая о настоящем. Учителя большею частью сидели сложа руки, ученики пользовались сладкой свободой! Если же некоторые из учителей и занимались своим делом, то вместо изучения науки с юношами читали с высоты своих кафедр лекции чисто академического харак-

тера, но о понимании этих лекций не заботились... Ученики, правда, иногда заглядывали в аудитории этих ученых учителей, но единственно затем, чтобы или погреться, или отдохнуть. Для того, чтобы учиться чему-нибудь, нужно было самому учиться — превратиться в самоучку”².

Во время учебы в Семинарии Лебедев пользовался поддержкой своего духовника — священника П.Н. Сахарова, которого впоследствии называл своим сиропитателем. Этот священник с состраданием относился к бедному семинаристу, поил его чаем, а иногда снабжал и деньгами. Позднее ему было суждено и похоронить Алексея Петровича.

Московская Духовная Академия в годы, когда в ней учился Лебедев, также переживала не самую лучшую пору. Строй Академии менялся, готовился новый Устав, старое отживало свой век, новое еще не набрало силу. Но все же в числе профессоров имелись видные ученые и педагоги: ректор протоиерей Александр Горский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, под руководством которого А.П. Лебедев писал магистерскую работу, архимандрит Михаил (Лузин), С.К. Смирнов, П.С. Казанский. Сам Лебедев выделял из числа своих наставников Е.Е. Голубинского и своего старшего товарища И.Д. Мансветова, который с 1869 года преподавал на IV курсе Церковную археологию и Литургику.

Во время учебы в Академии А.П. Лебедев не проявлял никакой склонности к изучению церковной истории. Более того, Церковная история была одним из немногих предметов, по которому он имел балл “4”. Греческий и латинский языки, необходимые для историка Древней Церкви, он в то время знал недостаточно хорошо. Наконец, Лебедев не написал ни одного семестрового сочинения по церковной истории, и его магистерская работа не имела к ней никакого отношения. Казалось, что ничего не предвещало того, что он будет в недалеком будущем преподавать в Академии именно этот предмет. Тем не менее, это случилось и произошло следующим образом.

Окончание А.П. Лебедевым Академии совпало с введением нового Академического Устава, по которому число кафедр в Академиях было увеличено, а сроки службы профессоров ограничены. Это привело к тому, что во всех Академиях возникло много преподавательских вакансий, которые надо было спешно заполнить. В это время Лебедев был рекомендован профессором В.Д. Кудрявцевым-Платоновым на кафедру метафизики в Киевскую Духовную Академию. Желая удержать в своей Академии одного из лучших выпускников, ректор А.В. Горский предложил Лебедеву занять в Московской Академии одну из вакантных кафедр на выбор: Священного Писания Ветхого Завета, Священного Писания Нового Завета, Библейской истории, Введения в курс богословских наук и, наконец, Древней церковной истории. Лебедев заявил протоиерею А.В. Горскому о своем желании занять кафедру Древней церковной истории. Последний был недоволен таким выбором, видя что А.П. Лебедев недостаточно подготовлен к преподаванию этого предмета в

Академии, и настойчиво предлагал ему занять кафедру Введения в курс богословских наук. “Но я, — вспоминал Алексей Петрович, — уперся и стоял на своем... Так я сделался церковным историком”³.

Почему же Лебедев решил сделаться церковным историком? Дело в том, что, по его мнению, церковная история в отличие от других богословских наук не ограничена конфессиональными рамками и, следовательно, дает больший простор для исследователя. Желание заняться церковной историей возникло у него в ходе работы над магистерской диссертацией, богословская направленность которой сильно его стесняла.

А.П. Лебедев начал свою преподавательскую деятельность в Академии, когда в ней уже народилась церковно-историческая наука. “Она насаждена была заботами Филарета Гумилевского и, главным образом — А.В. Горского, но воспитывалась в тиши академических стен, как нежный цветок в закрытой со всех сторон оранжерее, ...а на свет Божий и не смела показываться во всей яркости своих красок”⁴. Академический Устав 1869 года создал условия для развития церковно-исторической науки. Сам А.П. Лебедев впоследствии говорил, что “день появления в свет этого Устава можно считать днем действительного зарождения церковно-исторической литературы у нас в России; с этого же времени церковно-историческая наука вышла за стены учебных заведений и сделалась явлением общественного значения”⁵.

Согласно с новым Уставом в Академиях были созданы отделения: богословское, церковно-практическое и церковно-историческое. У студентов появилась возможность специализировать свои занятия. Студенты, занимавшиеся на церковно-историческом отделении, теперь в течение четырех лет изучали, главным образом, исторические науки, писали семестровые, кандидатские и магистерские сочинения на исторические темы. Они глубже осваивали круг изучаемых вопросов, шире знакомились со специальной литературой, привыкали к самостоятельной научной работе. Общий уровень знаний студентов значительно вырос.

Устав 1869 года предусматривал также публичную защиту печатных магистерских и докторских диссертаций. Ранее, по Уставу 1814 года, степень магистра присваивалась на закрытых заседаниях академических конференций, а представляемая на соискание ученой степени рукопись сдавалась в архив и обычно нигде не публиковалась. Степень доктора богословия присуждалась до 1869 года Святейшим Синодом не за конкретный научный труд, а в качестве награды и притом очень редко. Новые правила присвоения ученых степеней сделали сильным стимулом, двинувшим вперед богословскую и церковно-историческую науку. “Приобретение ученых степеней, — пишет профессор А.А. Спасский, — явилось нравственным долгом каждого сознававшего свои обязанности профессора и публичным свидетельством о серьезном отношении к своему делу”⁶. В результате, в печати появилось много серьезных научных работ, кото-

рые стали привлекать к себе внимание общества. Церковно-историческая наука, таким образом, вышла из стен Академии “на свет Божий”.

Получив кафедру Церковной истории, Алексей Петрович ревностно принялся за изучение своего предмета. “Не имея и не найдя своей личной жизни, — пишет Н.Н. Глубоковский, — А.П. Лебедев всецело ушел в научные интересы и пребывал в них, как в своей родной стихии. Отсюда его неустанный и непрестанный подвиг, поражающий даже чисто внешнею колоссальностью результатов. И для самого поверхностного наблюдателя получалось впечатление, как будто покойный все время только читал и писал, отнимая у себя многие часы сна. Нам хорошо известно, что и в краткие периоды передышек он не разлучался с книгами и внимательно следил за научной литературой”⁷. Редкостное трудолюбие Алексея Петровича принесло замечательные результаты. Вскоре он сделался признанным специалистом в области церковной истории. Как вспоминает И.Д. Андреев, Лебедев “был почти единственный профессор в Академии, ежегодно предлагавший новые курсы. В аудитории проходили все сколько-нибудь крупные новости европейской церковно-исторической науки. Чувствовалось, что на кафедре сидит полный хозяин своего предмета”⁸.

Характерной чертой ученого было то, что он превыше всего ставил свою преподавательскую деятельность. Это отложило отпечаток на характер его сочинений. Почти все, за очень небольшим исключением, его литературные труды — это отдельные лекции или целые курсы, прочитанные в Академии или в Университете. Большую аудиторию нелегко занять каким-нибудь узкоспециальным вопросом, поэтому Лебедев старался брать масштабные темы, освещать целые эпохи или значительные эпизоды церковной истории. Он умел разрабатывать и микроскопические детали, но занимался этим редко. Лебедев не обладал как профессор выдающимися внешними данными, скорее наоборот. “Грустная фигура лектора, ходившего мелкими, неуверенными шажками, нахмуренное, подслеповатое лицо, резкий голос с крутыми негармоническими переходами от пронзительных верхов к глухим низам, манера читать непременно по тетрадке — все это, — вспоминает о преподавании Лебедева Н. Глубоковский, — не представляло особой привлекательности, а сам А.П. Лебедев уже по внутренней застенчивости неспособен был к преднамеренным и систематическим эффектам для увлечения аудитории”⁹. Тем не менее, студенты очень любили его лекции. Его аудитория была всегда полна, приходили даже студенты других курсов, а иногда слушать лекции Алексея Петровича собиралась вся Академия. В Московской Духовной Академии большей популярностью пользовались лишь лекции Ключевского, у которого в этом отношении соперников вообще не было. Притягательность лекций Лебедева заключалась в том, что он умел живым, ясным языком наглядно изобразить важнейшие моменты церковной истории, раскрывая то, что, по его мнению, было сутью этих явлений. “Аудитория, — вспоминает Н. Глубо-

ковский, — видела перед собою как бы подлинную живую историю, а эта последняя устами профессора раскрывала тайны своего бытия, внушительные и поучительные для всякой мыслящей души”¹⁰.

При подготовке своих лекций для печати Лебедев заботился о том, чтобы они по своему изложению были доступны широким массам читающей публики. Он “со свойственной ему простодушной самоиронией охотно повторял высказывания одного редактора о себе, что его и “всякий невежа понимает”¹¹. Действительно, литературное изложение Лебедева отличается простотой, ясностью и в то же время художественными достоинствами. Его книги очень много способствовали популяризации церковной истории в России.

При изучении церковной истории профессор более всего интересовался церковной историографией. Плодом этого интереса стал его труд “Церковная историография в главных ее представителях с IV века по XX”. В этом труде он, в частности, высказывает свое мнение о важности изучения церковной историографии. “Богословская литература какого угодно века, — пишет А.П. Лебедев, — есть предмет наиглавнейший в исследованиях церковного историка. Церковно-историческая литература составляет часть общей богословской литературы и, думая, наиболее характеристичную... Церковно-историческая литература переживает всякую другую литературу и остается замечательнейшим памятником прошедшей истории как носительница и выразительница духа своего времени”¹². Причем это замечание Лебедев относит не только к греческой и латинской, но и к позднейшей католической и протестантской церковной историографии. Говоря о западной церковно-исторической науке, он рассматривает ее в связи с общим направлением и духом тех эпох, в которые возникли важнейшие школы церковных историков. Так, зарождение западной церковной историографии в XVI веке и ее характерные черты Лебедев связывает с Реформацией и борьбой с ней Католической церкви. Направление в немецкой церковной историографии конца XVIII — начала XIX века, которое Лебедев называет прагматико-рационалистическим, рассматривается им как следствие влияния философии Вольфа, Канта и французских энциклопедистов. Господствующее направление немецкой церковно-исторической науки середины XIX века, главным представителем которого Лебедев считает Неандера, ученый связывает с реакцией религиозного духа на неверие предыдущей эпохи и с влиянием философии Шлейермахера, а идеи представителей Тюбингенской школы — с философией Гегеля. В изложении Лебедева западная, как, впрочем, и древняя церковная историография предстает как часть мировоззрения своей эпохи, что позволяет, с одной стороны, составить более четкое представление о данной эпохе, а с другой — позволяет лучше ориентироваться среди интерпретируемых церковными историками фактов. Труд А.П. Лебедева свидетельствует о его критическом подходе к западной церковной историографии.

Конечно, нельзя отрицать, что в своих трудах Лебедев часто зависел от выводов западных церковных историков. Некоторые его работы написаны под их сильным влиянием.

Из западных церковных историков А.П. Лебедев наиболее выдающимися считал: для девятнадцатого века — кардинала Гергенретера, а для начала двадцатого — Адольфа Гарнака. Влияние Гергенретера очень заметно в труде Лебедева “История разделения Церквей”. Это обстоятельство отмечает в своем труде о патриархе Фотии Ф. Дворник. Вслед за католическим ученым Лебедев значительную долю вины за “разделение Церквей” возлагает на Фотия. Однако, как свидетельствует И.Д. Андреев, в конце жизни А.П. Лебедев изменил свое отношение к этому предмету. “Кто знает А.П. Лебедева по книгам, — пишет Андреев, — тот знает его наполовину. Он написал целый том о разделении Церквей и как-то в разговоре со мной заявил, что недоволен своей работой, что отправная точка работы, а равно исследований Иванцова, Пихлера, Гергенретера на ту же тему, несостоятельна, что историю разделения писать нельзя, а нужно писать историю единения Церквей: нечего было разделять, потому что не было единения, что в самую цветущую пору оно держалось на волоске, считать Фотия виновником разделения церквей — это суеверие, отсюда роковая ошибка, по его (Лебедева) взгляду, католических и наших церковных историков: те стараются во что бы то ни стало Фотия утопить, а наши превращают его в икону, чем Фотий никогда не был”¹³.

Наиболее бурную полемику и самые противоречивые отзывы вызвал труд А.П. Лебедева о Вселенских Соборах, первую половину которого он защитил в качестве докторской диссертации. О нем очень сурово отзывался святитель Феофан Затворник. В письме к своему племяннику И.Д. Андрееву он писал: “Извещаете, что купили книгу Лебедева о соборах, будто редкость добыли. Книга эта неправославная. И проводит начала хуже протестантских. Вам кажется, что ни страница, то блестящие мысли. Мысли там — мыльные пузыри. Исходная точка неверная и все дрянь, хоть брось”¹⁴. С критикой диссертации Лебедева выступил профессор Московского Университета протоиерей А.М. Иванцов-Платонов. Между ним и А.П. Лебедевым возникла жаркая полемика, затянувшаяся на многие годы. После смерти протоиерея А.М. Иванцова-Платонова полемику продолжил профессор Горский-Платонов. Постепенно она потеряла научный характер и “перешла на личности”. Повод к этому подал сам Лебедев, который по натуре был жарким спорщиком и любил уязвить противника какой-нибудь колкостью.

У диссертации Лебедева были и другие критики. Появилось анонимное издание против нее, которое было разослано членам Синода и другим высокопоставленным лицам. Автор доказывал, что диссертацию надо отдать на просмотр Восточным Патриархам. В результате труд ученого надолго потерял возможность выйти вторым изданием, а в некоторых семинариях оказался, подобно

“Истории Русской Церкви” Е.Е. Голубинского, под запретом, так что читавшие эту книгу подвергались строгим наказаниям.

Как считает протоиерей Георгий Флоровский: “Лебедев совсем не был богословом и о богословских спорах рассказывает без всякого внутреннего в них соучастия, как сторонний наблюдатель — именно безучастно, но не бесстрастно. И в лучшей из его книг, в его известной диссертации о первых Вселенских соборах, не достает именно этого сочувственного проникновения в смысл описываемых и обсуждаемых событий”¹⁵. Думается, что такой подход А.П. Лебедева к эпохе Вселенских соборов вытекает из его представления о церковной истории как о науке беспристрастной, надконфессиональной, стоящей вне вероисповедных отличий. Всякое выражение сочувствия поборникам Православия Лебедев считал проявлением пристрастия. Поэтому он часто ограничивается лишь констатацией фактов, хотя удачно подобранных и изложенных хорошим языком. Святые отцы у него представлены как персонажи церковной истории, но отнюдь не как святые. Такое отношение не могло не вызвать недоверия к труду историка и даже соблазна. Впоследствии, уже во время похорон Лебедева, его духовник посчитал необходимым засвидетельствовать, что покойный был человеком православным, исповедовался и причащался.

Последние тридцать лет своей жизни А.П. Лебедев отдал Московскому Университету. Перейти туда на службу его вынудила болезнь глаз, в результате которой он почти ослеп. Знаменитый московский окулист доктор Крюков запрещал Алексею Петровичу заниматься чтением и письмом более двух часов в сутки. Но Лебедев не подчинялся и работал по-прежнему. Предсмертные годы его жизни являются настоящим научным подвигом. “Бывали моменты, — вспоминает Н.Глубоковский, — когда ему грозила опасность слепоты и он вынужден был запереться в специальные лечебницы. Несмотря на эти роковые предостережения при первой возможности работа продолжалась по-прежнему, и, если для нее не хватало своих глаз, то почивший нанимал опытных чтецов, чтобы всегда быть в курсе научно-литературного движения... Зрение убывало с ужасающей прогрессией и держалось, собственно, лишь в одном глазу с непостижимостью, которую сам Лебедев считал “чудом из чудес”, а все-таки он не переставал писать и читать, всегда собственноручно, своим старательным мелким почерком... Поистине, профессор “любил до самозабвения церковно-историческую науку и посвящал себя ей”¹⁶. Но преподавать в Академии ему было уже затруднительно. Поэтому друзья предложили ему перейти в Университет, где Церковная история являлась второстепенным предметом и работы для профессора было значительно меньше. В Академии же сложилась легенда, что Лебедев был удален из нее за свои либеральные взгляды, но сам он впоследствии решительно отрицал это. “Кстати скажу и о моем переходе в Университет, — рассказывал в автобиографических заметках Лебедев со свойственной ему

иронией. — Это обстоятельство моей жизни окружено легендарной дымкой. Досужие люди выдумали какие-то гонения, репрессалии, рисовали ангела с пламенным мечем. Конечно, на мне лежала обязанность разъяснить дело разным любителям “уток”. Но сознаюсь — я этого не сделал... Откровенно говоря, мне ужасно хотелось бы, чтобы легенда о гонениях, репрессалиях и ангеле с пламенным мечем — была бы не легендой только... Но, увы”¹⁷.

В Университете вокруг Лебедева стала собираться талантливая молодежь, интересовавшаяся церковной историей и богословием. Стали появляться работы по этой тематике. Алексей Петрович стал даже заговаривать о возможности развернуть свою кафедру в целый факультет. Возможно, ему удалось бы сделать это, если бы не преждевременная смерть. В Университете профессор не баловал студентов чтениями либерального характера (в духе времени), а иногда читал лекции “ярко ортодоксального и охранительного свойства”¹⁸. Его университетские лекции стоят в связи с церковно-общественной публицистикой, которой в последние годы жизни он уделял много времени.

Так, им была прочитана в университетской аудитории лекция о необходимости восстановления Патриаршества, которая затем была издана отдельной брошюрой под названием “Зачем бы нам нужен Патриарх?” Другим вопросом, по которому Алексей Петрович высказывался перед студентами Университета и в печати, был вопрос о созыве и составе Поместного Собора Русской Церкви. Приветствуя идею его созыва, он указывал на то, что собор должен состоять только из архиереев. “Безопасней, — говорил Лебедев, — было бы собрать первый Русский Собор из епископов, причем каждый из них мог бы приехать сюда в сопровождении лица пресвитерского чина, лица свободно избранного епархиальным духовенством. Решающий голос пусть принадлежит епископам, а пресвитерам — совещательный. Этот собор и должен разрешить очень сложный вопрос: об участии мирян в дальнейших соборах”¹⁹. Для обоснования своей точки зрения Лебедев приводит многочисленные примеры из истории древней Церкви. Вместе с тем он критически относился к современному ему епископату и считал, что впоследствии следует сделать должность епископа выборной.

В одной из университетских лекций 1903 года Лебедев затронул и другой злободневный вопрос — о лжеучениях Льва Толстого. К этому его подвинуло прочтение произведения Толстого “Разрушение ада и его восстановление”, в котором автор делает нападки на Церковь, называя ее даже изобретением дьявола. Алексей Петрович шаг за шагом опровергает такой взгляд Толстого на Церковь, обличая его в непоследовательности и некомпетентности. В другой раз он высказался против взглядов Толстого еще резче: “Мне кажется, — сказал Лебедев, — не будет греха, если позволим себе проводить прямую связующую линию между Львом Николаевичем и теми афинскими языческими лжефилософами, кото-

рые, по словам книги "Деяний", услышав всенародную проповедь Павла о воскресении мертвых, "насмехались" и, конечно, иронически говорили: *об этом послушаем в другое время* (Деян.17,32), а равно можно усматривать связь между проповедью Толстого и теми безумными христианами из числа коринфян, которые дерзали говорить: *не будет воскресения мертвых* (1 Кор.15,12)". Лебедев выражает свое полное согласие с решением об отлучении Толстого от Церкви и отмечает, что своими лжеучениями "Толстой сам себя отлучает и отрешает от общения с великим сонмом святых."²⁰ Вместе с тем он выражает надежду на раскаяние Льва Толстого, но прибавляет, что "по человеческим соображениям надежды на это нет никакой"²¹.

Как мы помним, отец А.П. Лебедева внушил ему неприязнь к личности святителя Московского Филарета. Почти всю свою жизнь Алексей Петрович сохранял против Святителя предубеждение. Однажды, когда ему было уже шестьдесят два года, случайное обстоятельство толкнуло его перечитать переписку митрополита Филарета. Эта переписка поразила его необыкновенной сердечной теплотой, и Лебедев полностью переменяет свое отношение к Филарету. Впоследствии он писал: "Митрополит Филарет был всегда и во всем велик. Это аксиома: ранее я не занимался Филаретом и не понимал его; но когда прочел его многочисленные письма... я полюбил его всею душою и считаю гуманнейшим человеком, но скрывавшим свою гуманность под маскою официальности"²². В другой раз он писал: "Когда, наконец, у нас перестанут измерять Филарета на свой аршин! Это был нравственный гигант, выражаясь по-теперешнему, "сверхчеловек". Мы все должны повергаться ниц пред этим необыкновенным святителем, а не разбираться в тех сплетнях, которые создали зависть и мелкое самолюбие в надежде найти в них предлог для того, чтобы бросить упрек по адресу первого по значению... истинного пастыря Российской Церкви"²³.

В конце своей жизни Лебедев много сделал для защиты памяти митрополита Филарета от нападок, чем вызвал удивление и недовольство в среде либеральной интеллигенции, тем более, что это было время первой русской революции, "когда ортодоксально-гранитная личность московского Святителя не могла являться притягательной"²⁴. В это время из-под пера ученого историка вышла работа "В защиту Филарета, митрополита Московского, от нападок историка С.М. Соловьева", а также изданная Троице-Сергиевой Лаврой брошюра "Великий и в малом митрополит Московский Филарет", в которой Лебедев обильно цитирует письма Святителя, свидетельствующие о его сердечной теплоте, деликатности и внимании к окружающим.

Алексей Петрович выступил с призывом к созданию в Москве Филаретовского общества для изучения жизни и наследия Святителя. По этому поводу он писал: "Великий грех лежит на образованном духовенстве (да и на Синоде), что до сих пор мы не имеем биографии Филарета... По моему мнению, неотложно нужно создать

в Москве Филаретовское общество, как существует в Англии Шекспировское общество, а у нас Пироговское. Материалов для изучения хватит на сто лет. Сравните "Воспоминания" Пирогова хотя бы с "Собранием мнений и отзывов" Филарета и вы поймете, кто из них двоих "больше"²⁵. К сожалению, Лебедев не успел осуществить свое желание, успев лишь напечатать призыв к созданию общества.

В 1907 году скончался Константин Петрович Победоносцев, пользовавшийся в либеральных кругах недоброй славой крайнего консерватора и ретрограда, получившего за свою строгую официальность название "холодного человека" и даже "живого трупа". А.П. Лебедев наперекор господствовавшему мнению публично высказал свое уважение к почившему. "К.П. Победоносцев, — писал он, — был умнейший и добрейший человек, о доброте его я сужу по собственному опыту: как второго Филарета не будет в истории Русской Церкви, так другого Победоносцева не будет сидеть на обер-прокурорском кресле в Синоде"²⁶. Вместе с тем Лебедев высказал свою критику по адресу литературной деятельности Победоносцева. "Всякая литературная деятельность архиереев и высокого административного сановника, — писал он, — выходящая за пределы их прямых обязанностей, есть, по моему убеждению, кража, кража того времени, которое они могли употреблять с большей пользой в интересах своего служебного долга. Победоносцев, углубленный в свое литературничанье, отдал бразды правления лицам, того не заслуживающим. Это — темное пятно в исторической деятельности почившего великого человека, память которого я, как историк, глубоко и искренно почитаю"²⁷.

В письме протоиерея С.К. Смирнова, ректора Московской Духовной Академии, к архиепископу Савве (Тихомирову), напечатанном среди мемуаров этого архипастыря, рассказывается, как Победоносцев, посетивший в начале восьмидесятых годов Академию, собрал преподавателей и подверг резкой критике Лебедева и Голубинского. Как видим, несмотря на публичный разнос Лебедев относился к Победоносцеву без неприязни и с глубоким уважением.

Уделяя громадное количество своего времени занятиям церковной историей, А.П. Лебедев вовсе не был "ученым затворником", как Е.Е. Голубинский. Напротив, он всегда считался душою общества и желанным гостем. Как вспоминает А. Спасский: "Это была чрезвычайно общительная личность, усвоившая себе все культурные привычки нашего времени. Политическая и общественная жизнь, светская и духовная литература, искусство и театр — все это глубоко отражалось в его восприимчивой природе и вызывало свой отзвук в его самобытном и оригинальном уме"²⁸. В общество он приносил с собой веселие, задор и нескончаемые поводы к дискуссиям, в которых любил блеснуть. "Это был один из самых неуступчивых людей, которых ничем нельзя было заставить замолчать или прижать к стене. Никто не отличался такой способностью по всякому подходящему поводу

сказать меткую остроту или привести удачное сравнение, вызывающее у слушателей всеобщий восторг или смех, но и никто не мог так осмеять и изничтожить своего противника, как он”²⁹.

Много времени Алексей Петрович уделял занятиям со студентами, готовившими под его руководством кандидатские и магистерские работы. В этом он тоже отличался от Е.Е. Голубинского. Евгений Евстигнеевич крайне неохотно соглашался на то, чтобы под его руководством писались кандидатские работы, а о магистерских не могло быть и речи. Поэтому мы не имеем “школы историка Голубинского”. Напротив, А.П. Лебедев тепло встречал тех студентов, которые желали писать под его руководством кандидатскую или магистерскую работу, и мог целыми часами обсуждать с ними тему и план работы. Под его руководством за двадцать пять лет преподавания в Академии были написаны и защищены 13 магистерских работ, из которых следует отметить работы Н. Глубоковского “Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность”, А. Добросклонского “Сочинение Факунда, епископа Германианского, в защиту трех глав”, А. Спасского “Аполлинарий Лаодикийский. Историческая судьба сочинений Аполлинария с кратким очерком его жизни”.

Лебедев до конца жизни сохранял хорошее здоровье. За исключением болезни глаз его ничто не беспокоило. Жизненная сила была в нем ключом, он строил различные планы. Он считал необходимым познакомить русское образованное общество с достижениями западной библейской науки и хотел взять на себя работу по обобщению достижений ветхозаветной критики. Было много и других планов. Но его намерения расстроила неожиданная смерть.

Алексей Петрович заразился рожистым воспалением и сперва не придавал этому большого значения, но болезнь перешла на внутренние органы. Врачи решили делать операцию — вставлять трубку в дыхательные пути, которые были поражены воспалением. Но эта операция оказалась запоздалой, и вскоре после нее Алексей Петрович скончался. О его кончине рассказывал его духовник протоиерей П.Н. Сахаров: “Вот какое тяжкое положение случилось со мной, — говорил он мне прерывающимся, затруднительным голосом за несколько часов до смерти, — скажи мне, где выход из моего положения?” Затем через несколько минут с едва переводимым дыханием он сказал мне: “помолись за меня”³⁰. Это были его последние слова.

Алексей Петрович просил в своем завещании похоронить его как можно скромнее, не делая специальных приглашений архимандритам или архиереям. Но на его отпевание прибыл по собственному почину епископ Анастасий (Грибановский), ученик А.П. Лебедева по Академии. Он и возглавил чин отпевания. Погребен Алексей Петрович был на кладбище Московского Андрониковского монастыря, рядом с могилами своих родственников.

В истории русской церковно-исторической науки Алексею Петровичу Лебедеву принадлежит значительное

место. Его неустанные и самоотверженные труды имели большое значение для привлечения внимания общества к церковной истории. Его “любовь до самозабвения” к своему делу вызывала уважение и желание подражать, далее совершенствовать русскую церковно-историческую науку, поэтому имя Алексея Петровича Лебедева должно быть воспоминаемо нами с уважением.

Георгий Колыванов, II курс МДА

Примечания

¹ *Андреев И.Д.* Алексей Петрович Лебедев. (Некролог) Спб., 1908. С.9.

² *Лебедев А.П.* Профессор Московской Духовной Академии Иван Данилович Мансветов. М., 1886. С.6.

³ *Лебедев А.П.* К моей учено-литературной автобиографии и материалы для характеристики беспринципной критики // *Богословский вестник.* 1907, № 6. С.404-405.

⁴ *Спасский А.А.* Профессор Алексей Петрович Лебедев. Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню столетнего юбилея. Сергиев Посад, 1914. С.361.

⁵ *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV века по XX. М., 1898. С.512-513.

⁶ *Спасский А.А.* Цит. соч. С.358.

⁷ *Глубоковский Н.,* профессор. Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева. Спб., 1908. С.28.

⁸ *Андреев И.Д.* Цит. соч. С.9.

⁹ *Глубоковский Н.* Цит.соч. С.21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С.19.

¹² *Лебедев А.П.* Цит. соч. С.238.

¹³ *Андреев И.Д.* Цит. соч. С.4.

¹⁴ *Георгий (Тертышников), архимандрит.* Жизнь и деятельность Феофана Затворника, епископа Владимирского и Суздальского. Фессалоники, 1994. С.141.

¹⁵ *Флоровский Георгий, протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С.374.

¹⁶ *Глубоковский Н.,* профессор. Цит. соч. С.29.

¹⁷ *Лебедев А.П.* Цит. соч. С.422-424.

¹⁸ *Глубоковский Н.,* профессор. Цит. соч. С.26.

¹⁹ *Лебедев А.П.* Об участии мирян на соборах. М., 1906. С.45.

²⁰ *Лебедев А.П.* Взгляд графа Л.Н.Толстого на историческую жизнь Церкви Божией. Сергиев Посад. 1904. С.55.

²¹ Там же.

²² *Лебедев А.П.* Три очерка по церковной историографии у нас. Сергиев Посад. 1907. С.142.

²³ Там же. С.134.

²⁴ *Глубоковский Н.,* профессор. Цит. соч. С.16.

²⁵ *Лебедев А.П.* Цит. соч. С.142.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ *Спасский А.А.* Цит. соч. С.373.

²⁹ Там же.

³⁰ *Сахаров П., протоиерей.* Слово перед отпеванием профессора Императорского Московского Университета, действительного статского советника Алексея Петровича Лебедева // *Душеполезное чтение.* № 8. 1908. С.585-586.

ПЯТЬ ДНЕЙ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Из дневника семинариста-паломника

Со времен Крещения Руси в нашем народе появилось благочестивое стремление побывать на Святой Земле, где Господь воплотился и совершил наше спасение, и поклониться местам, *идеже стоясте нозе Его* (Пс. 131,7). Невзирая на трудности наши предки в великом множестве отправлялись в путешествие, которое длилось иногда несколько лет. На протяжении веков, как свидетельствуют церковные литературные памятники, русские паломники становились свидетелями схождения Благодатного огня, участвовали в праздничных богослужениях, украшали святыни, жертвовали средства для устройства храмов и монастырей. И в наши дни Святая Земля влечет к себе сердца православных, но такая поездка, хоть и не занимает теперь столько времени, оказывается не каждому верующему по карману. Благодаря благотворительной деятельности Фонда единства православных народов Святую Землю сподобились посетить двое учащихся Московских Духовных школ в составе паломнической группы, организованной этим Фондом. В этой поездке принимали участие самые разные люди: приходской священник с матушкой, представители администрации Президента и Премьер-министра, президент Фонда единства православных народов В.А. Алексеев, а также студенты московских вузов. Столь разнородный состав группы неслучаен. Сейчас, когда Церковь и Государство пытаются найти общие пути взаимодействия, такие контакты крайне необходимы. Поездка показала, с одной стороны, живой интерес всех участников к христианским святыням, а с другой — деятельное желание представителей государственных структур помочь в восстановлении и благоустройстве храмов не только в России, но и на территориях, принадлежащих Русской Православной Церкви в Палестине. И это желание *послужить в телесном* (Рим. 15,27), оказать материальную помощь, очень своевременно, так как необходима организация постоянно растущего потока паломников. В настоящее время при активном участии Фонда — организатора нашей поездки — уже ведутся работы по строительству и благоустройству

паломнических гостиных на территориях, находящихся в ведении Русской Духовной Миссии в Тель-Авиве, Магдале и других местах.

Надеемся, что такие паломничества станут регулярными, и в них смогут принимать участие учащиеся Московских Духовных школ. В предлагаемой публикации один из участников поездки делится своими впечатлениями.

...Пройдена регистрация, окончен досмотр багажа — и мы на борту самолета, следующего рейсом Москва — Тель-Авив. На обед во время полета наряду с обычными блюдами предлагались кошерные, то есть приготовленные из “чистых” для иудея продуктов. По мере приближения к “земле обетованной” на головах все большего числа пассажиров стали виднеться ермолки (маленькие еврейские шапочки), и стало ясно, что иудеев, путешествующих на историческую родину к остаткам Иерусалимского храма, на борту самолета ничуть не меньше, чем православных паломников. В аэропорту, где из-за местной бюрократии нас продержали довольно долго, мы имели возможность наблюдать множество примеров внешнего исполнения буквы закона Моисеева. Вот и длиннющие пейсы (Лев. 21,5) — локоны волос, свисающие с висков, и *кисочки на четырех углах покрывала* (Втор. 22,12), и одежда из однородной ткани (Втор. 22,11), и многое другое. В Иерусалим мы прибыли поздно вечером.

28 августа. Первый день нашего паломничества пришелся на великий праздник Успения Божией Матери, который Господь сподобил нас встретить в греческом храме в Гефсимании, в самой гробнице Богородицы. Торжественное шествие через город с чином погребения Плащаницы греки совершают за три дня до этого, поэтому в этот день в Иерусалиме празднуется собственно не Успение, а уже совершившаяся тайна Воскресения Пресвятой Девы. Храм представляет собой огромную пещеру, в которую ведет бесчисленное количество ступеней, полыхающих от поставленных на них свечей. На середине спуска, справа и слева, устроены приделы в честь святых родителей Божией Матери Иоакима и Анны и праведного Иосифа Обручника. Храм освещается множеством свечей и лампад, развешанных по всему своду. Ико-

ностаса нет. Престол находится в небольшой кувуклии (часовне) на самом месте погребения Пресвятой Богородицы. Непосредственно за кувуклией стоит резная украшенная сень с плащаницей, а слева у стены — жертвенник под деревянным киворием. Плащаница представляет собой вырезанную по контуру икону лежащей на погребальном одре Божией Матери. По древней традиции, верующие, приложившись к плащанице, пролезают под ней на коленях. Из-за постоянного потока молящихся даже во время службы в храме непривычная для нас толкотня.

По окончании литургии мы направились в русский монастырь святой Марии Магдалины, находящийся сейчас в юрисдикции Зарубежной Церкви. В монастырском храме покоятся мощи преподобномучениц Великой княгини Елизаветы Федоровны и инокини Варвары. Великая княгиня принимала деятельное участие в строительстве этого храма. Над его украшением работали два выдающихся русских художника: иконостас написан Верещагиным, а настенные росписи на холстах — Ивановым. К храму ведет извилистая дорожка среди нависающих оливковых деревьев и живописных цветников. Это результат кропотливого труда по уходу за этими нежными растениями. В летние месяцы без постоянного ухода этот цветущий край превратился бы в выжженную солнцем пустыню. На территории монастыря находится пещера, в которой прятались апостолы в роковую ночь предательства. Около нее стоит небольшой памятник с Евангельским предостережением: *Бдите и молитесь, да не ввидите в напасть!* (Мк. 14,38). Отсюда, через оливковый сад, где сохранилось восемь толстых деревьев — свидетелей событий той страшной ночи — можно попасть в католический храм Всех Наций. Он имеет такое название потому, что в его строительстве принимали участие все католические страны. Там находится камень, на котором Спаситель молился в подвиге послушания Отцу Небесному перед грядущими страданиями, *и был пот Его, как капли крови* (Лк. 22,44).

Перейдя долину бывшего здесь некогда Кедронского потока, мы вошли через ворота первомученика архидиакона Стефана в стены трехтысячелетнего города.

Паломническая группа в Гефсимании

Тут нашу группу постигло искушение, заставившее всех быть более бдительными: назойливые арабы-торговцы четко отработанным приемом вытащили бумажник одного из наших спутников. Сразу за воротами находится неприметная дверь, ведущая в греческий храм над местом Рождества Божией Матери. Пройдя по узким извилистым улицам ста-

рого города, мы оказались под стенами католического монастыря, который стоит на месте Антониевой крепости — резиденции Понтия Пилата. Отсюда начинался Крестный путь Господа. В воздухе как будто застыл вопль обезумевших от злобы иудеев: *"Распни, распни Его!"* (Лк. 23,21) Именно здесь прозвучал этот страшный приговор неблагодарного, ослепленного грехом человечества своему Искупителю — *пришел к своим, и свои Его не приняли* (Ин. 1,11). Как жаль, что и мы, пленяясь и увлекаясь суетой и удовольствиями этой жизни, забываем о несении креста и отвергаем своего Спасителя, предпочитая вечности минутное наслаждение. Крестный путь, на котором памятно отмечены остановки и падения Господа, ведет к Храму Воскресения. Немного не доходя до него, мы оказались рядом с русским Александровским подворьем. Во времена оны на этом месте находились так называемые Судные врата городской стены. После того как осужденный выходил ими из города, его приговор не мог быть обжалован.

И вот, перед нами цель нашего пути — Храм Воскресения Христова. Он вмещает под своими сводами и Голгофу, и Гроб Господень, и пещеру, где святая царица Елена обрела в IV веке честной Крест Спасителя, и другие места, ставшие свидетелями спасительных страданий Господа, — над каждым из них устроены престолы. Храм находится в ведении православного греческого Свято-Гробского братства, но в нем есть также католические, армянские, коптские и сирийские приделы.

Это самое святое место Земли для всех христиан. Здесь совершились великие события, благоговейно воспоминаемые Церковью на Страстной седмице и за каждой литургией. Здесь, *посреде Земли* (Пс. 73,12), Господь принес Себя в жертву и примирил с Собою отпавший через непослушание Адама мир. "Да мол-

чит всяка плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет” перед величием любви и смирения Того, Который ради нас — людей, и ради нашего спасения сошел с небес, воплотился от Святого Духа и Девы Марии и стал Человеком, *смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Фил. 2,8), пострадал, был погребен... и воскрес! Христос воскрес, ибо смерти невозможно было удержать Того, Который есть *Жизнь* (Ин. 14,6)! Он воскрес, чтобы и мы, недостойные, сделались участниками этой Жизни, если только будем следовать Ему. Как жаль, что многие остаются совсем безучастными, хотя, наверное, и самое окаменевшее сердце здесь готово озариться лучом умиления и вздохнуть вместе с разбойником: *“Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!”* (Лк. 23,42)

После незабываемого посещения Храма Воскресения наша группа побывала на Русском подворье, где расположены здания Русской Духовной Миссии и соборный Троицкий храм. Миссия, которая в этом году торжественно отмечала 150-летие со дня своего основания, занимается духовным окормлением и устройством быта русских паломников. Она также имеет территории в Хевроне, Тель-Авиве, Хайфе, Тиверии, Магдале и других местах. Основная часть их стала достоянием Русской Церкви благодаря неутомимым трудам архимандрита Антонина (Капустина), возглавлявшего Миссию с 1869 по 1894 гг. Сейчас в этих местах ведутся работы по строительству и благоустройству паломнических приютов.

Свободный от общих мероприятий вечер мы решили использовать для лучшего ознакомления с городом. Все его дома и постройки облицованы белым камнем, поэтому ослепительный дневной блеск при закате сменяется тепло-желтыми тонами. Старый город разделен на четыре квартала: христианский, армянский, арабский и еврейский. При наступлении сумерек улочки пустеют, и начинается движение “грузового транспорта” — специальных узких минитракторов, юрко шныряющих по тесным переулкам и взбирающихся даже на ступени. Наиболее многолюдным в ночное время нам показался еврейский квартал, в котором находится “Стена плача” — сохранившаяся часть западной стены Иерусалимского храма. Большая площадь перед стеной, куда можно попасть только после полицейского осмотра вещей, оказалась заполненной торжественно одетыми евреями-ортодоксами всех возрастов. У стены они что-то читают, совершая иногда какие-то необычные молитвенные движения. Очень забавно выглядят коротко стриженные мальчики с вьющимися пейсами до плеч.

29 августа. Утром мы отправились в Вифлеем. Этот город находится в нескольких километрах от Иерусалима, но принадлежит к Палестинским территориям, которые часто оказываются закрытыми для

въезда туристов из-за политических конфликтов между Израилем и Палестиной. По этой причине, в частности, нам не удалось посетить Хеврон. В Вифлееме же, слава Богу, положение было нормальным, и мы благополучно добрались до места Рождества Христова, где высится древняя базилика IV века — одна из немногих сохранившихся построек святой Елены. Маленькая дверь, заставляющая сделать поклон всех входящих в храм, была устроена во время арабских завоеваний. Христиане не могли без содрогания смотреть на всадников, дерзко въезжавших в храм верхом. На стенах и на полу сохранились фрагменты удивительной мозаики времен постройки храма. По небольшой лестнице мы спустились под алтарь, в ту самую пещеру, где родился Спаситель мира. Над местом Рождества, отмеченном серебряной звездой, греками устроен престол. Прославив Богомладенца пением тропаря и кондака, мы были вынуждены покинуть это дорогое сердцу место, так как католики начали подготовку к своей службе. Они заменили православную икону праздника на свою, принесли седалища и электронный синтезатор. Сам храм принадлежит грекам, но в пещере Рождества, как и на Гробе Господнем, богослужение совершают также католики и армяне в специально установленное время.

Побывав в пещерах Вифлеемских младенцев, за Христа избитых (Мф. 2,16), и в гробнице блаженного Иеронима, мы покинули Вифлеем и отправились в Русский Горненский монастырь. Он находится в селении Эйн-Карем, близ Иерусалима. Это евангельская *нагорная страна, город Иудин* (Лк. 1,39), где жила праведная Елизавета. Здесь она удостоилась посещения Матери Божией (Лк. 1,43) и родила святого Иоанна, Предтечу и Крестителя Господня. Обитель представляет собой цветущий сад с множеством небольших домиков, разбросанных по живописному склону горы. Долгое время, как нам рассказала одна монахиня, сестрам приходилось терпеть нападки и хулиганские выходки местных жителей, а власти не давали разрешения обнести территорию монастыря стеной. Это стало возможным лишь после того, как “грянул гром” — совершилось убийство двух насельниц. Сейчас в обители около шестидесяти сестер. Они несут общие послушания, трудятся по уходу за оливковыми деревьями, а также сопровождают группы русских паломников. В монастырском храме Казанской иконы Божией Матери мы отслужили благодарственный молебен и испросили у Господа благословение на наше дальнейшее пребывание в Святой Земле.

Далее наш маршрут следовал через Вифанию, где Господь воскресил Лазаря Четверодневного, к Елеонской горе. С ее вершины открывается удивительный вид на Иерусалим. Сюда в сороковой день после Своего Воскресения Господь вывел учеников и, *благословляя их, вознесся на небо и воссел одесную Бога* (Мк. 16,19), удостоив высочайшей славы наше чело-

веческое естество. Когда-то здесь был храм, не имевший свода в знак открытого для нас Неба духовного. Теперь это место принадлежит арабам, которые соорудили над ним маленькую восьмигранную часовню, похожую на мечеть. За один доллар они впускают всех желающих приложиться к камню с отпечатком стоп Спасителя.

Неподалеку расположен Русский Вознесенский монастырь, который сейчас находится в ведении Зарубежной Церкви. Мы были встречены очень доброжелательно. Сестры проводили нас в часовню над местом первого и второго обретения главы Иоанна Предтечи и в храм, где погребен приснопамятный архимандрит Антонин (Капустин).

С горы Вознесения, где Господь, расставаясь с учениками, дал им обетование Святого Духа, мы направились к месту исполнения этого обетования — Сионской горнице. Обогнув древние стены Иерусалима, автобус доставил нас на гору Сион, пророчески воспетую боговдохновенным псалмопевцем Давидом. Здесь же, предположительно, находится его гробница, очень почитаемая иудеями и мусульманами. В комплексе зданий музея Давида расположено место Евангельской горницы, где в ночь перед страданиями на Тайной Вечере Господь в последний раз совершил иудейскую пасху и установил Новый Завет в Своей Крови (Лк. 22,20) — святейшее таинство Евхаристии. В этой же горнице, по преданию, ученики собирались после Вознесения. Здесь же в праздник Пятидесятницы совершилась тайна рождения Церкви — Сошествие Святого Духа на апостолов.

Совсем недалеко возвышается массивный католический храм Успения Богородицы, воздвигнутый над остатками дома апостола Иоанна Богослова. Здесь Мать Божия пребывала, по завещанию Своего Божественного Сына (Ин. 19,26), до дня Ее славного переселения на небо. Отсюда чудесно собравшиеся апостолы, скорбя о разлуке, несли Ее Пречистое Тело на погребение в Гефсиманию, чтобы через три дня стать свидетелями Ее Воскресения... Какие святыя чувства испытывает человек при посещении этих мест, но как трудно сохранить их в сердце, вновь возвращаясь к житейским заботам!

Наступал вечер последнего дня нашего пребывания

в Иерусалиме, и мы решили опять отправиться в старый город для покупки сувениров. Его узкие улочки представляют собой сплошной ряд сувенирных лавок. Многочисленным паломникам, желающим привезти из Святого града не только воспоминания, здесь предлагаются красочные фотоальбомы, железные, деревянные, перламутровые кресты всевозможных размеров, резные фигурки, расписная посуда, ладан, свечи и многое другое. К сожалению, бойкие продавцы, пользуясь простодушием иностранцев, всегда назначают завышенные цены, поэтому приходится торговаться при покупке каждой вещи. Если не показывать заинтересованности, то цену можно сбить почти вдвое.

30 августа. Рано утром мы покидаем священный Иерусалим, град Царя Великого (Мф. 5,35), чтобы отправиться в Галилею, где Спаситель провел большую часть Своей земной жизни. Наш маршрут пролегал через Иудейскую пустыню, где Господь совершил подвиг сорокадневного поста и молитвы (Мк. 1,13). Это выжженная солнцем холмистая местность с множеством скал и ущелий. Не побывав здесь, невозможно представить тяготы и лишения, перенесенные Спасителем в пустыне. Несмотря на палящий зной и отсутствие воды сюда по примеру Подвигоположника во множестве приходили монахи: *те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11,38). Иногда вокруг пещеры подвижника, прямо на скале образовывалась обитель. Так родились, например, знаменитая Лавра св. Саввы Освященного (куда нам не удалось попасть) и монастырь св. Георгия Хозевита (см. фото).

На восточном краю пустыни, над долиной Иордана возвышается так называемая гора Испытания, на которой диавол дерзнул искутить Богочеловека. Ее склоны покрыты множеством пустыющих ныне отшельнических

пещер. Под самой вершиной, над обрывом выступает стена греческого монастыря, в котором сейчас всего три насельника. В строгом молчании, как принято, мы поднялись туда по змеевидной дорожке, чтобы приложиться к камню, на котором сидел Спаситель, победив козни дьявольские. Как-то особенно зву-

Иудейская пустыня. Монастырь св. Георгия Хозевита

чат в этом месте слова молитвы Господней: "...не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого!" (Мф. 6,13)

Следуя далее по нашему маршруту, мы остановились в Иерихоне, где сохранился огромный пенёк евангельского дерева, на которое влез Захей (Лк. 19,4), а затем прибыли к Иордану. На его берегах некогда раздавался глас вопиющего в пустыне (Мк. 1,3), а воды этой реки освящены крестившимся в них ради нашего очищения Господом. Неслучайно в Церкви сложилась традиция совершать в праздник Крещения крестный ход "на Иордань" для великого освящения воды. Кому не известна ее благодатная сила? Многие верующие в этот день окунаются в проруби освященных рек и водоемов, а мы получили возможность погрузиться в эти благодатные струи на самом Иордане. Там это принято делать в специальных белых рубахах. Вода в реке очень теплая. Огромные, похожие на сомов рыбы безбоязненно кружат вокруг купающихся, словно бы это была река, вытекавшая из Рая и не ведавшая последствий грехопадения.

После купания в Иордане мы продолжили путь и через некоторое время оказались на берегу Тивериадского озера, называемого в Евангелии также Галилейским морем. В Галилее Спаситель начал Свою проповедь, говоря: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" (Мф. 4,17), избрал апостолов, совершил бесчисленное множество чудес, а после Своего Воскресения явился здесь ученикам. По преданию, это явление произошло в Тиверии, которая является сейчас единственным большим городом на берегу озера. Над другими прибрежными селениями исполнились слова Спасителя: "Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида!.. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься" (Мф. 11,21-23). Только благодаря раскопкам сейчас можно увидеть остатки этих славных некогда городов. В Капернауме сохранились развалины синагоги (Мк. 1,21-28), а на предполагаемом месте дома, в котором Господь исцелил расслабленного (Мк. 2,1-12), стоит величественный греческий храм святых апостолов, имеющий большую прилегающую территорию. Нас встретил здесь приветливый монах, который оказался единственным

Русский храм св. Марии Магдалины на Тивериадском озере (построенный в 1962 году)

населенником этого места. Пожертвования паломников он употребляет на роспись своего храма.

Неподалеку, в местечке Табга, находится бенедиктинская базилика на месте, где Господь насытил пять тысяч народа пятью хлебами. В ней сохранился мозаичный пол ранневизантийского храма IV века, разрушенного персами в 614 году, со знаменитым изображением двух рыб и корзины с хлебами.

31 августа. В этот воскресный день мы участвовали в богослужении в храме св. Марии Магдалины женского монастыря, принадлежащего Русской Духовной Миссии. Обитель расположена на самом берегу Тивериадского озера в небольшом селении Мигдал, между Тиверией и Капернаумом. В евангельские времена здесь был богатый город Магдала — родина святой Марии Магдалины, из

которой Господь изгнал семь бесов (Мк. 16,9). На территории монастыря находятся купальные радоновые источники, обложенные камнем еще во времена крестоносцев. Вода в этих источниках круглый год имеет температуру +26°C. В обители живут всего две насельницы.

После литургии, которую служил священник из нашей группы, мы покинули берега Галилейского моря и отправились на Фавор — гору высокую (Мк. 9,2), где незадолго до страданий Господь явил Свою Божественную славу трем ближайшим ученикам, преобразившись перед ними. Фавор — действительно самая высокая гора в Галилее — одиноко и величественно возвышается над окружающей долиной. В праздник Преображения, как свидетельствуют многие, при совершенно безоблачном в этот сезон небе на гору опускается легкое облако. На самой вершине расположен греческий Преображенский монастырь. Его храм был воздвигнут в середине прошлого века на развалинах древней церкви (построенной святой Еленой) во многом благодаря трудам выходца из Молдавии архимандрита Иринарха, ученика преподобного Паисия (Величковского). Престол храма находится на том самом месте, где преобразился Господь. "Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы! Светодавче, слава Тебе!" — как торжественно звучат здесь слова тропаря Преображения.

В храме есть еще одна святыня — чудотворная Акафистная икона Божией Матери, которая представляет собой небольшое черно-белое литографическое изображение. Нас очень удивили молитвенные и благодарственные приношения греков: вся икона обвешана фотографиями, металлическими подвесками с изображениями людей, цепочками, четками, браслетами и даже наручными часами! И все же, каким бы странным нам это не казалось, такое почитание свидетельствует о богатой милости, которую Господь изливает по молитвам Богородицы через этот скромный образ.

Гробница св. Георгия Победоносца

По просьбе Своей Пречистой Матери Спаситель совершил и Свое первое чудо, превратив воду в вино на браке в Кане Галилейской (Ин. 2,1-11). Мы посетили в этом городе греческий храм великомученика Георгия, в котором хранятся два каменных водоноса

евангельских времен. Как не приобрести здесь памятную бутылку прекрасного Галилейского вина в подарок и благословение знакомым молодоженам?

В завершение нашего паломничества мы побывали также и в Назарете, где совершилась “главизна” нашего спасения — Благовещение Богородицы. Над домом праведного Иосифа Обручника, где произошло это великое событие, стоит современная католическая базилика ордена бенедиктинцев, в которую мы не смогли попасть. Однако, по церковному преданию, архангельское приветствие Пресвятая Дева сначала получила у источника, который теперь находится под сводами греческого храма. Пропев тропарь Благовещения и “Совет превечный”, мы с надеждой на благословение Небесной Владычицы набрали воды из этого благодатного источника. Замечательный иконостас храма — дар Великой княгини Елизаветы Федоровны.

Поездка приближалась к концу. Простившись с Галилеей, мы направились в Тель-Авив — последний пункт нашего пребывания на Святой Земле.

1 сентября. Тель-Авив — большой современный город на берегу Средиземного моря. Интересно, что в нем мы повстречали много иммигрантов из России. Исторический центр города — Старая Яффа, или древняя Иоппия, известная нам по книге Деяний Апостольских. Здесь апостол Петр воскресил благо-

честивую ученицу по имени Тавифа (Деян. 9,36-43). Обширная территория на месте этого чуда, которая включает также семейную гробницу праведной Тавифы, принадлежит монастырю Русской Духовной Миссии. В монастырском храме святого апостола Петра произошло знаменательное для нашей группы событие: приняли Крещение три непросвещенных ранее Евангельской благодатью участника поездки. Игумен Пимен, настоятель и единственный насельник монастыря, оказал нам радушный прием и угостил чаем прямо под открытым небом.

Один из жилых домов на берегу моря в Старой Яффе отмечен надписью: “Дом Симона-кожевника”. Вероятно, именно на этом месте апостол Петр был призван через божественное видение к первой проповеди среди язычников (Деян. 10,6-23).

В нескольких километрах от Тель-Авива находится древний город Лидда, известный нам также по благовестническим трудам апостола Петра (Деян. 9,32). Он дорог христианам еще и тем, что в нем — в подклете греческого храма — почивают под спудом мощи великомученика Георгия Победоносца. Интересно, что этого угодника Божия почитают и арабы-мусульмане, устроившие мраморную раку святого. Это последняя святыня, которую нам удалось посетить на Святой Земле. Поблагодарив Господа за дарованную милость и помолвившись небесному покровителю Москвы о благополучном возвращении на Родину, мы отправились в гостиницу на ночлег. С грустью пришлось проститься с матушкой Магдалиной из Горненского монастыря, которая заботливо опекала нашу группу в течение всей поездки, открывая для нас Евангельские святыни.

На следующий день в самолете мы попрощались и обменялись адресами с нашими спутниками, особенно поблагодарив В. А. Алексева и всех организаторов поездки за предоставленную нам возможность посетить Святую Землю и интереснейшее общение. К вечеру мы были уже в Москве...

Синайский монастырь святой великомученицы Екатерины

(Окончание)

Святая Екатерина по своей мученической кончине переносится ангелами на вершину горы. Фрагмент триптиха, написанного синайскими иконописцами в 1612 году.

Гора великомученицы Екатерины

К востоку от монастыря возвышается гора с храмом на вершине. Монахи называют ее горой Иофора: здесь, по преданию, жил мадиамский священник со своими семью дочерьми (Исх. 2, 15–22). С ее вершины открывается вид на две другие известные горы Синая — великомученицы Екатерины и пророка Моисея.

Гора святой Екатерины, самая высокая на Синайском полуострове (2637 м над уровнем моря), находится в пяти часах ходьбы от монастыря. Поднимаются на нее на мулах, верблюдах, вьючных лошадях или пешком по удобной дороге, проложенной монахом Моисеем.

На вершине находится храм великомученицы, в котором, по преданию, ангелы положили ее святые мощи, позже перенесенные в монастырь. При храме есть две комнаты

для паломников, желающих здесь переночевать. В 1932 г. Калифорнийский Метеорологический институт построил метеостанцию поблизости. С вершины открывается величественный вид в южном направлении на Красное море и Элатский залив с его островами

Гора пророка Моисея

Это гора, называемая еще «Святая вершина» (2273 м над уровнем моря), находится в двух часах ходьбы к югу от монастыря святой Екатерины. По преданию, это тот библейский Хорив, где пророк Моисей получил скрижали Завета с десятью заповедями Божиими.

На вершину ведут две дороги. Одна из них представляет собой подъем из 3750 ступеней, выложенных из камней благочестивыми монахами. Это более короткий, но и более трудный путь. По другой дороге,

проложенной в XIX в. египетскими властями, более пологой и легкой, поднимаются обычно пешком или верхом на вьючных животных.

На вершине находится храм Святой Троицы. Он расположен к югу от пещеры, где, согласно преданию, Бог сказал Моисею: «Стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду» (Исх. 33, 21–22). Открывающийся с вершины вид заставляет затаить дыхание и забыть все трудности восхождения.

Другие монастыри Синая

Монастырь Сорока Мучеников находится на расстоянии часа ходьбы от монастыря святой Екатерины. Его соборный храм окружен садом из более чем 500 оливковых деревьев.

В полутора часах ходьбы находится монастырь святых бессребренников Космы и Дамиана, который был центром монашества на Синае в византийский период. В VI в. недалеко отсюда подвизался преподобный Иоанн Лествичник.

Оазис Фиран упоминается в Ветхом Завете как место, где жила Агарь со своим сыном после того, как была отпущена Авраамом (Быт. 21, 21). К VIII в. Фиран был значительным городом, имевшим своего епископа. Арабское нашествие положило конец существованию Фирана, руины которого видны и в наши дни. Единственный монах, подвизающийся здесь в настоящее время, наблюдает за храмом, посвященным пророку Моисею, и ухаживает за прекрасным садом.

Примерно в 170 км от монастыря находится Эль-Тур. Центр христианства и монашества в этих местах в III–IV в., он был и важным портовым

городом в ранневизантийский период. Сегодня здесь можно видеть лишь руины монастыря, построенного императором Юстинианом. Кроме этой обители, Эль-Тур имел величественный храм и гостиницу. Здесь же находился и источник Моисея, вода которого славилась своими целебными свойствами.

Останки древних монастырей сохранились также в Ромгане и Ходре.

Служение бедуинов монастырю святой Екатерины

По свидетельству "Хроник" Александрийского патриарха Евтихия (IV в.), император Юстиниан, построив монастырь, переселил в его окрестности около 200 семейств из северных районов Анатолии и из Александрии. Им было поручено охранять обитель и служить ее нуждам. Потомки этих переселенцев и по сей день остаются при монастыре. Они составляют племя Гебелия синайских бедуинов, но сами считают себя греками и любят, чтобы и другие называли их так же. В монастыре святой Екатерины они имеют особые права и обязанности. В настоящее время племя исповедует ислам, сохраняя, впрочем, и некоторые воспоминания о своем христианском прошлом. Например, они собираются для празднования памяти пророка Моисея на вершину, носящую его имя, почитают Аарона, святую великомученицу Екатерину и святого великомученика Георгия. Монастырь стал неотделимой частью их жизни. Бедуины — кочевники, но они имеют свою культуру и, несмотря на бедность, по-восточному гостеприимны. Архиепископ монастыря святой Екатерины почитается ими как глава и судья, которому они поверяют свои дела и заботы.

Братство и устав монастырей Синая

Монахи Синая живут единой семьей, и разногласия среди них редки. Большую часть жизни они проводят в труде и молитве. Монахи молятся вместе, и их богослужения продолжительны. День для них начинается в 4 часа с утрени и Литургии, кото-

Монастырский сад в оазисе Фиран

рая оканчивается около 7. 30. С 15 до 17 часов совершается вечернее богослужение.

Монахи несут личные послушания. Имеющие священный сан трудятся наряду с простыми монахами, некоторые из которых получили университетское образование, в частности, лингвистическое.

Монашеская трапеза проста. Один раз в день, после вечерней молитвы, насельники обители собираются вместе, вкушая главным образом овощи и фрукты. В продолжение трапезы предлагается душеполезное чтение.

В части управления монашеское братство Синая независимо, пребывая таковым с VI в. Что касается монастыря святой Екатерины, то византийские императоры, различные институты Греческой Православной Церкви и государства — все признавали его автономный статус. В основном монастырь следует общецерковному уставу, но в некоторых случаях руководствуется и указаниями как церковных, так и гражданских властей.

Монастырь святой Екатерины исключительно греческий. Вопросы благочиния, благотворительности, а также экономические решаются на общем собрании всей братии. Эти

решения исполняет "Духовный собор", в состав которого входят: заместитель Архиепископа и одновременно его представитель ризничий монастыря; эконо́м, который несет ответственность за внешние сношения монастыря и его бюджет; и библиотечарь, отвечающий за состояние библиотеки и в особенности за сохранность ее документов и рукописей.

Со времени основания монастыря Архиепископ Синайский имеет статус, единственный в своем роде в Православной Церкви. В своих решениях он независим от какой бы то ни было церковной инстанции, и, будучи облечен самым высоким саном, в то же время является и игуменом монастыря, — исключительное сочетание с точки зрения церковного права. Как настоятель, Архиепископ следит за тем, чтобы в жизни обители строго соблюдались богослужебный устав и правила монашеской жизни, и управляет делами монастыря согласно этим правилам. Он же представляет монастырь в сношениях с Поместными Церквями и светскими властями.

Д-р Евангелос Папаиоанну
(свободный перевод с англ.)

Православная миссия в "черной" Африке

В жизни любой православной общины когда-нибудь да происходят чудеса...

Может быть, кого-то из числа наших православных читателей удивит, что в далекой и жаркой Африке, известной нам по детским рассказам об акулах и страшном Бармалее, живут наши с вами братья, которые исповедуют Православную веру. Речь идет вовсе не о Египте и странах Магриба, но о самой настоящей "черной" тропической Африке.

Как же появилось Православие в самом сердце Африки, на экваторе? Чтобы узнать немножко об этом, совершим экскурс в события начала XX века. Как известно, Африканский континент в это время был покрыт сетью колониальных владений Великобритании, Франции, Португалии, Италии и Испании. Независимыми государствами были фактически только Эфиопия и маленькая Либерия.

Британской колонией было в начале XX века нынешнее независимое государство Кения, в котором впервые и появилось "черное" Православие. Именно здесь в 1929 году возникли две ассоциации преподавателей из племени кикуйю (KISA и KKEA), которые не зависели от Миссии церкви Шотландии (CSM), в основном контролировавшей школьное образование в стране. Эти две ассоциации тогда открыли свои собственные школы, и с этого времени многие учащиеся и преподаватели покинули иностранные миссии, чтобы объединиться между собой и создать некую новую "африканскую церковь", отличающуюся от протестантских "белых церквей".

Несколько раз Кению посещает "епископ Африканской Православной Церкви в Южной Африке" Даниил Александр. Эта "церковь", как и "африканская церковь" кикуйю, не имела общения ни с одной поместной Православной Церковью, она не была канонической. Даниилу Александру неоднократно приходилось встречаться с вождями кикуйского антиколониального движения, а в ноябре 1935 года ему даже удалось заложить семинарию, куда он устроил 8 студентов, 7 из которых были под опекой KISA и KKEA.

Перед своим отъездом он рукоположил двоих священников и двоих диаконов.

В скором времени дороги независимых ассоциаций преподавателей разошлись. Умеренная KISA сформировала "Независимую африканскую церковь Пятидесятницы", а более радикальная KKEA создала "Африканскую православную церковь". Пресса была извещена о рождении новой церкви. Руководители Африканской Православной Церкви начинают вести переговоры с Александрийским Патриархатом о переходе под его юрисдикцию, чтобы тем самым положить начало каноническому бытию новой Церкви.

Кенийцы пишут письмо патриарху Мелетию, и тот дает благосклонный ответ. Но, к сожалению, Александрийский патриарх в скором времени умирает, до того как были предприняты какие-то более или менее значительные действия. Преемник Мелетия на патриаршем престоле Александрийской Церкви Христофор III направляет в 1942 году митрополита Николая Аксумского в Восточную Африку, и тот по завершении своей пастырской поездки составляет рапорт на имя Св. Синода Александрийской Церкви о состоянии Православия в "черной" Африке. Наконец, в 1946 году после завершения Второй мировой войны Александрийский Патриархат принимает Африканскую Православную Церковь под свою юрисдикцию.

В 1946-1952 годах Православная Церковь в Кении быстро развивалась, но в 1952 году в стране вспыхнула партизанская война против колониального режима под названием Мау-Мау. В ответ на это власти вводят чрезвычайное положение. Ассоциации KISA и ККЕА были запрещены. Было закрыто большинство православных храмов, а многие церкви и школы были просто-напросто сожжены. Основная масса православного духовенства была заключена в концлагеря.

Борьба против британских колонизаторов разворачивалась в это время и в других частях мира. На Кипре повстанцев возглавлял знаменитый архиепископ Макариос III, вернувшийся на родину в 1957 году после ссылки на Сейшельских островах. Когда он возвращался домой, то по пути заехал в Найроби, где в местном соборе произнес проповеди в защиту борьбы угнетенных народов против колониального владычества. Это очень воодушевило борцов кенийского освободительного движения, находящихся в лагерях.

После того, как Кения и Кипр добились своей независимости, дружеские связи установились и между их руководителями — архиепископом Макариосом III, первым президентом Кипра, и Джомо Кениатой, первым президентом Кении. В 1970 году архиепископ Макариос III посетил Кению с государственным визитом. Он был поражен как нищетой местной Православной Церкви, так и крайней бедностью кенийского народа. Визит 1971 года уже не носил официального характера. Это был визит председателя братской поместной Церкви, протянувшей руку помощи своей бедствующей сестре. В этом же году архиепископ Макариос закладывает первый камень в основание православной семинарии на территории, выделенной президентом Кениатой. Предстоятель Кипрской Церкви крестит тысячи приходящих к нему людей в городах Кагире и Ньерли, где до этого в течение 35 лет проповедовал уже упоминаемый выше епископ Александр.

Еще в 1958 году Александрийским Патриархатом было создано Иринопольское архиепископство для формирования пастырских кадров в Кении, Уганде и Танзании. Вначале резиденция архиепископа располагалась в Дар-эс-Саламе, затем — в Канспальне, и, наконец, сейчас она находится в Найроби. Основанная в 1971 году, семинария открыла свои двери только в 1982 году при митрополите Анастасии Яннулатосе (в 1991 году он стал предстоятелем воссозданной из небытия Албанской Православной Церкви).

Ранее в Кении Православная Церковь была распространена только в центральных и западных провинциях страны, ныне же она представлена и во многих других районах. Тексты литургии, утрени, вечерни, чинопоследований крещения, заупокойных служб и т.д. были переведены на 11 национальных языков. Совсем недавно они были пересмотрены и улучшены студентами и преподавателями семинарии города Найроби.

Семинария играет значительную роль в жизни Кенийской Православной Церкви. Так, в 1982 году

группа семинаристов совершила поездку на северо-запад страны, где среди племени туркана проповедовала Православие. На следующий год 156 человек были крещены. В настоящее время во многих храмах этого региона литургия уже совершается на местном наречии.

Уганда и Танзания

Можно сказать, что сердце африканского Православия находится на берегах озера Виктория (между Кенией, Угандой и Танзанией). В этом регионе проживает большинство православных христиан. Православная Церковь в Уганде много пострадала в гражданских войнах и других политических потрясениях, терзавших страну на протяжении последних 25 лет. Много церквей и школ было разрушено, а общин распалось. Некоторые приходы уже несколько лет не имеют священников, которым часто приходится добираться из столицы страны — Кампалы, а по дороге они нередко становятся добычей суданских повстанцев, переходящих через неустойчивую границу Уганды.

Православные Уганды имеют своего собственного митрополита Феодора, находящегося в подчинении у Иринопольского архиепископа. Владыка Феодор стал первым известным в истории “черным” епископом Православной Церкви.

На западном побережье озера Виктория проживает и большинство православных Танзании. В городе Букоба находится резиденция местного епископа Джонаса, также африканца по происхождению. На него возложено руководство Православной миссией в Танзании.

В жизни любой православной общины когда-нибудь да происходят чудеса. Интересный случай произошел в деревне Коньябугуру, расположенной в 16 километрах от епархиального города Букобы. Литургическая жизнь в этой деревне началась в 1974 году, когда сюда прибыл с благовестием священник Сосфен Клонга. Коньябугуру находится в засушливой местности, и сюда долгое время не прибывала вода. Жителям деревни приходилось в поисках воды проделывать огромный путь. И вот, чудо! После молитв отца Сосфена появился неожиданно источник, который впредь более не иссякал. Этот чудесный случай с источником привел в Православие не только жителей Коньябугуру, но и многих других людей. В 1990 году в деревне был создан постоянно действующий приход и была построена церковь, освященная во имя св. Антония. Литургия в храме совершается два раза в месяц. Каждый раз за богослужением присутствует около 150 человек, половина из которых причащается. Местным языком считается кихайя, но при совершении богослужения используется государственный язык Танзании — суахили. Отец Павел Тируганья недостаток в средствах восполняет за счет работы на ферме, хотя наряду с приходом в Коньябугуру у него полно забот, связанных с учебой в семинарии.

Деревенская церковь построена из кирпича на фундаменте из камня. Крыша покрыта железом. Рядом находятся здания детского сада и воскресной школы. В детском саду, рассчитанном на 80 детей, работают два воспитателя.

Западная Африка

На данный момент Западно-Африканское архиепископство территориально охватывает 22 страны, и поэтому местному архиерею большую часть времени приходится проводить в аэропортах, чтобы посетить все приходы своей паствы. До 21 февраля 1997 года архиепископом Западной Африки с резиденцией в Яунде (Камерун) был Петр (Папапетру), ныне являющийся Александрийским Патриархом.

В Камеруне существует значительная греческая община. Она имеет православные храмы в Яунде, столице, и в Дуале, главном порту страны. Когда православных в Западной Африке возглавлял митрополит Ириней, здесь не было еще православных из числа коренных жителей. Как только какой-нибудь туземец задавал ему вопросы о Церкви, митрополит тут же приглашал его поучаствовать на литургии и, таким образом, многих обращал в Православие. Некоторые рабочие с северо-востока Камеруна, которые работали на плантациях, принадлежащих грекам, также стали православными. Они относятся к племени тубури, которое обитает на границе с Чадом. Сейчас в этом районе существует 8 приходов, а также есть один православный священник в Чаде. Всего же в Камеруне на ноябрь 1994 года насчитывалось 18 приходов Православной Церкви (в том числе одна греческая община в Яунде). Эти общины обслуживают 9 священников и 2 диакона — все африканцы. В столице Камеруна с недавних пор действует православная семинария с 15-ю слушателями.

В столице государства Гана — Аккре, православная община существует с 1983 года, а 28 октября 1994 года в городе был освящен Преображенский собор.

Зимбабве и Мадагаскар

По состоянию на июнь 1994 года Зимбабвейская епархия, включающая в себя Зимбабве, Замбию, Малави, Мозамбик, Ботсвану и Мадагаскар, насчитывала 12 православных общин с тремя священниками. В настоящее время осуществляется перевод литургии свт. Иоанна Златоуста и других православных литургических текстов на местный язык шона. В этом нелегком деле участвует и Рафаэль Ганда, который в сентябре 1994 года принял крещение в Православной Церкви. Судьба в свое время занесла его в Грецию, где он служил в армии. Здесь он и познакомился с Православием. Покинув армию, он возвратился на родину, где и стал православным. Митрополит Хризо-

стом Зимбабвейский направил его на учебу в семинарию Найроби. Рафаэль надеется, что, когда он закончит учиться, владыка пошлет его в сельские районы Зимбабве, где он будет проповедовать Евангелие.

В состав Зимбабвейской епархии Александрийского Патриархата входит также остров Мадагаскар. "Рождение Православной миссии на Мадагаскаре в условиях несколько из ряда вон выходящих позволяет утверждать, что воистину пути Господни неисповедимы", — пишет в греческом православном журнале "Фос Этнон" ("Просвещение народов"), издаваемом в Патрах, митрополит Хризостом Зимбабвейский.

В 1994 году в миссионерском журнале "Панта та Этни", который издает Апостольская Диякония Элладской Православной Церкви, было напечатано письмо молодого малагасийского учителя, в котором он просит рассказать о Православии. Читателем этого журнала был православный священник из Австалии, отец Нектарий Келлис. Недолго думая, он берет у своего владыки отпуск на три месяца и уезжает в Африку. Здесь он находится с августа по октябрь 1994 года.

Когда-то на Мадагаскаре существовала значительная греческая община. В начале XX века число греков на острове превышало 600 человек. Но в результате изменения политико-экономической ситуации и после провозглашения независимости Мадагаскара греческая община почти полностью растаяла. К приезду отца Нектария Келлиса она насчитывала чуть более 20 человек с двумя действующими храмами — Успенским в Антананариву и Свято-Никольским в Махадзанге. Но батюшка обнаружил на острове также 2 тысячи человек из местных жителей, которые так или иначе испытали влияние православной религии.

Пришло время встретиться австралийскому священнику и с молодым, ищущим Истину, малагасийским учителем, который написал в редакцию греческого журнала свое письмо. Отец Нектарий и Жан Луи Ракотондразафи (так звали этого учителя) составили впоследствии ядро будущих православных катехизаторов на Мадагаскаре. Ими было создано 14 катехизаторских общин, объединивших в целом от 2,5 до 3 тысяч человек. Существующие уже две церкви были отреставрированы. Началась работа по переводу литургии на малагасийский язык. В 7 километрах от Антананариву, столицы Мадагаскара, была предоставлена территория в 8,5 тыс. квадратных метров для строительства православного миссионерского центра.

За два года (с 1994 по 1996 г.) успехи православной миссии на Мадагаскаре стали заметны. Ныне она охватывает три региона страны: Антананариву (столичный), Махадзангу и Тулиару. Количество паствы возросло с 20 до 300 человек. В двенадцати деревнях оглашение проходят 1,5 тыс. человек. На юге острова построены три временные деревянные церкви, и начинается строительство кирпичных храмов в Амбохидаве, Соавинариво и Манонге. Много помощи приходит от православных Греции и Австралии. В городе Фианаранцуа

Миссия приобрела 2 тысячи квадратных метров земли. В Найроби в семинарии учится православный малагасиец Жан Крестос Цаканис. А недавно и в самом Мадагаскаре в городе Алазора, близ Антананариву, открылась собственная православная семинария.

Мы не располагаем информацией, что сейчас с учителем Жаном Луи. Но мы знаем, что отец Нектарий успел его женить (в 1995 году Жану исполнилось 28 лет), и, возможно, на Мадагаскаре есть уже свой малагасийский священник.

Православие в "черной" Африке не ограничивается только этими странами. Довольно стабильные православные общины существуют в Заире, Замбии, ЮАР. В последней существует самостоятельная Йоханнесбургская епархия, созданная еще в 1931 году для греческой диаспоры. На 1994 год в Южной Африке было 14 приходов и 15 священников Александрийского Патриархата. В Йоханнесбурге имеется Миссионерский центр и Православный педагогический институт, в котором обучается 750 студентов.

В 1997 году по решению Священного Синода Александрийского патриархата в Африке были открыты еще четыре епархии: в Гане, Нигерии, Танзании и на Мадагаскаре.

Общинная и литургическая жизнь

Православная семинария в Найроби, носящая имя митрополита Кипрского Макариоса III, является одним из ведущих центров православной жизни тропической Африки. Первоначально она предназначалась для студентов из стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда), но спустя два года после своего открытия, в 1982 году, она стала доступной для всех православных африканцев. В 1995 году в ней обучалось более 40 студентов, приехавших из Кении, Уган-

ды, Танзании, Камеруна, Нигерии, Мадагаскара и Зимбабве. Некоторым из них, особенно тем, кто был родом из Западной Африки, пришлось приспособиваться к совершенно новым условиям быта. По их же словам, большую трудность представляло привыкание к новому виду пищи, неизвестной им на родине.

Каждое воскресенье учащие и учащиеся семинарии имени архиепископа Макариоса III посещают приходы города Найроби и его окрестностей. Таким образом, свои теоретические знания они внедряют в жизнь. Чем не хороший пример для подражания нашим российским духовным учебным заведениям?

В 25 километрах от Найроби находится деревушка Кваньяджарн. Здесь существует свой православный приход. Сначала литургия совершалась в одной из комнат детского сада,

но потом не стало священника, и когда группа семинаристов из столицы посетила Кваньяджарн, оказалось, что в нем уже больше года не совершалось богослужение. Но члены общины не сидели за время отсутствия священника сложа руки. Они начали строить церковь. Церковь еще не была закончена, и сквозь крышу еще проникал дневной свет, но с каким воодушевлением прихожане пели утреню под руководством своего собственного регента. Во время совершения первой литургии, которую с помощью семинаристов совершал епископ Макарий, среди певчих заметна была некоторая нерешительность, по-видимому, из-за того, что богослужение оставалось все еще малознакомым большей части прихожан по причине длительного отсутствия священника.

Как и положено во время приезда архиерея в любой православный приход, после литургии была устроена трапеза, состоящая из любимого национального кушанья кенийцев — фасоли и традиционного местного чая.

Страна	Количество православных приходов	Количество духовенства
ЮАР (Йоханнесбургская епархия)	14	15 священников
Зимбабве, Замбия, Малави, Мозамбик, Ботсвана и Мадагаскар. (Зимбабвийская епархия)	12	3 священника
Кения	60 приходов и 56 приходских очагов	75 священников
Уганда	30	19 священников
Танзания	9 приходов и 21 приходской очаг	6 священников
Камерун	18	9 священников и 2 диакона

Миссионерство и монашество

Формы миссионерства, используемые в “черной” Африке, очень разнообразны. Почти все известные в истории Православной Церкви миссионерские методы применялись в той или иной местности этого обширного континента. Зачастую православными становились те, кто побывал за границей и своими собственными глазами увидел, что из себя представляет Православие. Именно так делали и вождь племени из долины Рифф в Кении, и простой фермер из восточных провинций, и офицер армии из Зимбабве. Все — и миряне, и священники, и даже епископы бороздили необъятные просторы с проповедью Евангелия. В настоящее время в большинстве стран на юге от пустыни Сахара и на севере от реки Лимпопо Православная Церковь переживает подъем. Трудность еще заключается в том, что не хватает пастырей. Многие общины ждут своих священников по нескольку лет.

Единственным историческим методом распространения Православия, еще малоиспользованным в тропической Африке, является монашество. В то же время именно монахи часто были пионерами в миссионерском деле. Их немного, но они есть и на экваторе. Афонские монахи трудятся в Заире, есть один монах в семинарии города Найроби. Также одна греческая монахиня преподает на Мадагаскаре. Но это исключение. В “черной” Африке до сих пор нет православных монастырей. Это должно

быть предметом необходимых молитв с нашей стороны.

Христос рассказывал притчу о сеятеле. В Африке некоторые семена посеяны на очень плодородной почве, и каждый раз, как только семена сажают, христианские общины цветут, однако существует опасность, что почва, в которую всажено семя, недостаточно глубока. Именно монашество и может обеспечить эту глубину. Возможно, будет необходимость, чтобы монахи и монахини приезжали из различных регионов мира — тогда они смогли бы привнести разнообразие монашеской традиции, как, впрочем, это уже и делается. И, наверное, только таким образом африканские монастыри смогут стать на ноги в разных районах Африки на основе полноты православной традиции.

Западные христианские миссии во многом способствовали тому, что в Африке возникло громадное множество всевозможных синкретических афро-христианских сект, соединяющих в себе некую новую разновидность христианства и откровенное язычество. Но одной части африканского христианства удалось избежать этой печальной участи. Вырвавшись из пучин протестантских миссий, ищущие истины африканские христиане, смогли прийти к тихой пристани Православия.

*По материалам журнала “SOP”
Владимир Голубцов, II курс МДА*